

Тоска по подвигу

Книжная ярмарка «нон-фикшн» 2019 года была, как всегда, многолюдна. Завсегдатаи и гурманы книжного рынка толпились на очень компактном выставочном пространстве в самом центре Москвы. И – неожиданно – в самом центровом месте этого главного для издателей и читателей события года я увидел книгу об Олеге Куваеве. Уже не трёхтомник самого Куваева, не отдельно роман «Территория», но книгу о нём. Против таких же и ещё значительно более броских по названию и обложке соседних книг она стоила существенно дороже.

В чём же причина такого интереса к давно ушедшему автору? Что вызвало экранизацию романа, которым мы зачитывались в нашем школьном детстве, и который ведь про людей совсем другой эпохи? Что находит в нём новое поколение моих студентов, детей Интернета и социальных сетей?

Это тоска по смелости преодоления себя и мужеству освоенческого нон-конформизма, по романтике первопроходства. Это было в нашей юности, но в последние десятилетия было потеряно в новых реалиях нашей жизни, в потоках зарубежных и отечественных фильмов про неожиданный денежный фарт, про украденные и присвоенные богатства. Ценности трудового подвига, твёрдых принципов и непокорности обстоятельствам как-то померкли.

Но оказывается – их привлекательность не ушла! И воз-

вращение к Олегу Куваеву, переоткрытие его книг и интерес к его личности среди новой российской молодёжи и пост-советского поколения тому свидетельство. И как же было мне интересно узнать, что молодых создателей нового фильма «Территория» увлекли те же самые мысли и фразы Куваева, что и меня в моей книге «И последние станут первыми: северная периферия на пути к экономике знания». Разные поколения, но рискну сказать, что потребность в подвижнической самореализации, в героизме самоотверженного служения стране в новом поколении не меньше, чем было у нас. Его нужно просто разбудить! Скажу даже больше – мы были «перекормлены» подвигом на школьных уроках литературы. И для нас О. Куваев был просто одним из многих авторов, который писал про настоящих

мужчин, готовых на беспредельный риск во имя самоутверждения, в котором всегда было и служение своей стране. А для нового поколения россиян – Олег Куваев, можно сказать, **ЕДИНСТВЕННЫЙ** автор, который говорит им о трудовом подвиге, о радости преодоления испытаний, а не о сладкой жизни за счёт вдруг свалившегося богатства.

И для Куваева, и для меня все эти вечные человеческие ценности естественно связываются с Севером, с Арктикой России – пространством служения стране и одновременно преодоления себя, выковывания из себя сильной личности. Их мировоззренческая, ценностная роль для страны всегда была велика. Ведь неслучайно Север стал самой основной российской государственности. Но и сегодня уроженцы Севера – в ряду политиков федерального масштаба.

№ 1 (125), 2020

**Этнополитический
и литературно-
художественный
журнал**

Учредитель:
редакция газеты «Литературная Россия»

Главный редактор
Вячеслав ОГРЫЗКО

Заместитель главного редактора
Евгений БОГАЧКОВ

Компьютерный набор
Татьяна ЕГОРОВА
Дизайн/Вёрстка
Ольга ПЕЛЕНКОВА

В оформлении обложки использованы
фотографии Владимира ВАСИЛЬЕВА

Подписано в печать
26 февраля 2020 года.

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ
по печати. Свидетельство о регистрации
№ 015849 от 14 марта 1997 года.

Тираж 1000 экз.

Адрес редакции:
127051, Москва,
Цветной бульвар, 32, строение 3.

Телефоны: 8 (495) 694-23-24,
8 (495) 694-03-65

www.north.litrossia.ru
E-mail: litrossia@litrossia.ru

Отпечатано в ФГУП
«Издательство «Наука»
(Типография «Наука»)
121099, Москва, Шубинский пер., 6

Заказ 97к-20

СОДЕРЖАНИЕ

- Открывая номер
Александр ПИЛЯСОВ.
Тоска по подвигу.....1
- На океанских просторах
Олег ХИМАНЫЧ.
Большие корабли для высоких гостей.....4
- Путешествие на малую родину
Владимир ИВАНОВ-АРДАШЕВ.
Чукотка без экзотики.....8
- Командировка к манси
Ольга ИЖЕНЯКОВА.
Мои корни – в Югре.....13
- Мы – один мир
Сиирала ПИЯ.
*Встреча на Камчатке у чукчей. Беседу вёл
Андрей ШАПРАН.....16*
- У нас была великая литература
Вячеслав ОГРЫЗКО.
С мужичьим лукавством: Фёдор Абрамов.....22
- Владислав ПОПОВ.**
В Питер к Абрамову.....34
- Юрий РОСТОВЦЕВ.**
Братья и сёстры, где Вы?.....38
- Мой родной язык
Анна МУЛИИН.
Живительное пинежское слово.....43
- Древо родства
Валерий КАРЬЯЛАЙНЕН.
В лабиринте памяти.....46
- Чукотская проза
Иван ОМРУВЬЕ.
Каникулы на Ратоне.....50
- Живут сказания
Алина ЧАДАЕВА.
Мифические птицы нанайцев.....65

Пройдя прививку Севером, они вышли на первые роли столичных мэров, федеральных министров и законодателей. А я вспоминаю, что именно мой земляк колымский геолог Владимир Полеванов остановил на год разрушительную вакханалию приватизации по Чубайсу. И разве это не тот же куваевский подвиг?

Быть модератором арктических и северных конференций всегда приятно, потому что встречаешь на них духовных единомышленников, людей одной группы крови с тобой, поднимающих наверх ценности труда, а не денежного форта. Осенняя конференция в Архангельске, посвящённая новым российским арктическим проектам, не выбивалась из этого общего ряда.

На её пленарном заседании я говорил о смелости большевиков, которые из промыслового поморского края сделали промышленную область, с развитой даже по меркам центральной России обрабатывающей промышленностью и легендарной школой военных инженеров. И было удивительно, насколько моим собеседникам из Архангельской области важна эта память, как редко их возвращают в эти легендарные времена пионерного хозяйственного освоения поморского Севера.

А в соседнем «ближнем Севере» – в Ненецком автономном округе – губернатором Александр Цыбульский, который проходит наш, классический путь профессионального мужания. Путь Куваева, путь нашего поколения оторвавшихся от столиц и испытывающих себя молодых профессионалов. И насколько же этот путь – от заместителя федерального министра экономики в арктические губернаторы – правильнее, чем путь другого его ровесника – из министров в «советники»!

Научная тема, которой я занимаюсь сейчас, – новое освоение Севера и Арктики России. В советское время она была очень популярна и престижна и разрабатывалась усилиями сотен исследователей. Существовали «освоенческие» школы по всей стране – в Москве, Ленинграде, Мурманске, Сыктывкаре, Омске, Тюмени, Новосибирске, Хабаровске, Магадане. Я отдал дань этой теме в своей докторской диссертации «Закономерности и особенности освоения Северо-Востока России».

После исследовательского бума интереса к этой теме в советское время в девяностые возникло затишье. Можно даже сказать, состояние растерянности и разброда. Какое вообще освоение, когда нужно говорить об элементарном выживании на Севере и в Арктике, даже бегстве отсюда сотен тысяч людей?

И вот в нулевые годы началось сначала робкое, единичное освоение новых ресурсных проектов в Арктике, модернизация старых добычных предприятий ещё 1930-1960-х годов постройки. В десятые годы речь уже шла о минимум десятке новых проектов, реализуемых в российской Арктике. Возникла потребность научного обобщения новых феноменов освоения 2.0, тех новых эффектов, пространственных конфигураций, актёров, которые в этом процессе задействованы.

Моя радость возвращения в эту тему была абсолютно закономерной. Страна от эпохи передела и форта переходит к эпохе созидания и трудового подвижничества. И мой родной Север, Арктика, находятся в авангарде этого процесса. Моя мечта – чтобы в России возникла снова школа увлечённых молодых исследователей нового процесса освоения Севера и Арктики. Я убеждён, что это не чисто экономический, не чисто исследовательский феномен. Это феномен мировоззренческий и нравственный. Возвращение Куваева в нашу жизнь закономерно совпадает с новыми усилиями России в своей Арктике, с поднятым Президентом России арктическим императивом в современной российской экономике и политике.

Вспоминаю встречу с заместителем Министра по Арктике: «трудно, потому что людям нужны быстрые, очень быстрые результаты... А так же не бывает». И помню свой ответ: «людям нужны окрыляющие примеры позитивных преобразований, реализованных проектов, выполненных политиками обещаний». И представляется, что российская Арктика, Сабетта и Ванкор, Приразломное и Новый Порт, Купол и Майское, уже дают нам первые примеры таких воодушевляющих прорывов. И как тут не вспомнить куваевского работягу по кличке «Кефир»: «а ведь могём, ребята, ей-богу, могём!».

Александр ПИЛЯСОВ,
профессор МГУ,
доктор географических наук,
директор Центра экономики
Севера и Арктики

Олег ХИМАНЫЧ

БОЛЬШИЕ КОРАБЛИ ДЛЯ ВЫСОКИХ ГОСТЕЙ

Как правило, ими были либо флагманы Северного флота, либо самые совершенные

В мае прошлого года в номере «Вечернего Северодвинска» был опубликован исторический очерк «Агент 007» против «Орджоникидзе». Речь в нём шла о знаменитом визите правительственной делегации СССР в Англию на борту балтийского крейсера «Орджоникидзе», а также о загадочном ЧП, которое произошло во время стоянки корабля в Портсмуте...

Признаться, несколько неожиданно для меня публикация о тех событиях весны 1956 года вызвала интерес у читателей. Были среди моих собеседников и бывшие моряки, кому в годы службы на флоте довелось принимать у себя высоких гостей. Собственно, так и родилась тема уже сегодняшней публикации об исторических личностях, посещавших экипажи боевых кораблей. Таких моряки, по обыкновению, вели на свои лучшие корабли, как правило, крупные, флагманские. И здесь не стал исключением ни Северный флот, ни наш город. Это сейчас руководители высокого ранга обычно прибывают к нам авиацией – сначала самолётом в Талаги (Архангельск) и уже оттуда вертолётom следуют в Северодвинск. А ведь было и по-другому. И коль скоро речь прежде всего о Краснознамённом Северном, то начнём мы, пожалуй, с его главной военной гавани в пятидесятых...

Год 1954. Николай Булганин

Напомню, Николай Булганин на тот час являлся министром обороны СССР. Весной 1954 года он посетил Северный флот. Тогда же и был сделан снимок, который мы представляем вашему вниманию. Он оказался в моём собрании благодаря знатоку российской старины и коллекционеру Александру Шанину. В самом низу снимка мелкими буквами пометка: «Фото И. Никишова». Что любопытно, присутствуют на снимке, по меньшей мере, три известных наших военачальника: в центре – упомянутый министр обороны СССР маршал Николай Булганин, по правую руку от него – главком ВМФ Союза Николай Кузнецов, по левую – командующий Северным флотом Андрей Чабаненко.

Определить, на каком именно из кораблей некто И. Никишов сделал этот исторический снимок, удалось не сразу. Сначала пришлось обратиться к архивам, а также к непосредственным свидетелям событий, которые, по большой удаче, нашлись и в Северодвинске, и в Архангельске. Уже у них, к слову, нашлись и многие другие фотографии того же дня, 11 мая 1954 года, в Североморске. По документам же удалось установить, что на день визита Николая Булганина в составе Северного флота состояли артиллерийские крейсера «Железняков»,

«Чапаев» (оба проекта 68) и «Александр Невский» (проект 68-бис), которые ранее все служили на Балтике. А самый новый из них – «Александр Невский» появился на рейде в феврале, то есть всего за два с половиной месяца до приезда Булганина. К тому же с 11 по 13 мая 1954 года, как указано в официальной хронике, крейсер «Александр Невский» под флагом министра обороны (!) в сопровождении крейсера «Железняков» и ещё одиннадцати эсминцев совершил переход из Североморска до Йоканьги и обратно. Таким образом, с большой долей вероятности именно

Министр обороны СССР Николай Булганин в гостях у североморцев крейсера «Александр Невский», 1954 год

на «Александре Невском» и была сделана фотография.

Правда, некоторые утверждают, что кораблём, который посещал министр обороны в тот день, мог быть ещё и крейсер «Мурманск», но по документам лёгкий крейсер «Мурманск» постройки завода №402 впервые прибыл в Североморск из нашего города 29 октября 1955 года, то есть более чем на 18 месяцев позже визита Николая Булганина на Северный флот.

Год 1962. Никита Хрущёв

Первый секретарь ЦК КПСС и председатель Совета Министров СССР Никита Сергеевич Хрущёв прибыл в наш город на новейшем ракетном крейсере «Грозный». И было это в июле 1962 года. Немногие сегодня знают, что перед этим тогдашний руководитель нашей страны сначала посетил Мурманск, а затем, уже по пути к нам, завернул в Грехиху. И это было вовсе не случайно, а предусмотрено программой его визита на Север. Дело в том, что незадолго до появления «Грозного» в Грехихе туда же вернулась атомная подводная лодка К-3 (будущий «Ленинский комсомол») после своего первопроходческого похода подо льдами Арктики в район Северного полюса. Здесь Никита Сергеевич и сопровождавший его министр обороны Родион Яковлевич Малиновский приветствовали экипаж подлодки, вручили морякам награды и уже после всех церемоний направились в Белое море и в наш город.

Немного о самом крейсере, – право, он стоит того. «Грозный» открыл серию ракетных крейсеров 58-го проекта с противокорабельным оружием и даже был здесь головным. Но вот что любопытно: на стадии проектирования и даже немного позже такие корабли относили чуть ли не к разряду эсминцев. И только в июле 1962

Встреча Н.С. Хрущёва на причале Северодвинска, июль 1962 года

Ракетный крейсер «Грозный» (проект 58), доставивший в Северодвинск Н.С. Хрущёва

года (!), то есть когда корабль совершал поход в Белом море и произвёл успешный пуск своих ракет, в учебном полигоне «на глазах у Н.С. Хрущёва» потопил судно-цель (бывший лидер эсминцев «Ленинград»), судьбу его окончательно решили – «Грозный» принялись классифицировать как крейсер с реактивным вооружением. Добавим: сначала хотели построить шестнадцать крейсеров проекта 58, но затем передумали и построили только четыре – по одному на каждый из советских флотов.

В Северодвинске, как рассказывают, «Грозный» причалил к построечной набережной близ цеха №9 завода №402 (нынешний Севмаш). Фотографии данного крейсера, прибывшего в наш город, в моём собрании нет. Есть репортажные снимки, как Никиту Сергеевича встречают на причале, как ведут к цехам, как шагает он по цеху №50 вместе с директором предприятия Евгением Егоровым, как едут они по улицам города в открытом правительственном ЗИСе, наконец, как Хрущёв поднимается по трапу обратно на корабль, а вот самого крейсера нет. Разве что на дальнем плане снимка, на котором заводская девушка-комсомолка вручает Никите Сергеевичу букет цветов, в верхнем левом углу, можно различить часть надстройки «Грозного».

Отличник «Мурманск»

Однако чаще других в истории Северного флота советского периода на свою палубу принимал высоких гостей уже упоминавшийся лёгкий артиллерийский крейсер «Мурманск». О нём история особая уже потому, что построили его северодвинцы...

Таких крупных надводных кораблей, как крейсера проекта 68-бис, на заводе №402 никогда не строили. Своей мощью и горделивой статью они впечатляли и моряков, и самих корабелов. Сегодня, когда глядишь на фото крейсеров проек-

Леонид Брежнев и Алексей Косыгин на борту крейсера «Мурманск», Северодвинск, 1967 год

та 68-бис, не столько вспоминается детство, сколько уже с позиции взрослого человека размышляешь о времени, когда они строились. Оно не было лёгким, ведь после окончания войны прошли считанные годы. Но на всех верфях страны тогда кипела работа – новые корабли строили с энтузиазмом, впрочем, как и всё, что в ту пору создавалось коллективным трудом. В этом оптимистичном настрое людей присутствовала большая надежда, что впереди теперь иная жизнь, что к мрачному периоду сталинизма страна уже никогда не вернётся, что отныне всё будет справедливо, по совести и потому детям и внукам в жизни выпадет счастливый жребий. Иными словами, была вера, какой, пожалуй, нет сегодня.

Два корабля проекта 68-бис – «Молотовск» и «Мурманск», которые сдал флоту завод №402, могут составить предмет гордости любой верфи. Именно они долгое время являлись лучшими в советском кораблестроении: радовали специалистов своей высокой скоростью и манёвренностью, превосходно держались на курсе даже в крепкий шторм, несли современную артиллерию и минно-торпедное вооружение. Незаурядные тактико-технические качества и красивый облик крейсеров предопределили и то, что в своё время именно им поручалось представлять нашу страну во время официальных визитов советского флота в зарубежные порты...

«Мурманск» северодвинцы сдали флоту осенью 1955-го. Корабль прослужил на Северном флоте четыре десятка лет, был его флагманом, участвовал в «средиземках» в моменты международных конфликтов и вошёл в историю советских Вооружённых сил как лучший крейсер – не было таких высших почётных наград и призов в списках Министерства обороны, которыми не владел бы его экипаж!

Год 1967. Леонид Брежнев, Алексей Косыгин

В тот день Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев и председатель Совета Министров СССР Алексей Николаевич Косыгин приехали на Севмашпредприятие, где готовилась к сдаче флоту первая атомная подводная лодка К-137 – первый наш подводный ракетоносец второго поколения. Снимков в тот день было сделано немало, как представителями иногородних СМИ, Северного флота и Беломорской ВМБ, так и заводским фотографом Ю.И. Лавровым. Юрием Ивановичем главы нашей страны запечатлены и на территории предприятия, и на береговом дебаркадере, но мало кто знает, что поднялись они и на палубу крейсера «Мурманск», который специально прибыл в наш город. Вообще, любопытно: о том визите Брежнева и Косыгина в Северодвинск вроде бы и написано немало, и фотоснимков сделано предостаточно, в основном на территории Севмаша, а про посещение «Мурманска» практически ничего не известно.

Между тем снимки с крейсера сохранились в домашнем архиве контр-адмирала в отставке Евгения Александровича Скворцова, который тогда командовал «Мурманском». Он поделился ими со мной, когда шла работа над фотоальбомом «Город мой молодой», посвящённым 70-летию нашего Северодвинска. К слову, и сегодня это самое объёмное собрание фотографий по истории нашего города из вышедших в свет изданий...

Сопровождал первых лиц нашего государства в той поездке тогдашний командующий Северным флотом Семён Семёнович Лобов – на снимке он крайний слева. «Мурманск» командира Евгения Скворцова, думается, для посещения выбрали не случайно – он тогда считался лучшим кораблём Военно-морского флота СССР, хотя и не был флагманом североморцев, потому что в чисто военном отношении – по огневой мощи, скорости и средствам защиты – он, конечно, уступал новым ракетным крейсерам. Однако порядок на «Мурманске» был заведён и поддерживался такой, что не оценить его по достоинству было просто невозможно.

Между прочим, в серии снимков Евгения Александровича Скворцова были и те, что сделаны на причале Беломорской военно-морской базы в тот день 1967 года. Запечатлены, например, посадка первых лиц государства на корабль, торжественное вручение памятных подарков лучшим морякам-беломорцам. Последнюю церемонию Брежнев, Косыгин и маршал Андрей Антонович Гречко (тогда он был министром обороны) провели прямо на причале.

Генсек на «Акуле»

30 сентября 1987 года начался трёхдневный рабочий визит Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачёва в Мурманскую область. С Раисой Максимовной, разумеется. Цель визита – вручение городу Мурманску ордена Ленина и медали «Золотая звезда». За три дня, кроме областного центра, Михаил Сергеевич посетил Мончегорск и базу Северного флота – Североморск, где ему, конечно же, представили гордость моряков – тяжёлый стратегический подводный ракетоносец 941-го проекта, одну из лодок семейства «Акула» (по классификации НАТО – *Turboon*). Расстаравшиеся моряки намеревались удивить Михаила Сергеевича масштабами и мощностью этого самого большого в мире подводного корабля, построенного у нас на Севмашпредприятии. Однако, скорее всего, ожидаемого эффекта они не добились. Михаил Сергеевич с окружающими его высокими официальными лицами лишь потоптался на верхней палубе подлодки и в отсеки корабля спускаться не стал (трудно представить, как бы делала это его Раиса Максимовна).

Какие мысли бродили в голове у тогдашнего руководителя СССР в те минуты, неизвестно до

Командующий Северным флотом Семён Лобов, Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев, председатель Совета Министров СССР Алексей Косыгин на борту крейсера «Мурманск», Северодвинск, 1967 год

сих пор. Однако совершенно точно – никто из всех остальных, запечатлённых фотографом на верхней палубе «Акулы» в тот осенний день, даже представить себе не мог, какой трагедией обернётся для нашей страны и её Военно-морского флота затеянная Михаилом Сергеевичем «перестройка».

г. СЕВЕРОВИНСК

Генеральный секретарь ЦК КПСС Михаил Горбачёв со своей официальной свитой на верхней палубе тяжёлого подводного ракетоносца «Акула», Североморск, 1987 год

Владимир ИВАНОВ-АРДАШЕВ

Чукотка без экзотики

Чукотка для хабаровских исследователей и путешественников край хоть и далёкий, но желанный и близкий по тематике. Было время, когда Анадырский округ входил в состав Приамурского генерал-губернаторства, а позже Анадырский район относился к Хабаровскому краю, и в моём свидетельстве о рождении так и записано. Поэтому и считаю Чукотку своей малой родиной и ещё с юности мечтал вновь побывать в Анадыре, где когда-то появился на свет.

И такой случай представился пару лет назад, когда вместе с хабаровскими краеведами Геннадием Басюком и Константином Пронякиным отправился в долгую поездку по следам полярных лётчиков, участников героического спасения экипажа и пассажиров парохода «Челюскин» в 1934 году.

Экспедиция проходила при содействии объединения ВВС и ПВО Восточного военного округа, морской авиации Тихоокеанского флота и лётного отряда ФСБ, обслуживающего пограничные части.

Чукотка – моя малая родина. Родился на ней ещё в начале «холодной войны», когда вчерашние союзники, русские и американцы, пытались скрестить воздушные «томагавки» над Беринговым проливом, но, странное дело, ненависти друг к другу не испытывали. Во всяком случае, военные лётчики, к которым принадлежал и мой отец, штурман военно-транспортных «дугласов», поставлявшихся по ленд-лизу. На одном из них, легендарном С-47 «Скайтрейне», который наши лётчики почему-то называли «Сикорским», меня когда-то везли из Анадыря на большую землю. С тех пор «дугласы», «аэрокобры» и прочие американские самолёты волнуют моё воображение, а аэродромы в Уэлькале, Уреликах и Сеймчане звучат, как магические заклинания о моей северной родине.

Мечтал всегда побывать на Чукотке, в Угольных Копях, что вблизи Анадыря. И такая возможность представилась. И не просто

поездка, а благородная миссия, когда вместе с двумя коллегами из Хабаровского общества охраны памятников истории и культуры, связанных с охраной северных рубежей России, больше месяца мотался по военным аэродромам, действующим и уже заброшенным. Об этом и хочу рассказать, поделиться штрихами воспоминаний. Но вначале немного лирики. О писателе Тихоне Сёмушкине, чей роман «Алитет уходит в горы» одних читателей заинтриговал, а других огорчил и даже вызвал чувство обиды.

А потом всё куда-то делось. Словно и не было советской литературы. И когда мы были на Чукотке, редкий собеседник мог припомнить имена писателей, своих земляков. Даже бронзовый памятник писателю Юрию Рытхэу в Анадыре словно позеленел от обид. Или мне так показалось? Памятник эффектный, только сомневаюсь, чтобы классик чукотской литературы разъезжал по тундре нарядным щёголем. Да и собаки какие-то забавные, рядом с ними приезжие очень любят фотографироваться.

А если серьёзно, то в самый раз вспомнить о всеобщем беспамятстве, докатившемся и до студёных берегов Чукотки. Нет, Чукотка вовсе не гибнет, Анадырь даже преобразился, за что многие искренне благодарны бывшему губернатору Роману Абрамовичу. Когда его «сослали» в Анадырь, он первым делом выделил солидный продовольственный паёк всем без исключения, и обнищавшие при прежнем губернаторе люди воспрянули духом. Кто-то даже задумался, а почему бы Чукотку не присоединить к Аляске? Но потом передумали, и как уверены чукчи, Америка пусть живёт сама по себе, а Чукотку от России никто не защитит. Кто же тогда защитит самих русских? От бегства на большую землю и неуверенности в завтрашнем дне. Сейчас такие настроения вновь усилились. И проблемы демографии стали решающими.

И может, всё ещё переменится к лучшему? Но в отношении многих жителей Чукотки это вряд ли возможно, ведь происходит размывание коренных этносов. Ну и что, могут мне возразить, ведь процесс ассимиляции закономерен, и симпатичным чукчанкам где-нибудь на Мысе Шмидта никто не запретит выходить замуж за энергичных русских офицеров. Да и парничукчи тоже не против присмотреть бледнолицую учительницу или фельдшерницу. Так и живёт Чукотка в нынешнем мире ассимиляции и интернета.

Кстати, интернет на Чукотке слабый, зато заработки запредельные. Цены тоже астрономические. И кто-то с юга даже мечтает туда попасть. Я бы тоже хотел поклониться своей малой родине. И когда смотрел по вечерам на Анадырский лиман, представлял, что такие же сопки по его берегам были и в начале пятидесятых, когда здесь жили мои родители. И офицерский паёк в те времена тоже был отличным, только тот американский шоколад однажды показался горьким.

Не хочется давать пессимистический прогноз, но впечатления от поездки на Чукотку оказались двойственными. Нарядный, как сказка, центр Анадыря, и руины заброшенных гарнизонов по другую сторону лимана, в Угольных Копях, где когда-то дислоцировался танковый батальон для захвата Аляски. Страшно подумать, что ожидало бы наших танкистов, моряков и пехотинцев по другую сторону Берингова пролива. Как, впрочем, и американцев в случае вторжения на наш берег. К счастью, обошлось. А вообще военные действия на Чукотке сродни фильмам ужасов, и очень надеюсь, что такое не придёт никому в голову.

Но для писателей, я думаю, чукотская земля – проигранное место боя. Кто-то пытается издавать книги в тёплых краях, другие забыли даже Тихона Сёмушкина, и если бы не библиотека его имени в селе Лаврентия и установленная нами памятная доска в честь писателя, было бы совсем грустно. А бронзовая фигура Юрия Рытхэу в центре Анадыря позеленела от горькой обиды на земляков и их нынешнее беспамятство.

А может, так ей и надо, нашей никудышной памяти, когда-то накуролесившей в годы бездарных реформ, и нужно быть реалистами, чтобы пережить нынешнее лихолетье? Может, и так. Ведь не зря говорят, что писатели любят фантазировать и городить невесть что. И коль на Чукотке возможен дельный губернатор,

вроде Романа Абрамовича, то почему бы не появиться и новому? И уже не с внушительными пайками всем и вся и строительством роскошных особняков, а с чем-то вполне разумным и очень своевременным?

Пока же вокруг Чукотки курсирует лайнер для богатеньких заморских туристов, желающих поглазеть на дикие берега и северную экзотику. Приезжают в тундру и всякие зарубежные романтики. Только их вряд ли пригласят на экскурсии в брошенные гарнизоны, и даже в Бухту Провидения, где снимался фильм «Территория» по книге Олега Куваева. Там, кстати, есть и памятник участникам Второй экспедиции Витуса Беринга, людям суровым и мужественным, когда-то вступившим на этот дикий берег. Он и сейчас напоминает марсианский пейзаж, и когда я на рассвете вышел на палубу теплохода, в душе содрогнулся и вспомнил слова Данте: «Оставь надежду всяк сюда входящий». Но потом взошло солнце и посёлок, уходящий в крутые скалы, показался чуть приветливей.

Так и живёт моя малая родина. Не знаю, удастся ли вновь побывать на её берегах, но что-то доброе в душе осталось. Вспомнил родителей, когда-то живших здесь. По нашим семейным фотографиям впечатление такое, будто была одна заснеженная тундра, военный аэродром и мощные «дугласы», рядом с которыми запечатлён мой молодой и весёлый отец. И его уважительные воспоминания о ленд-лизе и американцах, помогавших нам во Второй мировой войне. А о войне холодной отец вспоминал вскользь и без ненависти. Наверное, ненависть появилась позже, когда началась Корейская и Вьетнамская войны, но в них отец уже не участвовал. И это уже совсем другая история.

А теперь о чукотской экзотике.

Если вы решили съездить на Чукотку и отведать мяса кита, приготовьте кругленькую сумму. Но и это не гарантирует экзотических блюд,

Пос Лаврентия (Чукотка)

Памятник Юрию Рытхэу в Анадыре

даже если вы на круизном судне и в компании богатых иностранцев, ибо коммерческая реализация китового мяса запрещена. Разве что на берегу студёного Берингова моря незнакомый чукча или эскимос угостит вас по доброте душевной. Только не говорите потом, что выменяли мясо за бутылку водки, ибо это тоже дело подсудное. Лучше окажитесь в нужный момент вблизи мотоботов, доставивших к берегу загарпуненного кита, и тогда вам по законам северного гостеприимства отрежут кусок мяса и легендарный мантак – пласт толстой кожи коричневого цвета с белым жиром, который можно есть сырым.

Мне тоже довелось попробовать. И вкус, скажу, весьма специфичный – что-то вроде тугой, но съедобной резины с привкусом морской соли. Поневоле вспомнил легендарного Моби Дика, или Белого кита, чьих хвостатых потомков до сих пор добывают в океанских просторах. Правда, с момента публикации знаменитой книги Германа Мелвилла прошло уже полтора столетия и человечество слегка подобрело в отношении китов, но всё равно полного запрета на этот промысел пока нет. И особенно упрямятся японцы, добывающие ежегодно и якобы в научных целях до тысячекитов, но мясо китовое в виде деликатесов почему-то регулярно появляется в дорогих токийских ресторанах. А ведь именно японский писатель и нобелевский лауреат Кэндзабуро Оэ возглавил всемирную борьбу за спасение морских левиафанов, и его персонажи, начитавшись романа Фёдора Достоевского «Идиот», даже взяли за автоматы, чтобы их «не объяли воды до души моей», как библейского Иова, проглоченного китом ради перевоспитания.

А может, Всевышний специально послал китов, чтобы спасти людей в этих суровых северных широтах и насытить их не только мясом, витаминами, но и надеждой? Признаться, такое пришло в голову, когда увидел, как вытаскивают на берег самку серого кита, и мысленно попросил у неё прощения. «А корову, иду-

щую на бойню, тебе не жалко?» – пошутили друзья, когда вечером слегка обмыли это дело. Конечно, жалко и корову, но момент её заклания скрыт от посторонних глаз, а тут – всё напоказ, даже чрево, не познавшее материнства.

Впрочем, самку эту могла ожидать и другая участь – истерзанные плавники и вырванная нижняя челюсть, так охотятся свирепые косатки, съедающие самое вкусное. Морские косатки – зрелище впечатляющее, и когда их чёрные плавники разрезают волны невдалеке от мотоботов, китобои настороже, хотя косатки на людей не нападают, а питаются китами и тюленями.

А теперь немного размышлений. Но не тех, скучных, что быстро забываются, а тревожных и проходящих через сердца морских зверобоев и таких, как мы, случайных гостей, бредущих по кромке моря.

Приехали в село Лаврентия в августе, когда в Хабаровске стояла жара, а тут, на краю Чукотки, надели куртки и ёжились на холодном ветру.

Чукотка, конечно, название условное, сложилось исторически, и с таким же успехом полуостров можно было бы назвать Эскимоской и Юкагиркой, ибо два этих этноса – древнейшие, живут здесь со времён палеолита, а предки чукчей с побережья Охотского моря пришли позже, но также застали последних мамонтов, живших на острове Врангеля. Чукчи оказались воинственными и вытеснили эскимосов на Аляску. С тех пор Берингов пролив стал границей между этими этносами. Хотя малая часть эскимосов всё же осталась на Чукотке и старается жить обособленно от чукчей, но «просветители» советской поры, включая писателя Тихона Сёмушкина, автора романа «Алитет уходит в горы», наломали таких словесных дров, что многие читатели до сих пор думают, будто на полуострове живут одни счастливые чукчи, да ещё весело ждут в чуме рассвета, как поётся в одной задорной песне. Нет тут никаких чумов, а жилища называются ярангами. Впрочем, и

яранг тоже мало, остались лишь у кочующих в тундре оленеводов, а морские зверобои живут в домах, вполне удобных, но на бетонных сваях, по канадской технологии, поскольку обычные фундаменты быстро разрушаются. Что касается счастливых дней, то они, конечно, бывают. Раньше таким праздником считалась успешная охота на китов, не омрачённая трагедиями, когда морские исполины в ярости разбивали байдары.

Промысел китов нынче ведётся по замысловатой схеме. Вроде как по старинке, когда можно использовать только ручной гарпун, но байдары, ставшие мотоботами, с мощными двигателями – так международные чиновники пытаются убедить «зелёных» и правозащитников в якобы традиционном способе охоты. Японцы, напомним, такими выкрутасами не занимаются и добывают китов с помощью новейших стреляющих гарпунов.

Было время, когда и наши мощные китобойные флотилии добывали китов тысячами, рапортуя об успехах. Потом страна присоединилась к международным конвенциям, но не по причине любви к морским исполинам, а из-за одряхления флота. Американцы и скандинавы выступили тут инициаторами, хотя сами когда-то уничтожали китов по всему Мировому океану.

Во времена писателя Германа Мелвилла, молившегося на китов, его соотечественники из Бостонской китобойной компании безбожно охотились за «нашими» китами у берегов Чукотки, Камчатки и в Охотском море, добывая их в несметном количестве. С тех пор образ «злых» американцев накрепко засел в мозгах россиян, мол, только они, проклятые, виноваты в наших промысловых бедах, хотя, замечу, ещё задолго до американцев наши зверопромышленники и казаки уничтожили в Охотском море популяцию морских коров – крупных млекопитающих семейства дюгоневых, чьё мясо напоминало по вкусу говяжье. Могли бы известить крупную живность и у побережья русской Америки, а заодно и на самом континенте, да не успели. А вот американцы стали благоразумнее и сумели восстановить леса и реки на бывшем «русском» севере, вначале ограбленном ими же самими, но потом сберегаемом.

И пресловутые индейские резервации, которыми так любили пугать наши пропагандисты, также оказались весьма разумными в административном и экономическом плане. И не такими уж пьющими.

Кстати о пьянстве. Нынешние чукотские сёла, в которых удалось побывать, оказались не столь уж пьющими, как обычно рисуется в интернете. Конечно, если авторы реплик из числа приезжих блогеров общались с местными жителями

исключительно у магазинов, то примеры всегда можно найти. Нам же повстречалось лишь несколько подвыпивших мужчин в селе Лаврентия, где очередной загарпуненный кит, казалось бы, должен привести к бурной и всеобщей выпивке. Но этого не наблюдалось. Возможно, по причине дороговизны спиртного, либо в интернете орудуют по старинке, используя привычные стереотипы. Так, по-прежнему считается, что аборигены в старину любили пьянствовать, чем пользовались хитрые американские торговцы. Но, как уверен хабаровский врач и учёный Салават Сулейманов, многие годы проработавший на Чукотке, заморским бизнесменам были невыгодны ни пьяные чукчи, ни эскимосы, поскольку взятые ими в долг товары могли «накрыться». А вот советские заготовители мехов и моржовых бивней, уступавшие американцам в количестве и разнообразии товаров, рассчитывали в основном на спиртное.

Помню, как во время одной из телевизионных дискуссий писатель Анатолий Буйлов, автор романа «Большое кочевье», сам поработавший в тундре оленеводом, в сердцах воскликнул: «Только спирт и патроны – вот чем могли заинтересовать оленеводов!». На что ему тут же возразили, приведя в пример и «красные чумы», и школы-интернаты, и льготы для северян.

Да, всё это было. И хорошего, наверное, больше, чем плохого. Но, к сожалению, благие пожелания не всегда приводили к нужным результатам. И писатели из числа северян, которым, казалось бы, грех жаловаться на невнимание, частенько срывались, высказывая накопившиеся обиды.

Но вернёмся к китам. Согласно международным квотам, чукотским зверобоям, а, стало быть, и всей России, отводится ежегодно порядка ста двадцати китов. В основном серых, которые меньше по размерам гренландских, на которых предпочитают охотиться эскимосы Аляски. «Однако несправедливо!» – решили наши эскимосы, а заодно и чукчи, тоже бывалые зверобои. И доверили чиновникам решать этот спорный вопрос. Чиновники долго судили и рядили, мол, кита за кита, как на войне, на что наши чиновники резонно возразили: «Гренландский кит, хоть и гигант, ведёт себя смиренно, а серый кит агрессивен, и если хотите, проверьте на деле!». Но американским чиновникам этого не захотелось, и они согласились, что серый кит это круто! Теперь квоты на добычу китов для обеих сторон более справедливы.

Вроде бы, успокоились и «зелёные», которые, однако, против японской китобойной «научной» деятельности, мол, а тысяча китов в год это не слишком ли много? Надеюсь, и тут найдут общий язык. Не с китами, конечно. А вообще поголовье морских гигантов понемногу восстанавливает-

ся. И каждую весну и осень гренландские киты мигрируют во льдах, а «наши» серые киты появляются у чукотских берегов летом, и на каждую родовую общину выделяется по несколько особей, которых нужно загарпунить дедовским способом. Мы стали свидетелями пятого по счёту кита, доставленного в село Лаврентия тем летом. И, как положено по международной конвенции, замер добычи произвёл строгий пограничник.

А немного позже я услышал по телевидению, что квоты на добычу китов в тот сезон на Чукотке вряд ли будут выбраны. И диктор сообщил об этом с грустью в голосе, как о просчёте. Вроде как не убрали ещё один гектар в поле. А я подумал, а ведь это неплохо, что с квотами не справились. Значит, есть и другие продукты у северян, коль не торопятся выходить в море. Видел, как при разделке кита на берегу оставались ненужные пакеты с мясом. И не было всеобщего ликования, шамана с бубном, который в старину умолял убитого кита не обижаться на зверобоев и непременно возвращаться в другом обличье. Вот такая она, нынешняя промысловая Чукотка.

А вообще экспедиция на Камчатку и Чукотку заставила о многом задуматься, в том числе и о службе церковной в далёком северном краю.

Замечу, в старину на Севере священникам не только не возбранялось иметь ружьё, но и вменялось в обязанность. Ибо медведи камчатские и чукотские, в отличие от добродушных топтыгиных, наведывавшихся к лесной избушке старца Серафима Саровского, на ласковое слово не откликались и могли запросто растерзать. Поэтому отправляясь в тундру на оленьей или собачьей упряжке, священник частенько прихватывал и ружьё. Так, кстати, поступал и отец писателя Варлама Шаламова в бытность церковной службы на Камчатке и Алеутских островах. И вернувшись в родные вологодские места, охоту не забросил, и даже попрекал сына за мягкий характер, словно предчувствуя, как нелегко ему придётся за колючей гулаговской проволокой на «солнечной» Колыме.

Ходил с ружьём по Аляске и легендарный святитель Иннокентий (Вениаминов), бывалый таёжник, не обольщавшийся насчёт свирепых гризли, готовых сожрать и священника, казака, индейца, если те зазеваются. Потому и служили на Севере батюшки не робкого десятка. И сейчас служат, в чём мы убедились, побывав на Крайнем Севере в долгой и утомительной командировке. А ездили втроём – Геннадий Басюк, Константин Пронякин и автор этого очерка, кстати, родившийся в Анадыре в семье военного лётчика. Так что поездка была ещё и данью памяти родителям, жившим здесь в трудные послевоенные годы.

А путешествовали мы по маршрутам героиче-

ских лётчиков тридцатых годов, отличившихся при спасении экипажа парохода «Челюскин». Семерым из них было присвоено звание Героев Советского Союза – так на Чукотке родилась крылатая гвардия, удостоенная высшей награды страны. Были и другие отважные пилоты, чьи имена оказались временно забыты, как лётчика Александра Светогорова, и увековечить их в памятных досках тоже было нашей целью.

И открытие мемориальных досок, конечно, проходило торжественно, при участии православных священников. Так, в селе Лаврентия памятные доски на зданиях школы и аэропорта освящал клирик Белгородской и Старооскольской епархии иерей Александр Кулабухов, пребывавший в миссионерской командировке. Побывал он и у местных пограничников, освятив технику, и тут же засобирился в тундру, чтобы проникнуться чукотским настроением. Но молодому священнику деликатно напомнили, что в тундре небезопасно, как и во времена святителя Иннокентия, принёсшего Слово Божье на чукотскую землю ещё два века назад.

А в столице региона мы побывали у владыки Матфея, епископа Анадырского и Чукотского, получив благословение на добрые дела. Подарили ему книги о полярных лётчиках. Я тоже подарил свою книгу очерков «И останется Слово», где упоминается и моя малая родина. И, надо же, спустя несколько дней, когда мы летели на Камчатку, чтобы продолжить экспедицию, с нами в военно-транспортном самолёте Ан-12 был и владыка Матфей, служивший когда-то на Камчатке. Конечно, был в рясе, но не в том величественном облачении, как при службе в храме, а в повседневном одеянии и казался обычным странником, предложившим отведать рыбного пирога, когда самолёт пролетал над камчатскими вулканами. Мы с Константином Пронякиным, хоть и застеснялись, но всё же разделили трапезу, а я даже пригубил из стакана чаю, после чего пригубил и сам владыка Матфей, что показалось символично. Вроде как скромная вечеря, отнюдь не тайная, а в одной кабине с десятком крепких парней в военном камуфляже, которых я даже мысленно пересчитал. И цифра апостольская сходилась, вызывая библейские ассоциации. «Ну, Владимир, теперь ты будешь гордиться, что отпил из одной чаши с епископом Анадырским и Чукотским!» – пошутили попутчики. Конечно, горжусь, ведь такие, вроде бы, случайные встречи тоже от промысла свыше.

Так моя суровая Чукотка словно провожала в обратный путь. И очень хотелось снова вернуться и поработать в этих удивительных местах.

АНАДЫРЬ – ХАБАРОВСК

Ольга ИЖЕНЯКОВА

Мои корни – в Югре

Эта старая мансийская деревушка находится далеко в тайге. До ближайшего села, где на семь дворов одна рация «на случай чего», пять километров по вековому кедрачу. А от села до посёлка, куда раз в неделю прилетает вертолёт, нужно добираться на моторной лодке часа три-четыре, как повезёт. Деревня называется Сатыга и находится она на берегу живописного озера Туман. Её история далёкая и загадочная лишь отголосками рассказывает, как в XIII-XIV веках захаживали в эти края воины Чингиз-Хана и стали появляться здесь охраняемые крепостные укрепления, княжеские резиденции, святилища. Поселения служили центрами рыночного обмена.

По одной из версий, поселение облюбовал татарский князь Сатыга, который и построил неподалёку городище. Но у него оказалась маленькая слабость, он взял жену из местных, полюбил крепко, и никогда ни в чём ей не перечил. Однажды своенравная супруга уговорила мужа отдать ей украшения, которые народ приносил в дар своему идолу. Сатыга так и сделал. Жители негодовали, и когда в этих краях появились казаки Ермака, никто не пошёл в бой за князем. Как пишут в летописях, все стихии тогда взбунтовались: дул страшный ветер, сверкала молния, а казаки установили на одной из лодок изображение местного идола,

как знак того, что даже духи отвернулись от князя, нарушившего законы предков. Сатыгу изгнали, но именем его так и называют почти исчезнувшую деревню.

Шли века, один за другим, манси все как один приняли православие. По историческим сведениям, идолопоклонство стало изживать себя ещё в XIX веке. Построили церковь, семьи рыбаков и охотников регулярно посещали богослужения, но после войны её вроде бы случайно сожгли. Всё бы ничего, но в фундаменте непонятно с каких времён хранился клад, золотые и серебряные монеты. Их-то местные мужики во главе со старостой трепетно переложили в крынку из-под молока и унесли в тайгу «захоронить до лучших времён». Считалось, церковные деньги можно пустить только на богослуженные дела, а в послевоенные годы строить новые храмы, крестить и просто открыто исповедовать свою веру запрещалось.

За этот факт я «уцепилась», когда один журнал предложил мне выбрать командировку в тайгу, чтобы «оживить» очередной номер рассказами о природе и интервью с местными жителями. В графе цель командировки я так и написала: «Поиски клада на территории мансийской деревни Сатыга»... Хотелось сменить обстановку, уехать туда, где люди редкость, зато в изобилии зверьё. Было такое время ...

С утра захватив с собой фотоаппарат, я направилась к когда-то цветущей таёжной деревне с двухэтажными домами, храмом и даже гостиницей для пришлых. Раньше так и говорили «пришлых», в тех краях люди ходили пешком. Например, чтобы призывнику добраться до военкомата в Тобольск, он шёл туда два месяца, а то и больше.

В старые времена сюда часто ездили подводы, и даже бороздила дорогу первая сельхозтехника, теперь же на месте бурной жизни – еле видимая лесная тропинка, с земляничными и черничными полянами по краям, где исправно токуют глухари, подлинные сторожевые леса.

Иду километр, другой и, наверное, уже третий, а следов деревни нет. Начинаю панико-

вать, но беру себя в руки. Не сдаюсь. Привычный в безлюдье страх отгоняю псалмами. Долго я петляла по таёжнику...

Дом среди леса с нарядными занавесками на окнах выглядел сказочным персонажем. Душа ликовала при встрече. И даже сейчас, по прошествии времени, сердце неритмично стучит, оживляя в памяти те картины.

Заливается соловей в кустах рябины, чуть поодаль играют маленькие не то бурундучки не то бельчата, упражняясь в извечной детской игре: смотри, что я могу. На мгновение замираю и тихо, чтобы не нарушить устоявшейся тишины, подхожу к калитке с прибитой звёздочкой. Осторожно открываю дверь – по ручке бегают рыжие муравьи – вхожу во дворик.

Древняя старушка с забытым почти именем

Конкордия долго разглядывала меня на пороге, как бы изучая, а потом, прищуриив глаза, спросила:

- Ты тут одна или с кем?
- Одна...
- И не боишься?
- С Богом нигде не страшно.
- Ну, проходи, коли так.

В этот день я очень пожалела, что не захватила с собой диктофон, потому что услышала по-настоящему русскую живую речь. Собеседница рассказала, что родилась она в далёкие довоенные годы, и помнит, как забирали отца на войну. Он вернулся живым и даже целым. А мама, бабушки, вместе с другими старухами – в самом прямом смысле, потому что многим было под сто – готовили разные снадобья и отвары для свердловского госпиталя, откуда уполномоченные при любой погоде приезжали десятого числа каждого месяца.

– И от чего мы только не лечили – заражения крови, умопомрачений, болезней почек, глаз, рук, катара желудка, нервических припадков... – всего и не перечислишь, делится со мной потомственная травница и продолжает – сейчас ведь как говорят: раз травница, стало быть колдунья, а мы не так, мы православные, во младенчестве крещённые и в Господа Иисуса Христа веруем. А лечим дарами матери-природы... Сам Иисус Христос, когда захотел слепого исцелить, он не просто молитовкой лечил, а сделал брение (распушенная глина) и помазал глаза незрячему, а потомича и сказал: ступай на купальню Силоам и умойся, тогда и прозреешь.

Она щебечет, а сама между делом накрывает на стол, я сижу, взгляд потупив, знала бы, что хоть какой-то приём мне уготован, захватила бы сувенир, безделушку, чтобы не с пустыми руками врываться к незнакомым людям. Стыдно. А бабушка, видно, соскучилась по людскому обществу, говорит, говорит, и я узнаю...

За заслуги перед советской армией всем, кто готовил снадобья для фронта, в конце войны пожаловали государственные награды. Вспоминает бабушку Макрину, которая не то от медали, не то от ордена отказалась: «На что мне побрякушки на старости лет, – сказала она председателю сельсовета, – оставь себе, сынок, а цветки пижмы у дочери заberi. Дурное дело она затеяла».

Сколько людей деревня целителей поставила на ноги – неизвестно. Но всем, кто добирался до этой глуши лично, самоотверженные лекари помогали всегда. И советская власть их не трогала – сама лечилась тут. «С самого Кремля приезжали!» Припоминаю, что-то подобное я слышала, я родом из этих мест. Один из рассказов, который крепко врезался в память, о том,

как местные целители вылечили человека с ожогами больше половины тела. За давностью лет многого не помню, но об этом писала районная газета, как водится, с комментариями врачей, которые удивлялись. А у человека того всё удачно в жизни сложилось, на месте ожогов появилась новая кожа, ожил и душой, дом построил новый, появилась семья, дети. Кто знает, может сама Конкордия лечила его?

За столом у меня появился аппетит. Затем она плеснула чего-то в чай, и меня потянуло ко сну. Это выглядело странно, я к тому времени страдала стойкой бессонницей.

Ближе к вечеру, когда спала жара, Конкордия меня разбудила, снова предложила поесть и велела собираться в обратный путь, пока искать не начали. В наших краях ночи белые, поэтому блуждать в ту пору не страшно. Я лениво потянулась, обнаружив в себе силы, как будто эликсир молодости выпила. Она, видя моё состояние, мягко улыбнулась.

А дальше было вот что:

– Цвет лица у тебя, девка, нехороший и глаза грустные. Это плохо, тебе бы цвести да радоваться, вон какая тонкая-звонкая, – сказала она.

Я рассказала, как пережила гнойный аппендицит, устоявшуюся бессонницу и много чего ещё, а – я так и не смогла привыкнуть к имени – Конкордия достала из баночки что-то похожее на жидкий мёд, пару ложек отцедила в мой чай и велела выпить, строго наказав, чтобы я сама себе впредь такое снадобье готовила:

«Соберёшь в мае-июне молоденькие сосновые шишки и ровненькими рядочками в трёхлитровой банке сахаром пересыплешь. Сахар помаленьку растает, так ты потомича раза три-четыре в неделю взбалтывай. С месяц вот так храни. А потом аккуратно процеди сироп в отдельную баночку и по ложке в чай. Сильно ядрёное лекарство. От любой немочи вылечит, но только помни: если слабость большая, анемия, к примеру, то по ложке нельзя, пипеткой по нескольку капель в чай добавляй, а то неровен час, ноги могут отняться, если переборщишь. Но запомни, делай каждый год это лекарство себе, матушка сосна даст тебе невиданные силы, у неё в шишках такое лекарство сокрыто, не передать. И если время свободное появилось – бегом в сосновый лес. Хоть на минуту, хоть на пять духом сосновым подышать. Поняла? Лет через пятьдесят учёные, конечно, некоторые секреты сосны разгадают, когда будут искать, чем бы жизнь продлить, а твоё дело маленькое, живи себе да процветай. Себя смотри, другим не мешай. А в молитве, если что попросишь, верь, что получишь, иначе бы тебе и не просить совсем, и обеты давай, сделать то-то и то-то, а потом в ровности всё

так и делай. Если согрешишь сильно – сразу в церковь, проси епитимью и исполняй её, она дух очищает, поняла?».

Она меня снова поторопила, сказала, сейчас по небу расстелилась лунная дорожка, и я быстро дойду обратно. На прощанье шепнула, что больше не увидимся, зимой она отойдёт к Богу, на будущий год просила на Аграфену-купальницу поминать, а после неё сорок обеден на помин души справить. Я спросила про деревню Сатыга и услышала:

– Она в другой стороне. Заблудилась ты...

Обратно я, в самом деле, пришла быстро. У меня появились силы, и даже вдохновение, и в блокноте я написала:

«Молния мелко порезала небо. Полил дождь. Густо-густо, зерном. Всё, что было на земле: грязь, прошлогодняя трава, сухие листья, семена клёна... смыло в один раз. Осталась одна голая земля, кое-где прикрытая деревьями, кое-где – кустами.

Смешно это выглядело! И даже нелепо. Ну, в самом деле, на земле ничего не было. Ничего. Потом прилетел с юга ветер и начал на землю дуть. Нежно, ласково, по-мужски. Местами ещё журчали ручьи и леса стояли в слезах. И уцелевшим семенам не хватало покрытости.

Но уже кое-где начала невинно зеленеть трава. Распустились подснежники. В деревьях забродил сок. Природа, как и положено, влюбилась. В небо! А оно знай одно: ласкает да греет, ласкает да греет. В воздухе пахнет новой жизнью.

И так вдруг захочется любви. Настоящей. Тёплой. Сильной. А почки на деревьях как бы между делом распускаются. Соревнуются, значит: мол, кто из нас быстрее распустится. Ох, как хочется в эту пору быть молодым! Сочным! Свободным!

Солнце улыбается, будто знает все сокровенные мысли. И нету от него места нигде. Ни у ручья, ни в лесу. Обычно в эту пору начинает цвести земляника. Откровенная. Яркая. Женственная. Дождь иногда случается, но мелкий. Зато ветер с нею цацкается, со всех сторон обдувает. Чтобы ни пылинки, ни росинки, ни слезинки. Небо то радугой выдаст, то тучами солнце заслонит, чтобы не палило.

Цветы незаметно тянутся к солнцу, поворачивают за ними свои головки. Впитывают. Каждый его величественный жест, каждую улыбку и гримасу. И лес рядом шелестит: «Не в-о-л-н-у-й-с-я». А волноваться-то особо нечего. Проползёт порой под кустами гадюка, выползет на тёплое место, колесом свернётся и лежит. Будто мёртвая. Землянике она не мешает. Или вот пчёлы, жужжат да жужжат, а

что толку? Полюбуются и улетают. Другое дело соловей – он земляничную красоту восхваляет целыми днями. «Ве-ли-ко-леп-но, ве-ли-ко-леп-но» – так и щебечет. Погоди, миленький, погоди, – шуршат лепестки. – Вот созрею, тогда и прилетай». А он своё городит: «Ве-ли-ко-леп-но»...

Цветочки-то уже сахарные! Небо на них ночами сыплет сладкую пудру. Но об этом, чур, никому. Пчёлы млеют, соловей заливается. Ветер сюсюкает с листочками. Кажется, вот ещё, ещё чуть-чуть и с ума сойдёшь от счастья. Такая благодать! А по ночам бродит большой начальник Июнь. Он строго за всем следит, всё считает, хмурит брови. Но это напоказ. В душе он добрый. Он любит всё живое.

Месяц порой грустит: «Вот отцветёшь, станешь ягодой. Вкусной, медовой. Тебя сорвут, обязательно сорвут...»

Земляника смеётся, лепестки отражают сиянье месяца: «Глупый месяц! Меня никогда не сорвут. Слышишь, никогда».

«Пр-р-равильно, пр-р-равильно, – нашёптывает ветер. – Не ве-р-рь, не ве-р-рь ему». Звёзды понимающе мигают, но холодно от них, как от камней.

Соловей поёт свои оды. Добрый он – он в вечную молодость верит. А вот солнце уже перестало. Оно больше не ласкает, оно безжалостно жжёт. Лепестки безнадежно опадают. Ветер спасти их не может и долго-долго кружит в последнем вальсе.

А потом молча уносит их в лес. Далеко-далеко. Проходит дождь, тяжёлый, грустный. С молнией и жемчужным градом... появляются ягоды».

По приезде домой я выиграла судебное дело, которое мне, впрочем, не только мне, казалось безнадежным, решила другие дела довольно быстро, но это уже другая история, которая берёт начало в брени, исцелившем глаза слепому...

Сиирала ПИЯ

Встреча на Камчатке у чукчей

Финский музыкант Пия Сиирала однажды самым неожиданным для себя образом попала в чукотский посёлок на северо-востоке Камчатки. Посёлок назывался Ачай-Ваям (по одной из версий переводится буквально как – «река без чая»). Это был 2008 год. По случайному совпадению годом ранее я работал – снимал свою первую историю о кочевниках-оленоводах в этом же месте. Спустя несколько лет Пия отправляется в первую экспедицию на Чукотку, работает и живёт среди чукчей ещё три месяца. В 2016 году она приезжает на Чукотку второй раз и самым удивительным образом наши пути пересекаются ровно на двое суток в одном из самых труднодоступных посёлков на севере полуострова – в Нешкане. Год спустя мы снова встречаемся, но в самом, пожалуй, экзотическом месте – на мысе Шмидта, в Арктике.

Что движет современным европейцем, профессиональным музыкантом, какие сложности приходится преодолевать, в одиночку передвигаясь по одному из самых сложных районов Крайнего Севера? Какова конечная цель на этом пути? Об этом наша беседа.

– Первый раз на Чукотку я попала в 2008-м году сразу после поездки на север Камчатки в чукотский посёлок Ачай-Ваям. Моими первыми посёлками, которые посетила в тот раз, стали чукотские поселения, расположенные в Анадырском районе – на юго-востоке от Анадыря был Ваеги – чисто чукотское село, фактически это уже лесотундра, точно такой же оказалось и Марково, но это чуванское поселение, в котором живут русские и чуванцы. Есть аналогичное село Чуванское, но там на местных жителей большое влияние оказали чукчи – и чуванцы живут аналогичным способом.

– Кто такие чуванцы?

– Это смесь коренных народов – по одной версии – это юкагиры и чукчи, по другой версии – это казаки и чукчи. Точного ответа сегодня не существует. И культура их очень сильно

зависит от места, на котором они живут. Например, в Марково живут русские, и они поют старорусские песни, у них говор соответствующий, но на лице у многих отпечаток азиатской крови.

– Но вы собираете в таком случае песни всех народов, живущих на Чукотке?

– Главными для меня остаются чукотские песни, а старорусские я записала постольку, поскольку оказалась в таком месте. Но Марково само по себе очень приятное место.

– Сколько в общей сложности вы пробыли на Чукотке в первый свой приезд?

– Три месяца. В Марково я жила ровно неделю, точно также было и в Ваеге. Потом я улетила в Мейныпильгино – это на южной оконечности Чукотки. Но в этот раз мне не повезло, не было погоды, и я застряла на целый месяц. Я прилетела примерно 20-го июня и только 27-го июля смогла выбраться из села. Не было ничего, никакого транспорта – ни самолётов, ни вездеходов. Пропуск у меня был сроком на два месяца, на больший срок мне сразу не дали. При этом выписали посещение только двух районов – Провиденского и Чукотского. К счастью, с Провиденским районом при выписке ошиблись, поскольку в Анадыре полагали, что корабль «Капитан Сотников», который курсирует на восточном направлении, заходит поочередно во все посёлки. В действительности это оказалось совсем не так. В Чукотском районе у меня была возможность попасть в

Лаврентия и в Лорино. С погодой в августе мне сильно повезло – было сухо и тепло. И из Лаврентия мне удалось на санрейсе (санавиация) улететь в эскимосское село Сиреники опять же в Провиденском районе. Обратном в Провидения я добиралась на крытом грузовике, а там по трассе добралась до Нового Чаплино. В первой поездке у меня сложились хорошие отношения с тогдашним главой района Лаврентия – Зеленским Михаилом Анатольевичем, который познакомил меня с директором аэропорта в этом же районе и о всех передвижениях на пассажирских авиалиниях я была в курсе.

Но в этой поездке у меня случилась смешная история – я хотела сразу купить билет до Сиреников, а мне продали только до Провидения. Но на посадке в Провидения пилоты не выключили двигатель и лопасти продолжали вращаться. Успею или не успею добежать и купить второй билет – было непонятно. И вот я стою с рюкзаком у грохочущего вертолёт, смотрю на пилота и говорю, что у меня нет билета, но мне надо лететь дальше... Пилот только махнул рукой – «садитесь!» и мы полетели. Так без билета я и добралась.

Но в Сирениках меня уже ждали пограничники, проверили пропуск, который был у меня в порядке, и спросили к кому я еду. Но к кому мне надо попасть, я не имела ни малейшего понятия. И я отправилась к главе посёлка и меня поселили, как теперь и вас, – в больнице, в отдельном изоляторе. Это самое лучшее место для жизни на Чукотке в подобной ситуации.

В общей сложности я прожила в Сирениках неделю и записала множество людей и песен. В посёлке кроме того жила науканская эскимоска, которая перевернула моё представление об эскимосах. По мнению большинства представителей этого народа, эскимосские песни поются в отличие от чукчей вместе. Но эта женщина сказала противоположное – на праздниках эскимосы исполняют песни вместе, но дома они поют по одному.

– Что происходит сегодня с традиционной культурой северных народов?

– Сегодня происходят необратимые процессы – если чукотская культура умирает, то эскимосская уходит в небытие значительно быстрее. Но современные чукотские ансамбли чаще всего исполняют как раз эскимосские танцы, и музыка звучит тоже эскимосская. А вот эскимосы чукотские песни не поют никогда. Почему это происходит – потому что эскимосские песни не страдают в такой степени от современной эстрады, как чукотские. У них такой характер исполнения – непростой. Чукотские же песни поёт всегда один человек, и потому, когда на эстраде звучит стилизованная чукот-

ская песня, она выглядит неестественно, просто. Богатейшая ритмика при этом совершенно исключается, и исполняют только два интервала и никаких промежуточных звеньев. Потому такое исполнение выглядит однообразно и нудно. И когда современные чукотские ансамбли просят послушать их исполнение, я стараюсь отказаться. Настоящей чукотской культуры в таком исполнении практически не остаётся.

Потом было село Нунлигран – связи в то время мобильной ещё не было, был стационарный телефон, и снова случился санрейс, и я полетела. В администрации мне снова повезло – глава наизусть помнила всех стариков в селе, которые могли что-то исполнить. Я за один день обошла – восемь человек, и они все пели по десять песен. И все были без комплексов – не было этой капризности, которая встречается теперь – «я не могу, я не хочу».

– Как можно коротко охарактеризовать традиционное чукотское пение?

– Тот, кто говорит про чукчей, что они поют только то, что увидят, точно можно сказать, что этот человек не поёт и ничего вокруг себя не видит.

– Сколько чукотских песен вы в конечном итоге записали в первой своей поездке на Чукотку?

– В общей сложности восемьсот песен. Я не смогла поехать в бригады в тундру, где тоже были поющие люди, и их было достаточно много, но мне о них много рассказывали.

В этой же поездке за прошедших полтора месяца записала не больше тридцати песен. И, думаю, хорошо, если к концу поездки наберётся восемьдесят песен.

– Кто ты вы по профессии и откуда появился интерес к чукотской музыкальной культуре? У вас своеобразный выбор для современного европейского человека.

– По профессии я музыкант, поехала учиться в консерваторию в Москве и закончила её. Домой вернулась в качестве скрипачки.

Интерес к чукотским песням у меня появился совершенно случайно, и это было связано с небольшой историей: при консерватории мы создали небольшой оркестр, который назывался «Ансамбль 21-го века», это был 89-й год. Я прожила в Москве почти двадцать лет. Оркестр существует до сих пор не на постоянной основе, потому что очень многие музыканты, даже русские, уехали в Европу, и собрать коллектив в первоначальном составе теперь практически невозможно. Но такой цели нет, однако мы время от времени собираемся и играем.

В Советский период даже очень известные музыканты и артисты имели возможность гастролировать по стране и попадали в самые неожиданные места в этих гастролях. Но в какой-то момент система и строй в стране рухнули, и создался вакуум: артисты продолжали гастролировать, но стремились в места, где имели возможность заработать как можно больше денег. Но в стране осталась и другая часть публики, которая не была обеспечена в достаточной степени, и такие люди встречались даже в Москве – образованные и интеллигентные, они не все имели деньги, чтобы купить билет на концерт, такие они были дорогие. И первым принципом нашего оркестра было делать стоимость билетов на наши концерты таковой, чтобы любой человек мог позволить себе их приобрести. Свои «потери» мы компенсировали тем, что у оркестра были свои близкие друзья, которые покупали дорогие билеты и позволяли нам существовать. Но это было в Москве. Для поездок по стране требовались спонсоры. И мы их стали искать с той целью, чтобы ездить в те районы, где существовал реальный вакуум в культурной среде.

В первую свою творческую поездку мы отправились на Сахалин. Эти гастроли были поддержаны западными нефтяными компаниями. Может быть, я не должна это говорить, но теперь я выступаю против добычи нефти или газа теми способами и с той технологией, свидетелем которых мы стали в той дальневосточной поездке. Природу компании уничтожают

безвозвратно. До поездки на Сахалин я лично не имела представления о том, что там происходит. Тогда там работали зарубежные специалисты, но у современных русских, я думаю, технология не значительно изменилась. Сегодня ни при каких условиях я не приму участие в акции, поддержанной такими спонсорами. Там в то время была совсем малочисленная нация – ороки – которые занимались оленеводством. И я лично могла убедиться, в каких условиях приходится жить этим людям, на территории которых хозяйничали нефтяники.

На Сахалине мы провели не только концерты, но и создали свой оркестр и впоследствии поддерживали его. Оркестр существует и теперь.

Вслед за Сахалином была поездка в Ненецкий автономный округ к оленеводам. Мы играли оленеводам прямо в тундре и для нас, и для этих людей – это было очень сильное впечатление. У ненцев существовали частные олени и частный табун, помимо государственных животных. Бригадир этого табуна спросил у меня, в каком возрасте я стала учиться играть на скрипке. Никогда ни один бизнесмен не задаст аналогичный вопрос, этот же человек понимал, что это труд. Я ответила встречным вопросом: если бы хотела стать одной из них, осталась в тундре, получилось бы у меня или нет? Бригадир ответил: если я не провела детство в тундре, среди чумов и оленей, то будет очень нелегко.

В качестве подарка одна ненецкая женщина спела нам песню, в которой рассказала о нашей дороге в ненецкую тундру... и эта музыка пожилого человека мне показалась очень интересной. Потом последовала ещё одна поездка на Сахалин, и меня попросили сделать самостоятельную музыкальную композицию на струнном инструменте на мотивы музыки и песен нивхов – коренных жителей острова. Я согласилась и создала такое произведение. Но в то же время я поняла, какой это непростой труд.

После Сахалина случилась поездка на Камчатку. Я большой любитель природы, у нас в Лапландии места просто исключительные. И я поехала в Олюторский район на северо-вос-

ток Камчатки, это было село Ачай-Ваям, которое исключительно чукотское по своему национальному признаку. Я летела в Корякский округ и думала, что увижу и услышу только коряков. Но в селе жили одни чукчи, и благодаря этому селу и традициям, которые там сохранились, я стала заниматься чукотскими песнями.

В Ачай-Ваяме пробыла совсем недолго, около десяти дней. И это было очень странное место.

– Как вы узнали об Ачай-Ваяме?

– Однажды в Москве я присутствовала на конференции северных народов, организованной «Единой Россией», и оказалась рядом с одной женщиной, которая посоветовала мне: «если вы хотите увидеть совсем дикое место и старые традиции, постарайтесь попасть в Ачай-Ваям». И благодаря этой даме я и попала в это чукотское село, так что мисс «Единая Россия» мне серьёзно помогла (смеётся).

Результаты моего труда вы можете посмотреть в коротеньком документальном фильме об Ачай-Ваяме.

Вслед за Камчаткой была поездка на Чукотку. Я объездила весь Провиденский район, побывала в Янракинноте. В селе мне сказали, что рядом находится стойбище оленеводов, совсем близко – пятнадцать километров. И мы ночью пошли туда пешком. На деле расстояние оказалось совершенно иным – мы прошли, может быть, двадцать пять-тридцать километров. Резиновые сапоги, которые выдали мне, оказались слишком большими для меня и были совершенно не удобными. Со мной шли пацаны, которым было шестнадцать-восемнадцать лет, и они шли, словно молодые олени. Там, в тундре, я увидела «день молодого оленя», и это был мой первый опыт участия в чукотском празднике.

Мой опыт и мои экспедиции заставили меня заново учиться. Теперь я пишу докторскую диссертацию по поводу чукотской музыки, чукотской мелодии. Но я не теоретик, это художественный проект в первую очередь. И в рамках этой работы я должна буду сыграть пять концертов, музыкальные произведения которых основаны на чукотских мелодиях. Я стараюсь понять, как меняется слух музыканта, который слушает чукотскую музыку, каким становится его восприятие, поскольку меняет человека не только классическая музыка, но и такая, которую я записываю в своих поездках. Не только русские, финские, но чукотские песни и мелодии основаны прежде всего на гармонии.

Чукотские песни – это одноголосье. Но такие традиции существуют не только у чукчей. И правила, по которым звучат эти песни и мелодии, отличаются от традиционной классики, в

них присутствует другое богатство. Вместе с тем, как я продвигалась и слушала новых исполнителей, происходили изменения и во мне самой.

В первое время я слышала новую чукотскую песню и думала – «а, это точно такой же исполнитель!» Но теперь я чувствую эту разницу и могу точно определить, кто тундровой чукча, кто береговой. Эта разница всегда присутствует, но она наблюдается не только в мелодии, но и в структуре самой песни. Северные песни, в отличие от наших, имеют начало, но не имеют конца. И я стараюсь понять, как сочинение влияет на музыкальный слух.

Дипломную работу я исполняла в академии Сибелиуса в Финляндии, затем была аспирантура в Московской консерватории. Теперь я магистр.

В Москве я знаю гораздо больше музыкантов, чем в Финляндии, поскольку большой отрезок своей жизни я прожила в этом городе, и возможно, по окончании своей работы один из концертов с исполнением чукотских песен я проведу в Москве.

Но мои «чукотские песни» – это не буквальное исполнение один в один, а моя личная интерпретация и попытка передать личное восприятие. Мои чукотские произведения сложились в одно музыкальное соло, которое я исполняю на скрипке. Но я оказалась в таких местах, где никогда не собирали эту музыку, и для меня одним из главных результатов была работа, связанная с качественной записью. Я в силу своей профессии – не музыковед, я музыкант. Разница в том, что я могу сказать, что хорошо, а что плохо. А профессиональный музыковед сможет грамотно объяснить эту разницу. Работа музыковеда – это прежде всего научная работа. Я, например, могу сказать, что попса – это тупая музыка, но музыковед должен это научно доказать! (смеётся).

– Предварительные результаты этой поездки вас снова радуют, или произошли какие-то изменения?

– К этой поездке я отношусь очень критично, и результаты меня серьёзно огорчают: если к концу своей экспедиции я смогу собрать восемьдесят песен – я буду очень рада! В прошлый раз собрала восемьсот песен! Пусть я даже исключу из прошлой поездки двести песен – одна бабушка в Мейныпильгино спела двести песен! Но это был исключительный случай. Эта пожилая женщина была очень музыкальным человеком и была исполнительницей. Она нарисовала музыкальную карту, на которой были изображены все стойбища вокруг Мейныпильгино. Она с трудом писала имена, потому что чукотские буквы на русский язык плохо ложатся. И она стала петь всё по порядку. Сначала она не хотела ко мне ходить. Но поскольку я долго там жила, она поняла, что я собираю чужие песни и занимаюсь этим серьёзно. Она пришла один раз и потом три дня подряд с утра до вечера пела.

– Вы счастливый человек, если сумели дождаться такой встречи...

– Да, да... я думаю, что своим местным она эти песни не пела. Я спрашивала у чукчей – «почему вы не записываете эти песни?» Уже тогда, шесть лет назад, появились разные записывающие устройства, и это не было большой технической проблемой. Но люди ответили – «нам они не поют».

Однако в той поездке случилось и серьёзное расстройство – в Полярке мне показали одно место и семью береговых чукчей, которые когда-то жили в тундре. Эти люди, пожилая пара, пели песни.

Пела пожилая чукчанка, но она совсем не говорила на русском языке... Это было недалеко от Энурмино, всего в трёх километрах. Со мной пошла внучка этой бабушки и водитель

моторной лодки, который совсем не знал чукотского языка... Это всегда плохо, когда ты идёшь фактически один – без проводника. Тебя никто не знает, не может перевести вопросы и что-то объяснить... В этой поездке попался нервный водитель, который всё время торопил – начался шторм и нам надо было успеть вернуться в Нешкан на моторной лодке по морю.

Внучка сразу призналась, что никогда не слышала, чтобы её бабушка пела чукотские песни. Дед, который хорошо говорил и на русском, и на чукотском языках и мог бы помочь с переводом, сразу куда-то ушёл по своим делам.

И эта поездка оказалась абсолютно не результативной.

– Вы, когда выступаете перед чукчами, какую музыку исполняете?

– Классическую, иногда просят отдельно исполнить полонез Огинского, «Времена года» Вивальди, иногда «Венгерский танец» Брамса... почти всегда просят одно и то же. Но об этом просят люди возраста под пятьдесят лет. Молодым же можно играть что угодно, практически все они выросли на попсе и с классической музыкой не знакомы.

– Вы лично какое произведение любите?

– Как профессиональный музыкант я люблю то произведение, которое в данный момент исполняю.

– Самое необычное место, где вам пришлось давать концерт?

– Наверное, самым необычным местом оказалась одинокая охотничья избушка, в которой мы однажды остановились с чукчами. Я хотела проверить свою скрипку после тяжёлой дороги и морского наката, в который мы попали. Мы возвращались с Нутепельмена, и сразу после морской губы была остановка.

Я играла, может быть, десять или пятнадцать минут в этой избушке, в которой нам предстояло переночевать. Это был час ночи и мне надо было проверить, как мой инструмент звучит (смеётся).

– Вы ездите одна в такие места, попадаете в разные ситуации и бываете в самых разных компаниях. Что такое Крайний Север, мне, например, объяснять не надо. Вы же, новый человек в этих местах, иностранка, женщина, не испытываете чувство страха в этих краях?

– Не могу сказать, что я совсем не боюсь, я боюсь и особенно опасаясь людей, которые в пьяном состоянии ведут по морю моторную лодку. Такой случай был в первой поездке, когда из Ваеги надо было переехать по реке в Марково. Это было в июне, и там было очень сильное течение.

Водитель на лодке был здоровым русским мужиком. Реку и все её сложные участки он,

наверное, знал, как свои пять пальцев. По реке он ехал зигзагами, постоянно огибая какие-то препятствия. Он был, очевидно, очень хорошим штурманом. Но он пил! Один раз он взял бутылку водки, в которой было больше чем один литр, и под абсолютно дурацкую музыку, которая никак не гармонировала с фантастической местной природой, открыл горлышко, поднял вертикально бутылку и одним большим глотком вылил водку в себя, и бутылка улетела за борт!

Я подумала – «вот это и есть твой конец».

«Но у него же была семья в этой лодке!» – успокаивала я себя.

Мы ехали часов шесть по этой реке, и я не увидела хотя бы какого-то влияния на этого мужика от выпитой бутылки... Но он был, конечно, очень здоровый... Мы доехали только к двенадцати часам ночи, и эта поездка мне сильно запомнилась.

– Но вы очень рисковали!

– Да. Я тогда ещё ничего не знала про подобные путешествия на Севере, но это, конечно, очень страшно.

В этот раз мой маршрут начинался в Хатырке – на юге Чукотки. Потом я полетела в Рыркайпий и на Шмидт – это район самого Крайнего Севера. Из Рыркайпия я планировала на лодках добраться до Ванкарема и Нутепельмена, а там огромное расстояние! Но в Рыркайпии оказался один человек, который сказал, что у него есть лодка, но не в порядке регистрация. Поехать он в конечном итоге не смог, и я очень рада, что эта поездка по морю не состоялась. После путешествия в Нутепельмен я понимаю, какая разница между этими местами: в Рыркайпии был настоящий холод! Вся зимняя одежда, которая была у меня с собой, была одета на мне! И это была только середина августа! Арктическое море, на котором мы теперь с вами находимся, – настоящая Африка по сравнению с побережьем Ледовитого океана в Рыркайпии. Разница потрясающая.

– Где вы живёте в своих поездках, кто вам помогает?

– В первой своей поездке я жила преимущественно в школах, ощущала поддержку управления культуры. В этой поездке «культура» помогать уже не стала.

– Вы не жалеете, что у вас так сложилась судьба, что вы занимаетесь не совсем традиционным для обычного европейца творчеством?

– Нет, не жалею! Нисколько не жалею. Я считаю себя счастливым человеком. И особенно сейчас, когда понимаю, свидетелем каких ценностей я была шесть лет назад, и теперь эта культура исчезла. Это не рисунок

на скале, который остаётся навсегда, если его нанести. Музыка, которую я слышала – исчезла! Она оказалась не вечной. Но я застала ту эпоху, в которой люди были живыми, и музыка была не какой-то исключительной, а постоянной, сопутствующей в их повседневной жизни. Она была всё время вместе с ними.

В чукотском департаменте культуры в первой моей поездке посчитали, что мне достаточно будет только посещения посёлков Лаврентия, Лорино и Ново-Чаплино. Это визитные карточки современной Чукотки. В эти места едут все журналисты. Меня хотели пригласить ещё и в Канчалан – ещё одно показательное село. Но я ответила – «пусть туда едет ваш президент, а я поеду туда, где мне действительно будет интересно и где ещё поют чукотские бабушки». Чиновники стали возражать. Но я спросила их – кто платит за эту поездку?! Выплатите хотя бы копейку, а потом начинайте указывать!

Когда я через три месяца вернулась из своей поездки, в управлении культуры признались: «ведь там никто кроме вас не был! Дайте нам этот материал!» Я сказала: «конечно, я отдам, это же ваше сокровище, не моё». Собранный материал сохранится в анадырской фонотеке, может быть, навечно. Это не моё личное имущество, это часть ушедшей чукотской культуры.

– Результатами этой поездки вы точно так же собираетесь делиться с негостеприимной местной культурой?

– Конечно, тоже отдам. Но я не всё отдаю сразу, потому что это огромный объём архивного звукового материала, с которым надо работать: резать, сокращать, подписывать, кто и где записан. Это большая послезаповедническая работа.

– Вы, безусловно, кроме всего – очень смелый человек, поскольку в одиночку ездите по тем местам, где девяносто девять процентов русских никогда не ездили, и вряд ли когда-то окажутся.

– Но я же боюсь! Тем не менее ехать вдвоём не всегда самый удачный вариант, вы же сами знаете: из-за того, что вас двое, в единственный за месяц вертолёт вы можете не попасть, из-за того, что вас двое, в лодку вы снова можете не попасть, или какое-то жильё не найдёшь, потому что вас снова двое. И у двоих ещё одно свойство – они создают толпу, и когда вы оказываетесь в нужном месте, люди могут просто вас стесняться и не пойдут на контакт с вами, надо быть незаметным в поездке!

Вячеслав ОГРЫЗКО

С МУЖИЧЬИМ ЛУКАВСТВОМ: ФЁДОР АБРАМОВ

Как известно, в девятнадцатом веке славу русской литературе принесли прежде всего дворяне. Крестьяне, как правило, безмолвствовали. В литературу они стали пробиваться уже после Максима Горького. Ну а к шестидесятым годам прошлого века относится начало взлёта русской деревенской прозы. Среди тех, кто обеспечивал этот взлёт, был и Фёдор Абрамов.

Фёдор Александрович Абрамов родился 29 февраля 1920 года в селе Веркола Пинежского района Архангельской области. Он был у родителей седьмым ребёнком. Отец умер через год после его рождения. Мать часто болела. Стоит ли поэтому удивляться, что всё детство будущего писателя прошло в страшной нужде.

Уже в декабре 1970 года критик Владимир Лакшин, отталкиваясь от встреч с Абрамовым, записал в свой дневник:

«Даровит, горяч в разговоре, но с мужичьим лукавством. Лучше всего он – когда говорит о своём крестьянском прошлом, о семье, о матери. Был он самый младший, но с шести лет возили на дальний покос, дали крохотную коску, заставляли приглядываться к ухваткам старших братьев. А он был так мал, что его то и дело теряли в высокой траве. Отца не было – а старшему брату – 14 лет, но выбились, потому что много работали, а потом стали их прижимать как середняков – мать разбил паралич, восемь лет пролежала. У Фёдора ненависть к «беднякам» – деревенским лентяям, которые были «бедняками» и к 29 году, то есть когда 12 лет уже земля была отдана крестьянам и давно можно было поставить хозяйство. «Мы нарабатываемся с 4-х–5-ти часов утра – и к девяти едем завтракать, а наш вахлак – «бедняк», помыкавший нами, только ещё глаза трёт» («Дружба народов», 2004, № 10).

Окончив в 1938 году Карпогорскую школу, Абрамов поступил на филфак Ленинградского университета. Когда началась война, он добровольно ушёл на фронт, попав в 277-й отдельный артиллерийско-пулемётный батальон. Но уже в сентябре сорок первого года немецкая пуля попала ему в руку. Едва оклемавшись, Абрамов вернулся на фронт. И снова невезение: в ноябре сорок первого года он получил новое тяжёлое пулевое ранение. Уже в госпитале у него началась гангрена. Врачи спасли молодого защитника Отечества лишь

чудом.

Уже весной 1959 года Абрамов подробно рассказал в своей автобиографии о том, как началась его судьба.

«Родился, – сообщил он, – в 1920 году в семье крестьянина деревни Веркола Карпогорского района Архангельской области. До 1938 года безвыездно жил в родной деревне, учился в школе и работал в колхозе. В 1938 году, по окончании средней школы, поступил в Ленинградский университет по филологическому факультету. Отечественная война прервала мою учёбу. В первый же день войны я записался в народное ополчение и в течение лета и осени 1941 г. участвовал в боях за Ленинград. Затем, после второго тяжёлого ранения, долго лечился в госпиталях, несколько месяцев находился в отпуске. В июле 1942 года я снова вернулся в армию и как нестроевик был оставлен в тыловых частях. Более полугода служил заместителем политрука роты, 2 месяца был курсантом военно-пулемётного училища» (РГАЛИ, ф. 631, оп. 39, д. 47, л. 23).

Всё кардинально изменилось в судьбе Абрамова весной 1943 года. В одну из ночей он и ещё два курсанта неожиданно были подняты и под конвоем увезены в контрразведку. По дороге Абрамов пытался понять, за что его взяли и к чему готовиться. Как оказалось, ему хотели предложить службу в СМЕРШе.

В 1959 году в автобиографии Абрамов признался, что в контрразведке он провёл два с половиной года. Начал сержантом в должности помощника оперативного уполномоченного резерва. А кончил старшим следователем.

Как он вёл дела? Об этом Абрамов кое-что рассказал в дневнике.

«Коротко восстанавливаю основные вехи, – отметил он 23 января 1944 года. – В последних числах сентября или первых числах октября ездил в командировку в Каргополь по делу обвиняемого «фёдоровца». Примечательны два момента: первый – допрашивал на церковном языке, употреблял слова, созвучные

допрашиваемому, второе – в обратный путь летел на самолёте. Это первое и единственное моё путешествие по воздуху <...>

По приезде из командировки сразу же был направлен в Вологду. Там я пробыл до 5 ноября, вначале допрашивал радистов, а потом – с противниками.

11 ноября снова выехал в Вологду, так как в Архангельске делать мне решительно нечего. До 1 декабря работал с радистами».

Служа в СМЕРШе, Абрамов не раз порывался заняться литературой.

«Червь творчества, – признался он в начале 1944 года, – опять точит меня. Ибсен, которого я читаю, вселил в меня страсть к сочинению драмы. Смутно в моей голове уже сложился сюжет её. Разумеется, она современная по содержанию. И сюжет её таков. Пожилой крестьянин справляет свадьбу. Он женит сына. Для полноты музыки включают радио, которое извещает о нападении Германии. Свадебный пир превращается в «праздник» всего села по случаю проводов мужей и братьев на войну. На войну уходит и председатель колхоза. Последним на прощальном собрании избирают упомянутого старика. Опустела деревня. Одни старики и бабы. Новый предколхоза (неграмотный старик) проявляет необыкновенную кипучесть и здравый смысл в руководстве колхозом. С помощью попа собирают средства в фонд Кр. Армии. Фронт подошёл к деревне за 30 км. Сын старика дезертирует и приходит к отцу. Старик решает сам расправиться с изменником сыном. Он расстреливает его. Это кульминационный момент драмы. Возможно, что село подпадает под оккупацию и т.д. Знаменательно то, что с глубоким и злободневным содержанием будет сочетаться народность, деревня, русская песня. Второстепенные линии: переписка девушек с фронтовиками, Тимка Безлошадный и т.д.».

Не тут ли надо искать истоки будущего цикла романов Абрамова о Пряслиных?

Осенью 1944 года Абрамов предпринял попытку оформить на заочном отделении в Ленинградском университете. Но его рапорт лёг под сукно начальства.

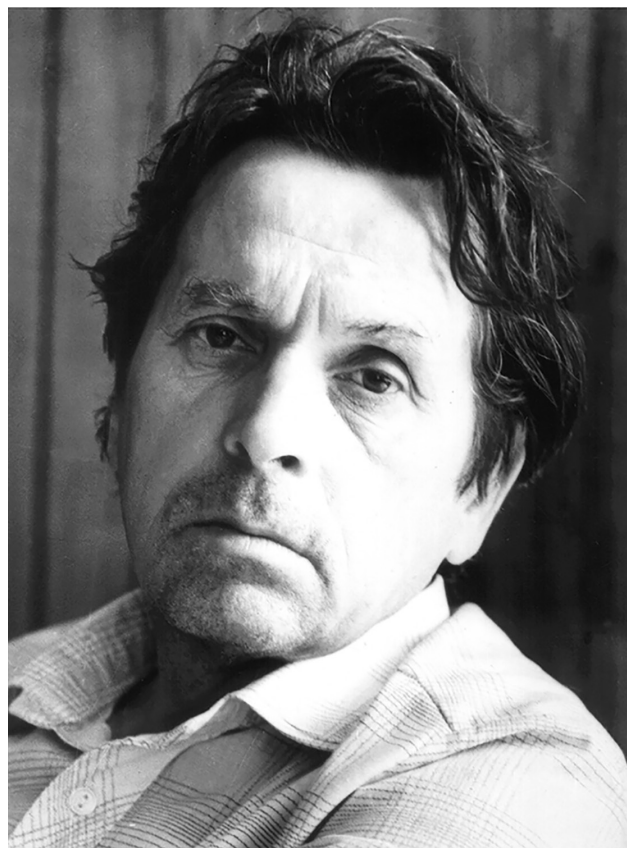
Весть о Победе застала Абрамова в Петрозаводске.

«Вечером накануне великого дня, – отметил он 10 мая 1945 года в своём дневнике, – я читал «Радугу» В.Василевской... В 1-м часу я лёг в постель. Михайлов в соседней комнате допрашивал арестованного. Не помню, о чём думал, но вскоре я заснул. Вдруг слышу ночью отчаянно-радостный крик Михайлова: «Федька, вставай! Война окончена!»

На учёбу в Ленинградский университет генералитет отпустил Абрамова лишь осенью 1945 года.

Почему же он не остался в контрразведке? Устал допрашивать шпионов? Или испугался своих же коллег?

Как выяснилось, в СМЕРШе одним из начальников Абрамова был полковник Михаил Рюмин, который позднее был уличён в зверских изби-

Фёдор Абрамов

ениях арестантов, а ещё отметился доносами на министра госбезопасности Абакумова. Не исключено, что следователь Абрамов, хорошо знавший о палаческих методах работы Рюмина, искал любые пути уйти от опеки этого полковника, и спасение он увидел в возвращении на филфак Ленинградского университета.

После окончания в 1948 году университета Абрамов остался в аспирантуре на кафедре советской литературы. Там он занялся Шолоховым. Его первая научная статья – «О «Поднятой целине» Мих. Шолохова» – была напечатана в 1949 году в «Вестнике Ленинградского университета». Однако никаких открытий эта работа не содержала.

Шум вызвал другой материал бывшего следователя «СМЕРШа» – написанная им в соавторстве с Николаем Лебедевым статья «В борьбе за чистоту марксистско-ленинского литературоведения». Напечатанная в июле 1949 года в журнале «Звезда», она содержала резкие и ничем не обоснованные выпады против тогдашних столпов отечественной филологии Бориса Эйхенбаума, Марка Азадовского и их сподвижников.

В 1951 году Абрамова после защиты кандидатской диссертации о романе Шолохова «Поднятая целина» хотели пригласить на работу в Ленинградский обком КПСС, но подвели родственные связи: в анкете молодой учёный указал, что его жена в войну находилась на

оккупированной территории. Пришлось остаться в университете и продолжить занятия советской литературой. Он потом напечатал статьи «Вопросы советской литературы» («Вечерний Ленинград», 1953, 8 июня), «Воспитатель и певец нового человека» о Горьком («Ленинградская правда», 1953, 18 июня), «Роман о мужественных и сильных людях» о К.Симонове («Звезда», 1953, № 5), «Проблема типического – важнейшая проблема литературы» («Вестник Ленинградского университета», 1953, № 12) и другие материалы.

Все эти работы были поверхностны, но зато не содержали никакой идейной крамолы. Первая осечка случилась в марте 1954 года. Абрамов напечатал в газете «Ленинградская правда» ничего не значивший обзор второго номера журнала «Звезда», который тем не менее вызвал страшный гнев в инстанциях. Клерков покорило, что автор плохо отозвался о статье В. Терёшкина. Как оказалось, Терёшкин работал в аппарате ЦК КПСС и успел пожаловаться ленинградским коллегам. Абрамову тут же была устроена взбучка.

Второй прокол последовал через месяц. В апрельском номере «Нового мира» появилась статья Абрамова «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе».

«Статья <...>, – отметил Абрамов 4 апреля 1954 года в дневнике, – напечатана. Обкорнали, сгладили все углы. Жалко! И это после того, как я уже подписал гранки. Возмутительно».

Уже в 1986 году критик Юрий Буртин рассказывал слависту из Женевы Нелли Биуль-Зедгинидзе, что в этой статье Абрамова впервые говорилось о том, что «хватит врать, хватит рисовать потёмкинские деревни и молочные реки в кисельных берегах, тогда как деревня бедствует, страшным образом».

О нищете советских сёл Абрамов знал не по чьим-то рассказам. Его вдова Людмила Крутикова в 1988 году говорила мне, сколько шкур в ту пору драли со старшего брата Абрамова.

«Его не спрашивали, что у него есть в хозяйстве, но налоги брали за всё: за шерсть с овец, за яйца, за кур, которых в жизни на Пинеге не было... Я продала золотые часы и цепочку, чтобы покрыть налоги».

Однако большинство писателей долгое время предпочитало рисовать жизнь деревни в розовых тонах. В своей статье Абрамов рискнул приоткрыть завесу правды. Увенчанных Сталинскими премиями романистов он представил в роли голых королей. По сути, критик развенчал весь литературный генералитет: от Семёна Бабаевского до Галины Николаевой. Естественно, руководство Союза писателей СССР от такого материала пришло в неопишную ярость.

5 июня 1954 года группа партработников во главе с секретарём ЦК КПСС Петром Поспеловым сообщила высшему руководству:

«В статье Ф.Абрамова объявляются фальшивыми и перечёркиваются почти все крупные произведения последних лет о передовых людях колхозной деревни, о передовых колхозах, о перспективах развития колхозов. Защищая эту статью, А.Твардовский прямо заявил, что поскольку «нельзя убеждать колхозников средней полосы страны, что их положение превосходно», ошибкой журнала является лишь то, что она была опубликована поздно» (РГАНИ, ф. 4, оп. 9, д. 1097, л. 177).

В ЦК публикацию в «Новом мире» статьи Фёдора Абрамова, как и материалы Михаила Лифшица, Владимира Померанцева и Марка Щеглова, признали грубой ошибкой. Твардовского из-за этих материалов летом 1954 года сняли с работы. Судьбу же Абрамова решал Ленинградский обком КПСС. Один из секретарей этого обкома – Николай Казьмин в своей злобе на честных литераторов дошёл до того, что предложил смелого критика изгнать из университета. Правда, обкомовцы ему тут же напомнили, что Абрамов до развенчания Галины Николаевой успел отметить статьи о Шолохове, которые произвели на классика приятное впечатление, и что Шолохов в случае чего за молодого исследователя мог и заступиться.

Кстати, как только Казьмин ушёл на повышение в Москву, обком тут же дал команду больше Абрамова не третировать. А уже в 1956 году критик возглавил в Ленинградском университете кафедру советской литературы.

Новое назначение Абрамова совпало с публикацией в «Новом мире» романа Владимира Дудинцева «Не хлебом единым». Книга Дудинцева очень понравилась нашей интеллигенции, но вызвала изжогу у партийного начальства. В ЦК дали команду осудить крамольное сочинение. В Ленинградском университете эта неприятная миссия была поручена Абрамову. Но критик предпочёл оттолкнуться. За это на учёного набросился руководитель Ленинградского горкома КПСС Спиридонов.

«При обсуждении романа Дудинцева «Не хлебом единым», – заявил он 13 декабря 1956 года на пленуме горкома партии, – отмолчались ведущие преподаватели кафедры советской литературы Университета: доцент Абрамов, профессор Плуткин, доцент Наумов, хотя была острая необходимость дать отповедь некоторым неправильным выступлениям участников дискуссии. Как понять это молчание – согласие ли с автором произведения и его защитниками или нежелание идти на острую полемику и боязнь, как бы не подорвать свой авторитет? Надо, очевидно, руководству Университета и парткому внимательно разобраться в этом вопросе. Подобные факты свидетельствуют

о серьёзных недостатках в деле подбора кадров преподавателей общественных наук».

Получив нагоняй за Дудинцева, Абрамов вернулся к творчеству Шолохова. В 1958 году он и В.Гура издали книгу «М.А. Шолохов». Её высоко оценили в Пушкинском Доме.

«Хотя она [книга. – **В.О.**] имеет скромный подзаголовок – семинарий – и выпущена как учебно-педагогическое пособие, – отметил Борис Бурсов, – значение её далеко выходит за эти пределы. По сути дела, эта работа кладёт основание научному изучению творчества крупнейшего советского писателя. В ней дана критическая оценка всей литературы о Шолохове, намечены этапы его идейной и творческой биографии, введены в научный обиход многие новые данные» (РГАЛИ, ф. 631, оп. 39, д. 47, л. 48).

Мало кто знал, что Абрамов, не ограничиваясь критикой, ещё с войны вынашивал идею романа о бедах и радостях северной деревни. Эта идея потом вылилась в роман «Братья и сёстры». В 1958 году писатель предложил свою рукопись московскому журналу «Октябрь». Но там в это время происходила пересменка. Один главред – Михаил Храпченко – переходил на работу в систему Академии наук, а другой – Фёдор Панфёров – только собирался вернуться на старое место, и обоим оказалось не до Абрамова. Поэтому писатель постучался к Сергею Воронину в журнал «Нева».

«Братья и сёстры» были напечатаны в 1958 году в сентябрьской книжке «Невы». Критика эту вещь приняла чуть ли не на ура. Юрий Буртин, к примеру, оценил в «Новом мире» (1959, № 4) роман как «мужественную книгу», идущую к читателю «с трезвой правдой и несущую в себе «гуманистический смысл». По-доброму оценили «Братьев и сестёр» Михаил Алексеев в «Дружбе народов» и Виктор Чалмаев в «Вопросах литературы».

Обрадовавшись первым откликом, Абрамов весной 1959 года подал заявление о приёме в Союз писателей. Рекомендации ему дали Борис Бурсов, Сергей Воронин, А.Грин и Лев Плоткин. Все поручители, отметив вклад Абрамова в изучение творчества Шолохова, особо выделили его первый роман.

«В нём [в романе. – **В.О.**], – отметил А. Грин, – рассказывается о буднях колхозной деревни в годы Великой Отечественной войны. Хорошо зная жизнь сельских тружеников, автор показал их в повседневном труде без всяких прикрас со всеми их заботами и невзгодами, помыслами и надеждами. Он никого не наделил какими-либо исключительными качествами, не приписал никому особых талантов. Все герои у него очень обыкновенные люди. И тем они жизненнее. Можно подумать, что автор не сам выдумал описываемый им колхоз, а повёл рассказ о первой попавшей ему деревне, о такой, какая она есть, не задумываясь над сюжетом. А сюжет вырисовался как бы сам собой.

В этом достоинство его книги» (РГАЛИ, ф. 631, оп. 39, д. 47, л. 50).

Однако на общем собрании секции прозы, которое состоялось 17 ноября 1959 года, против Абрамова почему-то резко выступил П.Петунин. Правда, голос этого весьма посредственного журналиста ничего не решил. Подавляющее большинство литераторов готово было записать автора романа «Братья и сёстры» чуть ли не в живые классики, хотя книга носила всего лишь ученический характер.

Окончательно вопрос о приёме Абрамова решился 24 марта 1960 года на заседании правления Ленинградской организации. Его кандидатуру на этом заседании поддержали Лев Плоткин и Михаил Слонимский.

«Я, – отметил Плоткин, – рекомендовал Абрамова в Союз. Абрамова я знаю со студенческих лет, знаю близко. Абрамов работает в двух специальностях: как критик и как писатель-беллетрист и прозаик. Как критик показал себя очень хорошо. Написал ряд статей о Шолохове. Недавно выпустил вместе с В.Гура книгу и получил весьма и весьма высокую оценку. Как прозаик Фёдор Александрович работал от нас в тайне, какие-то слухи были, что он пишет роман. И, несмотря на то и другое, он написал очень интересную и яркую книгу» (РГАЛИ, ф. 631, оп. 39, д. 47, л. 53 об.).

Пока инстанции рассматривали приёмное дело Абрамова, в Ленинградском отделении Учпедгиза критика попросили отредактировать книгу Льва Плоткина «Партия и литература», рукопись которой одобрил инструктор отдела культуры ЦК КПСС Игорь Черноуцан. Однако когда книга вышла, разразился скандал. Руководство другого отдела ЦК – Отдела науки, школ и культуры ЦК КПСС по РСФСР – обнаружило в ней идейную крамолу. Но Черноуцан выпутался из сложившейся ситуации с необычайной лёгкостью. Зато по полной программе досталось редактору книги Абрамову. В ЦК тут же организовали проверку возглавляемой им кафедры. И уже в октябре 1960 года инструктор ЦК Михаил Колядич доложил в Бюро ЦК КПСС по РСФСР:

«Редактор книги «Партия и литература» т. Абрамов возглавляет кафедру советской литературы в Ленинградском университете, а автор книги Л. Плоткин работает на этой кафедре преподавателем. На кафедре советской литературы Ленинградского университета также имеют место серьёзные недостатки. За последнее время расширение и обновление тематики дипломных работ студентов происходит главным образом за счёт писателей, недавно реабилитированных – М.Кольцов, Киршон, Бруно Ясенский, Бабель – или за счёт писателей, подвергавшихся критике после 1956 года – Тендряков, Бондарев и др. На учёном совете филологического факультета отмечалось, что среди студентов были попытки заняться переоценкой творчества В.Маяковского, противопо-

ставить ему Е.Евтушенко. Например, при отчёте о работе кафедры на учёном совете факультета П.Выходцев говорил: «Тема – Маяковский – для определённой части студентов не звучит, именно в силу временных явлений, появившихся в литературе». Но ни одна тема, связанная с творчеством В.Маяковского, не включена кафедрой ни в «спецкурсы», ни в «специмины». Вместе с тем читается спецкурс о Бунине – писателе, который был политическим эмигрантом» (РГАНИ, ф. 5, оп. 37, д. 82, л. 120).

Абрамов, когда узнал о проведённом в отношении его партийном расследовании, пришёл в ярость и решил немедленно уволиться, полностью посвятив себя написанию книг.

Переживая за судьбу родной деревни, писатель осенью 1962 года написал очерк «Вокруг да около», который предложил Сергею Воронину для журнала «Нева». Он негодовал, почему советских крестьян лишили паспортов. Абрамов поставил вопрос о резком увеличении оплаты трудодней.

Этот очерк появился в первом номере «Невы» за 1963 год. Он всколыхнул всю интеллигенцию русского Севера.

«Все, – сообщил ему 10 марта 1963 года вологодский поэт Сергей Викулов, – говорят о Вашей вещи «Вокруг да около» и ещё о «Матрёнинном дворе». Есть тугодумы, которые их не принимают. Есть, но их всё меньше. Итак, настоящая литература всё больше завоевывает себе позиции. И Ваша вещь сыграет свою, если хотите, историческую роль».

Но это не отвечало интересам ортодоксов, которые окопались в партийном аппарате.

«Очерк носит клеветнический, пасквильный характер, – подчеркнул 6 апреля 1963 в своём обращении к партруководству заведующий идеологическим отделом ЦК КПСС по сельскому хозяйству России Владимир Степаков. – Весь послевоенный период в нём оценивается как «тягостное лихолетье», а современное колхозное село изображается в самых мрачных красках. Несмотря на то, что описываемые автором события происходят летом 1962 года, в очерке нет ни одного характерного признака сегодняшней деревни, колхозного трудного быта <...> Жители деревни выведены в очерке людьми ущербными, убогими, с множеством отрицательных качеств. Шофёр Васька Уледов – «разбойничья рожа», бригадир Клавдия Нехорошкова – «первая работница по колхозу, и она же первая распутница...», «главная опора» председателя, бригадир строительной бригады Вороницын пьянствует, по нескольку дней не выходит на работу. Старый коммунист Яковлев считает, что «не он советской власти, а советская власть ему должна служить». Большинство коммунистов не работает в колхозе, выступая лишь в роли советчиков и консультантов, а в целом парторганизация это всего лишь «видимость одна». Люди в этой деревне живут в невыносимых бытовых условиях» (РГАНИ, ф. 4, оп. 18, д. 1041, л. 3). В своей записке Степаков отметил:

«Написанный с позиций фрондёрства, политически безответственного критиканства, очерк Ф.Абрамова встретил похвальные отзывы реакционной прессы капиталистических стран, а журнал «Уорлд» (Англия) даже перепечатывает его на своих страницах» (РГАНИ, ф. 4, оп. 18, д. 1041, л. 4).

Возмутила партфункционера и позиция «Литгазеты». Он не понимал, как это издание посмело поддержать писателя.

«Неправильную позицию, – сообщил Степаков, – заняла в отношении очерка «Литературная газета». В номере за 5 марта с.г. в газете напечатана рецензия Г.Радова (Г.Вельша), в которой при помощи подтасовок, умолчаний и стилистической эквилибристики делается демагогическое заключение, что «суровая правда абрамовского письма... – есть правда жизнеутверждения, правда, бодрящая душу» (РГАНИ, ф. 4, оп. 18, д. 1041, л. 4).

Степаков предложил ошибку редакции «Невы» и пасквиль Абрамова обсудить на заседании Секретариата ЦК КПСС. Партийный чиновник жаждал крови главреда журнала «Нева» Сергея Воронина, писателя Фёдора Абрамова, проморгавших крамольную публикацию идеологов из Ленинградского промышленного обкома КПСС, а также главреда «Литгазеты» Александра Чаковского, который пропустил хвалебный отклик на очерк «Вокруг да около» Георгия Радова. Он хотел, чтобы по всем виновникам немедленно прошла главная газета страны «Правда».

Приложенный Степаковым проект постановления ЦК КПСС «Об ошибке редакции журнала «Нева» состоял из трёх пунктов.

«1. Отметить, что редакция журнала «Нева» допустила серьёзную ошибку, опубликовав идейно-порочный очерк Ф.Абрамова «Вокруг да около», в котором грубо искажается жизнь современной колхозной деревни.

Указать главному редактору журнала «Нева» тов. Воронину на допущенную ошибку.

2. Обратить внимание главного редактора «Литературной газеты» тов. Чаковского на то, что опубликованная газетой 5 марта 1963 г. рецензия Г. Радова «Вся соль – в позиции» неправильно оценивает очерк Ф.Абрамова, как правдивое, жизнеутверждающее и «бодрящее душу» произведение.

3. Поручить:

а) Ленинградскому промышленному обкому КПСС обсудить вопрос об ошибке, допущенной журналом «Нева» и принять необходимые меры, исключающие появление в печати идейно неполноценных произведений;

б) редакции газеты «Правда» выступить с критической статьёй об очерке Ф.Абрамова «Вокруг да около» (РГАНИ, ф. 4, оп. 18, д. 1041, л. 2).

Секретариат ЦК состоялся 9 апреля 1963 года. Но партначальство не поддержало инициативы Степакова. Я думаю, сработали два

фактора. Во-первых, не прошло ещё и месяца после той промывки мозгов, которую устроил писателям в Кремле Хрущёв. Но Хрущёв бился с формалистами и абстракционистами. А Абрамов представлял, может, чересчур натуралистический, но всё-таки реализм. Вести же войну сразу на два фронта даже для партаппарата – это было бы чересчур. И второй момент. Степаков осуждал не только журнал «Нева», который вроде бы являлся убеждённым союзником Хрущёва в борьбе с формалистами. Он набрасывался и на «Литгазету», куда только-только пришёл новый главный редактор Чаковский после уволенного с позором за поддержку авангардистов Косолапова. Волею неволей могло сложиться мнение, что партия вновь ошиблась с выбором руководителя важнейшего литературного издания. В общем, получилось, что высшему партруководству новый грандиозный скандал, который пытался раздуть Степаков, никак был не нужен.

На проекте постановления ЦК осталась помета:

«Вопрос рассмотрен на заседании Секретариата ЦК 9.IV.63 г. Предложить ограничиться обсуждением вопроса на заседании С-та ЦК. Тов. Степаков на заседании присутствовал. А. <нрзб подпись> 11.IV.63 г.» (РГАНИ, ф. 4, оп. 4, д. 18, л. 1041, л. 2).

Но это не означало, что партаппарат всё сразу забыл и простил. Уже 13 апреля Абрамову отповедь дала газета ЦК КПСС «Советская Россия», напечатав статью агронома В. Колесова «Действительно вокруг да около».

Впрочем, не всё было так безнадежно. У Абрамова нашлись и влиятельные заступники. Как говорили, ситуацию попытались выправить люди Михаила Суслова. Косвенно эту версию подтверждает направленное Абрамову в начале лета 1963 года письмо из редакции московского журнала «Знамя».

Вчитаемся в это письмо.

«Уважаемый Фёдор Александрович!

Это – Литвинов, который Василий Матвеевич, который сейчас заведует отделом прозы в «Знамени» и который весьма бы хотел видеть Вас на страницах нашего журнала, чтобы хоть на миг отвлечь Вас от ленинградских печатных площадей.

Над чем Вы сейчас работаете? Не покажете ли нам что-то готовое? Какие вообще виды на Вас может иметь «Знамя»?

Не сочтите за труд, ответьте.

Ваш В. Литвинов» (РГАЛИ, ф. 718, оп. 17, д. 342, л. 72).

Трудно поверить, чтобы это письмо Литвинов направил без ведома главреда «Знамени» Вадима Кожевникова. Скорей всего, Литвинов действовал по прямому указанию Кожевникова. А Кожевников, как известно, был ещё тем царедворцем. Многие годы он очень ловко лавировал между разными отделами ЦК КПСС и у всех партначальников был на хорошем счету.

Кстати, неизвестно, откликнулся ли Абрамов на просьбу Литвинова или промолчал. Установлено пока другое: писатель продолжал тянуться к «Новому миру». В архивах сохранилась копия его письма «новомирскому» критику Лакшину.

2 августа 1963 года Абрамов написал:

«Дорогой Лакшин!

Целый день пытался вспомнить Ваше имя и отчество и – что ты будешь делать с дырявой головой! – не вспомнил, Вы уж извините меня.

А пишу я вот почему. Только что прочитал в 6 № «Нов. мира» «Дневник» М. Щеглова. Прочитал – и хочется реветь от отчаяния. Какого человека мы потеряли! Что бы он мог дать нашей литературе, проживи хотя бы ещё пять лет! Да, вот она жистянка!

Спасибо за публикацию. Предисловие великолепное! И знаете, что я подумал? Марк был не один. Его товарищи действуют сегодня. И в этом единственное, м. быть утешение, когда думаешь о трагической судьбе этого удивительного человека.

Надо мной сейчас относительно спокойное небо. А за границей по-прежнему шумиха.

Игорь Виноградов обещал мне прислать свою статью. Напомните ему об этом. Да и вы бы, «новомиряне», могли быть попроще со мною. Я ведь хочу иметь виноградовскую статью отнюдь не для того, чтобы козырнуть ею в каких-нибудь инстанциях. Нет, подобная нечистоплотность для меня исключена.

Привет и моё неизменное уважение «новомирцам» (РГАЛИ, ф. 1498, оп. 2, д. 59, л. 1).

Что следовало из этого письма? С одной стороны, Абрамов констатировал, что Запад продолжал шуметь по поводу его очерка «Вокруг да около». С другой стороны, писатель считал, что гроза над ним уже миновала и репрессии не последуют.

Но Абрамов заблуждался. Степаков из аппарата ЦК КПСС успокаиваться не собирался. Он дал команду пропесочить писателя на местном уровне. По указанию Москвы и Архангельского обкома партии районные чиновники начали искать на родине Абрамова, в Верколе, тех людей, кто бы мог поставить свои подписи против именитого литератора. А уже 19 сентября 1963 года подленькое письмишко односельчан против Абрамова «К чему зовёшь нас, земляк?» появилось в газете «Правда Севера».

В начале 60-х годов Абрамов сблизился с Даниилом Граниным. И тот и другой потом ни в какую не захотели признать талант Иосифа Бродского. Уже в разгар гонений на Бродского, в апреле 1964 года Абрамов написал Александру Яшину:

«Какое же отношение я имею к Бродскому. Почему моё имя связывают с этим подонком? Где, какую «позицию» я высказывал? Всё это гнуснейшая дичь. Нет, мой друг, к этому делу меня примазывать нечего. Абрамов – рядовой член СП, к тому же опальный, и решать ему судьбы других не положено. Сара Эм. [Бабенышева. – **В.О.**] тут явно что-то путает. И путает недобросовестно. Правда, она, мне помнится, спрашивала, как я отношусь к делу Бродского. А никак, – сказал я. Да и верно, какое у меня может быть отношение к этому Бр.? В глаза я его не видел, стихов не читал. А то, что меня это дело не волнует, так что тут особенного? Разве первого тунейдца высылают из Ленинграда? Почему же Ваши Маршаки и Чуковские за других-то не вступились, раз уж они такие принципиальные? А где они были, когда громили Яшина с Абрамовым? Почему у них тогда-то не возмутилась гражданская совесть? Нет. Гранин (Данила), видимо, прав: нехорошим духом попахивает от их заступничества.

Одним словом, плевать мне на московских «принципиалов». Сволочи! Нашли вой из-за кого подымать. Небось их Ваньки да Маньки не волнуют».

Пока власть боролась с Бродским, Абрамов написал продолжение «Братьев и сестёр» – роман «Две зимы и три лета». Новую рукопись он предложил главному редактору «Звезды» Георгию Холопову. Но тот книгу ему завернул. Писатель к такому повороту событий оказался не готов. Отказ Холопова в какой-то мере спровоцировал у него в 1966 году инфаркт миокарда.

После этого жена Абрамова посоветовала мужу постучаться в «Новый мир». Редактор отдела прозы Ефим Дорош выступил за заключение с писателем договора и выдачи автору

аванса в размере 1125 рублей. Потом пришёл и отзыв от самого Твардовского.

«Я, – написал Твардовский Абрамову 29 августа 1967 года, – давно не читал такой рукописи, чтобы человек не сентиментальный, мог над нею местами растрогаться до настоящих слёз и неотрывно думать о ней при чтении и по прочтении. Словом, Вы написали книгу, какой ещё не было в нашей литературе, обращавшейся к материалу колхозной деревни военных и послевоенных лет. Впрочем, содержание её шире этих рамок, – эти годы лишь обнажили и довели до крайности все те, скажем так, несовершенства колхозного хозяйствования, которые были в нём и до войны, и по сей день не полностью изжиты. Книга населена столькими прекрасными по живости и натуральности своей людьми, судьба которых не может не волновать читателя, – они, эти люди – и старики, и дети, и юноши, и женщины, и редкие мужчины среднего возраста, – невольно воспринимаются как его, читателя, деревенская родня, сверстники и друзья, оставшиеся там по многосложным обстоятельствам... Словом, в книге есть то, что делает книгу явлением, – образы людей, явившиеся в ней во плоти, которых не спутаешь с образами других книг...».

Спустя месяц Абрамов получил приглашение в Москву. Его рукопись было решено обсудить на заседании редколлегии «Нового мира». Сохранился протокол этого мероприятия от 28 сентября 1967 года.

«Присутствовали: А.ТВАРДОВСКИЙ, В.ЛАКШИН, И.ВИНОГРАДОВ, Е.ДОРОШ, И.САЦ, М.ХИТРОВ, Ф.АБРАМОВ
Обсуждение рукописи романа Ф.АБРАМОВА «Две зимы и три лета»

И.САЦ. Разделяет положительную оценку романа, данную в отзыве А.Твардовского. Надо довести до печати.

Замечания: надо освободиться от литературных предрассудков, от излишеств крестьянского языка
Кроме того: 1) Михаил статичен.

2) Поубавить любовных сцен и мотивировок.

Е.ДОРОШ. За публикацию.

Замечания: 1. Пойти на сокращение внутренних монологов.

2. Излишества, описательность в рассказе о колхозных делах.

3. Несколько идеализирован Михаил.

И.ВИНОГРАДОВ. За публикацию. Необходима редакторская работа. Излишни, необязательны некоторые сцены.

М.ХИТРОВ. За публикацию. Нужна редакторская работа.

Замечания: 1) О коммуне – надо прояснить.

2) Надо что-то прояснить в Михаиле. Надо реальнее мотивировать его расхождение с Егоршей.

3) Постраничные замечания – в частной беседе.

В.ЛАКШИН. За публикацию. Прделана автором огромная работа, изменения кардинальны.

В последних 150 страницах – многое ещё надо менять.

1. Совсем неудачны – Тимофей и Трофим. Неясно с коммуной.

2. Избыток любовных сцен.

3. Надо изменить сцену подписки на заём.

Считает, что надо планировать на первые номера будущего года.

Ф.АБРАМОВ. Возражает на целый ряд замечаний. Считает, что все пожелания выполнить не сможет. Благодарность членам редколлегии.

А.ТВАРДОВСКИЙ. Роман написан, роман отличный. Осталось работать немного. Главное – надо подумать над концовкой.

Чем же должно кончиться? Роман надо запускать в производство.

ПОСТАНОВИЛИ:

Рукопись одобрить. Поручить редакторскую работу Е.Я. Дорошу. Запланировать публикацию романа на 1–3 номера 1968 года» (РГАЛИ, ф. 1702, оп. 9 с, д. 241, лл. 3–4).

Правда, редколлегия не знала, как отнесётся к роману Абрамова цензура. Заместитель Твардовского Алексей Кондратович боялся, что чем-то придётся пожертвовать. Он полагал: раз редакция не могла пробить через цензуру вполне благополучный «Зимний перевал» Е. Дабкиной, который был от первой до последней страницы проникнут беспредельной любовью к Ленину, то Абрамова с его крамольными описаниями сельской жизни и подавно в первоизданном виде никто не пропустит. Однако романист к серьёзным уступкам оказался не готов.

24 ноября 1967 года Кондратович в раздражении записал в свой дневник:

«Часа три вели разговор с Ф.Абрамовым. Хитрый архангельский мужичок, который привык торговаться. Мы убеждали его, что нами движет не перестраховка, не какие-либо другие тайные намерения, – нет, он уже привык читать иной смысл слов и, наверно, не поверил нам.

– Я уже тебе третий раз говорю, – сказал я ему, – ну ответь, притворяешься ты или всерьёз думаешь, что роман в таком виде может быть напечатан?

– Может. Ничего в нём нет, – повторял он в десятый раз, и я уже стал сомневаться: а может быть, он в самом деле так думает? Но и это едва ли. Чёрт разберёт людей в нынешней сплошь неопределённой ситуации».

Абрамов настоял на своём. В редакции роман поставили на начало 1968 года, на первые три номера. Кондратович был уверен, что когда дело дойдёт до главы о займе, цензура всю крамолу изымет. Но случилось чудо. Цензоры никаких замечаний не сделали. На этой волне окружение Твардовского поспешило выдвинуть Абрамова на соискание Государственной премии СССР.

29 декабря 1969 года вопрос решался на Комитете по Ленинским и Госпремиям. Как

выяснилось, писателю не хватило одного голоса. С минимальным перевесом в Комитете приняли решение отдать премию украинскому поэту Малышко. Присутствовавший на голосовании Чингиз Айтматов потом проговорился, что один из функционеров заявил: «У Абрамова тьма в романе такая, что её можно ножом, как повидло, резать». По другой версии, в 1969 году Абрамову получить премию помешала повесть «Пелагея», публикация которой вызвала в верхах огромное неудовольствие. Но изъять «Пелагею» из библиотек начальство не рискнуло. Писателю отомстили по-другому: ему просто не дали премию.

В конце 1969 года весь писательский мир встревожило пришедшее из Рязани сообщение об исключении из Союза писателей Солженицына. Абрамов был опечален. Он задумался, не стоило ли ему направить в Москву протест.

«Решился, – отметил писатель 18 ноября 1969 года в своём дневнике. – Посылаю письмо. Никакими соображениями и доводами нельзя оправдать рабское молчание. И мой голос в защиту Солженицына – это прежде всего голос в защиту себя. Кто ты – тварь дрожащая или человек?»

В своём письме литначальству Абрамов заметил: «Исключение А.Солженицына из Союза писателей РСФСР глубоко встревожило меня. А.Солженицын – выдающийся русский писатель, и отлучение его от советской литературы может образовать только недругов за рубежом. Хочу надеяться, что правление СП СССР исправит эту ошибку».

Вскоре Абрамов узнал, что когда решение рязанских литераторов рассматривал уже секретариат Союза писателей России, то его коллега Гранин во время голосования предпочёл воздержаться. За это ленинградские власти собирались отправить непослушного сочинителя в отставку. Всё должно было решиться 26 ноября 1969 года на отчётно-выборном собрании парторганизации ленинградских писателей. Начальство заранее подготовило список литераторов, готовых устроить Гранину обструкцию. Но весь сценарий поломал Абрамов. Он отверг обвинения Юрия Помозова в том, что «Гранин – это средоточие групповщины», и объявил Гранина «одним из самых наших видных писателей».

Правда, уже через год Абрамов, увидев новый расклад сил в верхах и литературном сообществе, изменил своё отношение и к Солженицыну, и к Гранину. Возможно, он думал, что таким образом избавится от недовольства верхов. Но Кремль ещё долго сохранял к нему настороженное отношение. Не случайно к 50-летию ему прислали лишь приветствие от писательского начальства. Свой первый невоенный,

мирный орден – «Знак Почёта» – писатель получил лишь летом 1971 года.

Кстати, власть и потом ещё какое-то время продолжала держать Абрамова на крючке. Об этом рассказал в «Новомирском дневнике» Кондратович.

«В начале 1973 года, – писал Кондратович, – в «Новом мире» появилось продолжение романа Абрамова [роман «Пути-перепутья». – **В.О.**]. Те же самые герои и мотивы, но уже сейчас роман встречен в штыки. Я присутствовал на собрании, где выступал нынешний секретарь МГК [столичного горкома партии. – **В.О.**] Ягодкин. Он прихлопнул к этому роману все возможные ярлыки. И конечно, была нелепейшая, повторяющаяся формулировка: «В романе говорится о том, что снято жизнью», при этом не говорят даже слова: «культ личности», они теперь непроницаемые, запрещённые слова, но одно табу на этих словах лучше всего свидетельствует: да ничего не снято жизнью. Было бы снято – так не волновались бы...».

Однако ругали Абрамова недолго. Потом кто-то дал команду оставить писателя в покое. А уже в 1975 году его за все три романа, которые образовали трилогию «Пряслины», в очередной раз выдвинули на соискание Государственной Премии СССР. Как говорили, присуждению писателю премии до последнего отчаянно сопротивлялся тогдашний главный редактор «Правды» Михаил Зимянин. Но якобы за романиста вступилась группа лиц из близкого окружения Михаила Суслова.

Позже Абрамов решил продолжить рассказ о Пряслиных и написал роман «Дом». Готовую

рукопись он, как всегда, принёс в «Новый мир». Однако новый главный редактор журнала Сергей Наровчатов встретил его очень прохладно. Он сразу, не читая, передал текст заведующей отделом прозы Диане Тевекелян. Абрамова это сильно задело. Но как-то повлиять на Наровчатова у него возможностей не было.

Тевекелян планировала поставить абрамовский роман на начало 1978 года. Но все её планы спутала цензура.

«Главлит смущало всё, – рассказывала Тевекелян. – Ставились под сомнение целые главы романа, и житие Евдокии-великомученицы, и бытие Калины Ивановича требовали обороны почти пофразно, а уж размер пенсии колхозников – 20 рублей, или сообщение о голоде на Украине в тридцать втором году охранялись, как наисущественная военная тайна. Раздражала тональность романа, его неразрывная связь с «несоциалистическим» реализмом. Замечаний было столько, что рукопись пришлось вынуть из номера, и не один месяц ушёл на переговоры, перефразирование, вынужденную замену одних острых эпизодов другими, не менее острыми, на ежедневное отстаивание права писать правду так, как видит её автор» (Д.Тевекелян. Интерес к частной жизни. М., 2006).

Наровчатов до поры до времени ни во что не вмешивался. Осенью 1978 года Тевекелян вновь поставила «Дом» в номер. Разозлённые упрямством редактора цензоры пообещали тоже проявить характер и снять роман на стадии вёрстки. Вот когда пришёл черёд Наровчатова. Он знал, кому надо позвонить, чтобы от Абрамова, наконец, отстали.

Роман появился в двенадцатой, декабрьской книжке «Нового мира» за 1978 год. После всех мучений Абрамов дал всей тетралогии новое название: «Братья и сёстры».

Я думаю, тут будет уместно процитировать критика Игоря Дедкова.

«Перечитываю Ф.Абрамова, – записал он 24 мая 1979 года в свой дневник. – Чрезвычайно трогательно написано возвращение с лесоразработок Миши, а потом Лизки Пряслиных, и вообще – возвращения: мужа Марфы Репишной, Мошкина и др. Происходит узнавание. В нас поднимается память о нашей собственной былой бедности; кроме того, мы ясно чувствуем, что наше знание о жизни возрастает; мы знаем теперь больше, чем знали прежде. Это расширяющееся знание о нашем времени; вообще человека и вообще жизнь в их вечных закономерностях мы для себя не открываем; здесь нет движения ни в прошлое, ни в будущее; даже лагеря в «Доме» – часть такого прошлого, которое живо, как настоящее, потому что не изжито. Всё – настоящее и потому так мучительно: про себя читаем. Само отношение к жизни – наклон – узнаваемы: своё читаем, про свою усталость и беспомощность».

Спустя шестнадцать лет Абрамов надумал обратиться к веркольцам с новым письмом «Чем живём-кормимся».

Уже в 1983 году критик Валентин Курбатов, который никогда не скрывал своего отрицательного отношения к абрамовской прозе, в письме Александру Борщаговскому тем не менее подчеркнул, что в чём-чём, но в истовости Абрамову «было отказать нельзя и в правде тоже. Так что, положим, Лобанов, удивлявшийся, как может Абрамов крыть своих односельчан, выказал только беллетристическое понимание правды, а Абрамов знал, что на народ надо поорать, если делишь с ним работу, и они поймут твой ор лучше, чем лобановское заигрывание».

Значит ли это, что Абрамов всегда был искренен? Я думаю, тут будет уместно привести оценки Владимира Лакшина.

«Опыт жизни Абрамова, – записал критик 12 декабря 1970 года в свой дневник, – страшный опыт, и сам он оттого – путанный-перепутанный. Никогда не могу до конца верить в его искренность – что-то темноватое есть в нём, какое-то взвешивание выгод – мужицкая хитрость и темнота – не в смысле непросвещённости, а в другом, нравственном смысле – «темна вода во облацех». Да и, правду сказать, что за жизнь им прожита: несчастное, с надрывным трудом, детство, потом 1,5 года СМЕРШа и личное знакомство с Рюминым, о котором он сегодня вспоминал, – попытки пробиться в науку, зацепиться среди «городских» интеллигентов – и два постановления ЦК по его первым же литературным опытам (статья о деревне в «Новом мире» 1954 г. и «Вокруг да около»). Душа его, кажется, настоящая, доверчивая, совестливая – иначе

он не стал бы серьёзным писателем, а жизненный опыт – ужасен и толкает его то к самолюбивой истерике, то к темноватой хитрости».

В принципе всё верно: Абрамов действительно был сложной фигурой, которая сочетала в себе и большой талант, и низменные страсти. Но мне кажется, что Лакшин, когда писал эти строки, руководствовался не только истиной. Он не мог писателю простить, что тот после ухода Твардовского из «Нового мира» продолжил сотрудничество с новым редактором – Косолаповым.

Вспомним предыдущие записи Лакшина. Так, 1 апреля 1970 года он с огорчением пометил в дневнике:

«Фёдор Абрамов, который клялся мне, что не уступит в своём рассказе ни строки, конечно же, не устоял перед соблазном напечатать «Деревянных коней», хотя в самый последний момент из них и вырубили абзац о коллективизации». Спустя три недели Лакшин жёстко добавил к своим записям: «Бедняга Абрамов и не знает, что, когда его изнасиловал Косолапов, а он не поимел духа забрать «Деревянных коней» и выпустил их в искорёженном виде – это его «переориентировали». (Самое смешное, что Косолапов решил, будто этот рассказ – ответ «Матрёнину двору»)».

Позже Юрий Любимов поставил в Театре на Таганке по «Деревянному коню» неплохой спектакль. Правда, и с Любимовым отношения у Абрамова поначалу складывались не очень гладко. Уже в 2007 году Любимов вспоминал, как в середине 1960-х годов он позвал в свой театр деревенщиков.

«Я стал их просить сотрудничать с театром. Фёдор Абрамов Можаяеву говорит: ты что, с ума сошёл, ему давать «Живой», он же Либерман, еврей, это же еврейский театр, куда ты даёшь?»

– Почему Либерман?

– Любимов – Либерман. Я скрываю просто.

– Он разве был антисемит?

– Да не был он антисемитом, но считал, что они, русские, коренные прозаики, а мы тут...

– А потом сам пришёл.

– Потом сам пришёл. И когда я ставил его «Деревянные кони», он говорит: а откуда вы деревню-то понимаете? Я говорю: да у меня же дед по отцу – крепостной мужик. «А-а, и вы бывали у деда?» Я говорю: конечно, бывал, папа привозил нас к нему.

– Но вы могли и своим воображением, талантом дойти до того, что в «Деревянных конях» так пронзительно получилось. Говорят, вы как-то обронили, что вам хотелось бы узнать, откуда берётся талант. Узнали?

– Узнал.

– Откуда?

– А всё тот же Александр Сергеевич: «Не

продаётся вдохновенье, но можно рукопись продать». Это оттуда. (*Показывает наверх.*) Это, простите, как у женщины, есть в ней шарм или нет. Шарм не купишь, он даётся. И талант даётся, а не продаётся» («Комсомольская правда», 2007, 29 сентября).

В середине 70-х годов Абрамов вернулся к воспоминаниям о войне.

«Наконец-то, – записал он 6 февраля 1975 года в дневник, – чётко вырисовываются 4 вещи о войне: 1. «Белая лошадь» (посвящение: «студентам-филологам – тем, кто не вернулся»). 2. «Разговор с самим собой». 3. О следователе [«Кто он?» – **В.О.**] и 4. О роли случайности, Провидения в войне (о себе). Это всё – новый подход к военной теме».

Но власть в новых подходах оказалась не заинтересованной. Ей не нужна была ни повесть Абрамова о раскулачивании «Поездка в прошлое», ни вещь о СМЕРШе «Кто он?». Не случайно цензура усилила бдительность.

5 сентября 1978 года Абрамов, собираясь взяться за воспоминания о Твардовском, сделал такую запись:

«Зверства цензуры, этого проклятия нашей литературы, бескровного убийцы русской мысли, крест и Голгофа, могильщик лучших...».

Спустя несколько лет писатель, продолжая эту тему, добавил:

«Цензуры у нас нет. Есть горлит. Что это такое? Я, проработавший 30 лет в литературе, даже не способен расшифровать».

Допуска в цензуру нет. В старину можно... Мы не видели в лицо. Одно известно: эти люди не имели никакого отношения к литературе. Сидели, обложенные инструкциями, и всё резали.

Вся жизнь, вся история была под запретом. Жизнь цензоры не знали. Мальчики и девочки.

В нарушение всякой конституции.

Канцелярия Великого инквизитора.

И после этого удивляешься, что у нас есть литература, да, может быть, лучшая литература.

Для меня было «три цензуры»: журнальная, ЦК, горлит...».

Именно из-за гнёта цензуры Абрамов в своё время не принял предложение Алеся Адамовича и отказался участвовать в создании «Блокадной книги». Он понимал, что всей правды сказать ему всё равно не дадут, а писать намёками уже надоело.

Надо сказать, что в литературных кругах к Абрамову относились по-разному. Его высоко ценили Александр Твардовский, Василий Белов, Борис Можжев. Александр Борщаговский, к примеру, после смерти писателя, в 1983 году признался:

«Мне Абрамов был всегда нужен, иногда так было с «Пелагеей», с некоторыми его рассказами. Он входил навсегда в меня с классической силой, не имеющей обратного движе-

ния. Я чуточку сторонился его в быту <...>, чтобы он живой, бытовой не мешал мне ценить то, что выше его самого <...> Абрамов хотел говорить значительно и тихо, при благоговейном молчании всех, страсть толпы хоронилась внутри, в глубинах» («Уходящие острова», Иркутск, 2005).

Но были и другие мнения. Скажем, критик Валентин Курбатов многие вещи писателя называл «кандидатской прозой», где всё видно, всё как в жизни, а жизни-то и нет. Делясь после просмотра в театре у Юрия Любимова «Деревянных коней» своими впечатлениями, он ещё весной 1980 года сообщил Виктору Астафьеву, что Абрамов деревню пишет, «как энтомолог бабочек – и рисунок, и цвет, и вылеплено с блеском, а не летает, душа при чтении холодна. Подозреваю, что он и не любит деревню, деревенского человека, то есть живого человека со всей его грязью, неопрятностью, неустойчивостью, метанием от мудреца к дураку, от праведника к хриstopродавцу, а может, любит только то, что сам про него сочинит» («Крест бесконечный». М., 2002).

Впрочем, в отношении к Абрамову Курбатов и Астафьев оказались единомышленниками. В ответном письме от 20 марта 1980 года Астафьев признался:

«Последний роман его «Дом» произвёл на меня удручающее впечатление своей бойкостью стиля, то и дело переходящей в скороговорку, самолюбование».

В последние годы жизни Абрамов работал над романом «Чистая книга». Идея этого романа пришла к писателю ещё в 1958 году. Но выкристаллизовалась она лишь через два десятилетия.

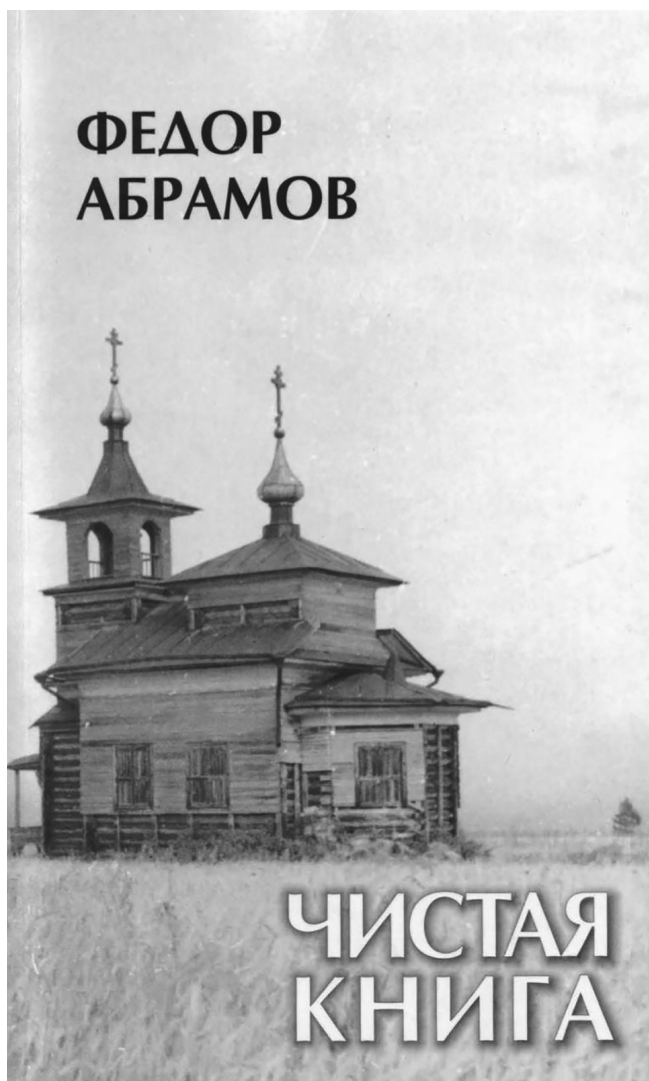
«Чистая книга», – записал он 28 мая 1978 года в свой дневник. – Вот как будет называться роман о дореволюционной России. А может быть, и вся трилогия, если удастся написать. Название пришло неожиданно, и не без помощи Фёдора <Мельникова>. Вечером, после ужина, гуляли по заливу, разговаривали о «Доме», а потом я перебросился как-то к своим мыслям о книге, посвящённой дореволюционной России. Стал рассказывать придуманную легенду о берестяной книге, написанной Аввакумом в яме, незадолго до сожжения, сказал:

– А что если назвать роман «Берестяной книгой»? Или «Белой»?

– Чистой, – поправил Фёдор.

И тут мы все трое сразу поняли: вот название, которое давно ищем. Очень ёмкое, оригинальное, и в то же время моё».

Однако полностью сосредоточиться на этом романе Абрамову не удалось. Он вынужден был регулярно отвлекаться на сиюминутные проблемы. Тут ещё продолжали его донимать неважные вести с малой родины.

Пытаясь образумить своих земляков, Абрамов направил им страстное письмо «Чем живём-кормимся». Оно было 18 августа 1979 года напечатано в районной газете «Пинежская правда». Но его слово земляков не всколыхнуло. Они остались равнодушны.

Похоже, под конец жизни Абрамов озлобился на весь мир в целом и на соотечественников в частности.

«Я считаю, – писал он 30 марта 1980 года критику Юрию Оклянскому, – что в наших мерзостях немалая заслуга и нашего великого народа. И потому я всю жизнь кричу: встань с колен! Оглянись кругом. Не давай всякой сволочи ездить на себе».

Умер Абрамов 14 мая 1983 года в Ленинграде во время операции: сердце не выдержало длительного наркоза. Похоронили его в родной деревне Веркола.

Узнав о смерти писателя, Дмитрий Лихачёв отметил:

«Его творчество было частью его как человека, а как человек он был частью, причём важнейшей, своего собственного творчества. И в писателе, и в человеке жило в нём трагическое

начало – начало почти титаническое, делавшее его драматургом в повествовательной романной форме. Пинежский паренёк поднимался в нём до высот античного пафоса» («Литературная газета». 1983. 18 мая).

То, что Абрамова продолжали достаточно часто переиздавать после его смерти, большая заслуга вдовы художника – Людмилы Владимировны Крутиковой-Абрамовой. Её отношения с писателем были не идеальными. Они познакомились в 1938 году на филфаке в Ленинградском университете. Но незадолго до начала войны Крутикова предпочла Абрамову одного историка. Она вышла замуж, уехала рожать к родителям супруга в Донбасс, но тут пришли немцы. А вскоре от дифтерита умер её сын. После всего пережитого Крутикова не стала возвращаться к своему историку, а ушла как бы в себя. В Ленинград она вернулась лишь в 1946 году, где в аспирантуре судьба вновь столкнула её с Абрамовым. В 1949 году она собралась защищать диссертацию по раннему творчеству Горького, но тут ей неожиданно припомнили немецкую оккупацию. И Абрамов испугался. Он задумался, надо ли ему быть рядом с такой женщиной. Крутикова в итоге уехала в Минск. Прошло ещё несколько лет, прежде чем они поняли, что друг без друга не могут.

При жизни писателя Крутикова была для Абрамова и хранительницей очага, и лучшим критиком. Это она в конце 1970-х годов дошла до первого секретаря Ленинградского обкома КПСС Григория Романова, убедив партийного начальника, что классик советской литературы должен иметь просторные хоромы. По указанию обкома семья писателя тут же получила новую роскошную квартиру. Она же просто негодовала, когда критики с прохладцей восприняли последний роман мужа «Дом». В ярости Крутикова написала хвалебную статью, которую, укрывшись за псевдонимом, отправила Дмитрию Гусарову в журнал «Север».

Когда Абрамова не стало, Крутикова решила, что в случае чего ранние периоды творчества её мужа смогут описать историки и краеведы, а она в первую очередь должна создать хронику последних лет жизни писателя. Затем она буквально по кусочкам из различных бумаг практически воссоздала «Чистую книгу», к которой Абрамов относился как к своему главному роману.

Людмила Владимировна как бы растворилась в Абрамове. А на такое оказались способны далеко не все писательские вдовы.

Владислав ПОПОВ

В Питер к Абрамову

Постучался ко мне завхоз, Геннадий Николаевич, голову просунул в дверь и сказал, хитро улыбаясь:

– Слушай, начальник, там тебя человек один ждёт, поговорить хочет.

– Пускай подымается, – ответил я.

– Не хочет! Говорит, внизу будет ждать.

– Ну, пусть ждёт, – пожал я плечами. – Скоро спущусь.

Закончив свои дела, минут через тридцать, я отправился вниз и увидел этого загадочного человека. А был это Константиныч, уже старичок, но удивительный для своих лет: бойкий, живой, непоседливый. Не признавал ни машин, ни автобусов и всюду ходил исключительно пешком. Уж где только его ни встретишь! Такой деятельный старичок!

Он подпрыгнул от радости, видимо, притомился в безделье и бросился ко мне, сунул сухонькую, как дощечка, ладошку, пытливо заглянул в глаза и даже несколько склонил голову набок, как птица перед тем, как клюнуть.

– Ну, какой сегодня день?

– Какой? – удивился я и пожал его ладошку.

– Число-то какое? – нетерпеливо и настойчиво попытал он, огорчаясь моему непониманию.

– 29 февраля, а что?

– Да Касьян же! Касьян! – он даже подскочил от нетерпения. – И что?

– И что? – глупо повторил я.

– Да Абрамов же родился! Фёдор Абрамов! Глыбища! Писатель великий! Как можно забыть? Ну, как?

Я почувствовал себя виноватым. И он, будто чувствуя мою вину, мою неловкость и досаждаюсь, что я вот такой несознательный, махнул огорчённо рукой и сказал:

– Да ладно! С кем не бывает! Жалко, конечно, что забыл!

– Да не забывал я, просто, не сразу догадался.

Слабая попытка оправдания его, однако, обрадовала. Грустное маленькое личико тотчас озарилось какой-то вдохновенной улыбкой, и он, застенчиво касаясь моей руки, краснея от удовольствия, произнёс:

– А я тебе подарочек принёс!

– Какой подарочек? – ещё более изумился я.

– Необыкновенный! О-го-го, какой подарочек!

Он привстал на цыпочки и прошептал мне на ухо:

– Я расскажу, как к Абрамову в гости ездил!

И отпрыгивая в сторону, воскликнул:

– Это же рассказ целый! Ведь никто об этом не знает! Никто! Никто ещё об этом не написал! А ты, Владимирович, напишешь! Как простой покшеньгский мужик к Абрамову в гости съездил, в Ленинград. В Питер! Ну?

– Ну... – сказала я.

Константинович оглянулся: из-за угла выглянул завхоз.

– Владимирович, ну чего ты? Это же отметить надо! Вот мы с Геннадием Николаевичем и подумали...

– Подумали, значит!

– Нет, начальник, – сказал мой завхоз, появляясь весь из-за угла. – Это он придумал! А я что? А я не против! Можно, у меня в каптёрке посидеть...

– Вот-вот! – обрадовался поддержке Константинович. – Конечно! И не помешает никто нашему интересному разговору. А я за рюмочкой и про поездку расскажу, как в Питер ездил. Не за сарафаном, правда, – тут он подмигнул – а так, по повелению души своей. Мне виденье было: съезди, брат, навести Фёдора Абрамова. Я бы и пешочком побежал ради такого!

История о том, как наш мужик из Покшеньги к Абрамову в гости ездил, представилась мне настолько любопытной, что я решил тут же бросить все дела и подумал: «А ведь, действительно, интересный выйдет рассказ! Может, я что-то новое, неизвестное узнаю о нашем Абрамове? Ай да, Константиныч! И таил, и молчал столько времени! А знакомы-то мы с ним давно, уж лет десять и более...»

– Давайте! – согласился я. – Геннадий! Ты чайник вскипяти! А я по такому случаю в магазин.

– И я с тобой в лавочку! Выберем что-нибудь повкуснее, позабористее! – и Константиныч отправился вместе со мной.

Забегая вперёд, подпрыгивая от предвкушения, размахивая бестолково руками, он всю дорогу сбивчиво, взахлёб рассказывал, как он служил при театре, а потом и сам стал пробоваться в ролях и играл всё старичков-мужичков бесхитростных, а один раз даже и Кощя Бессмертного. «Очень важная и ответственная роль! – заключил он гордо. – Не каждый и сыграл!»

Тропка наша была узкой, и я чуть ли не посекундно вылавливал его из сугроба.

– Водочку? – спросил я в магазине.

– Ну-у, водочку... – покривился он. – Коньячка бы! Давно коньячка не пробовал!

– Что отмечать собрались? – спросила продавщица Светлана.

– Ну, как же? Как же! – заволновался Константиныч. – День рождения Абрамову! День-то, день-то сегодня какой славный!

– Это писатель который? – уточнила Света.

– Во-о! – воскликнул Константиныч. – Знает! Помнит! А ты? – он укоризненно блеснул глазами. Мне показалось, что он сейчас заплачет.

– Вот, простая деревенская продавщица! Простая русская женщина, а знает, любит, помнит и ценит. Вот как надо писать! Что б на века!

– Мне коньяка! – сказал я Свете.

– Что, одну? – засмеялась она. – Ведь ещё прибежите.

– Одной хватит!

– Ну, одну так одну, – покорно согласился Константиныч. – А вы до пяти работаете?

– До семнадцати, – поправила Светлана.

В каптёрке уже гремел, подпрыгивая, чайник.

Мы порезали сыр и ветчину, завхоз достал из закровов хлеб и толстокожий лимон. Я разлил коньяк по стаканчикам, меркам из кабинета химии.

– Сначала за день рождения! – провозгласил Константинович. – И давайте все встанем!

Мы поднялись.

– Выпьем за Фёдора Абрамова! За светлый ум его, за талант великий, за то, что прославил на всю планету – вы только представьте: масштаб какой, громадина! – на всю планету! – и Пинежье наше, и Верколу родную. И всяк теперь знает, где там прячутся на географической карте наши деревеньки. Он ведь, ребяташки, и в Покшеньге у нас бывал, с председателем сельского совета водочку пил в клубе. Вот отсюда в трёхстах метрах! Светлая ему память. День рождения! Ну, давайте, выпьем! Тянуть не будем.

И мы выпили.

– Ну, давай, рассказывай, как в Питер к Абрамову съездил?

– Вот так сразу и рассказывай! А разговор? Вот чего торопиться? Куда? Момент нужен подготовительный – ведь такое событие в жизни! Эпохальное!

– Ну, ты загнул! Эпохальное! – засомневался мой завхоз.

– Тогда историческое! – быстро нашёлся Константиныч.

Мы подумали и согласились: да, историческое...

– Вот-вот! – обрадовался он. – Вы только взгляните! – Константиныч взял вилку, ткнул в дерматин письменного стола и решительно про-

вёл длинную линию, отодвигая коньяк и тарелку с лимоном. – Тут Покшеньга, а вот там Питер! Какой путь проделать надо, и всё только ради встречи с необыкновенным человеком. Я не сразу, ребяташки, и собрался. Думал много. Думами, как Ломоносов, дорогу свою осиливал. Тут ведь подготовка духовная нужна! Момент подготовительный! А ты, Владимирович, сразу – рассказывай! А хочется по порядку, обстоятельно...

– Давайте вторую! – предложил мой Геннадий.

Над деревней вывернулось солнышко. Наша каптёрка засветилась, заулыбалась. В стекле бутылки выпукло отразилось и окно, и нечаянно раскрывшееся небо. Снег, припорошивший створочки рам, светился нежно и сиренево.

– Касьян-то злой, вьюжный, – щурясь на солнце, говорил Константиныч. – И угораздило Федорушку в такой день родиться! Однако ж, не выбирают, такое дело! А солнышко-то греет, греет уже! Чуете?

– Чую, – засмеялся я. – Греет!

– Какую погоду мы с вами налаживаем! В

Деревня Покшеньга Пинежский р-н Архангельской области

Покшеньге про Абрамова вспоминаем. Хорошее дело! И солнышко – знак нам, в подтверждение!

– Константиныч! – тоже щурясь от негаданного солнышка, спросил Геннадий. – Подготовительный этап завершён?

Он смёл широкой ладонью хлебные крошки со стола – от солнышка они сразу высветились.

– Не сметай ладонью-то! Примета! – всполошился Константиныч.

– Какая примета?

– Бедным будешь! Мне ещё то бабушка твердила.

– Ну, всем приметам верить!..

– А вот и поверишь! Я, ребяташки, когда в деревню вернулся после театра – виденье мне было вернуться! – бедно зажил, пока корову не взял. Всех бабушек теперь молоком снабжаю.

– А много ли молока корова даёт? – заинтересовался Геннадий.

– А много! – похвалился Константиныч. – Я уж свою корову Речку люблю, нежу её. Сам и пасу. Утром встану, чаю попью и говорю Речке: «Пойдём, Речка, гулять!» И идём мы, куда глаза глядят. Простору-то сколько! Хочешь, налево иди, хочешь – направо. А травы-то, травы-то заливной! Ешь – не хочу! Тихо! Ни одна коса не шикает! Она у меня, как собачка, на свист приручена. Я посвящу – она бежит, хвостом лягает. У-у! А я ей хлебушка с солью: ешь, Речка, ешь, наводи бока!

– Ишь ты! – восхитился Геннадий, наполняя коньяком стаканчики. – Да я вас видал: всё по бережку ходите!

– Ходим! – зажмурился Константиныч. – Ходим! Ух, и славный у нас коньячок! Да мы с Речкой – не разлей вода! Она у меня навроде собаки пограничной. Границу охраняет!

– Это как? – усталились мы на нашего старичка.

– А так! Река наша – пограничная! Две деревни разделяет! На берегу левом – ваша. А справа, на горе, – наша. Вот мы с Речкой эту границу и охраняем! Идут ваши бабоньки на перевоз, а мы им сразу: «Стой! Кто идёт?» Они и пугаются! А нам с Речкой весело. Она устанет у меня, повалится, ну и я к её боку привалюсь. Лежим-поляживаем, в небушко смотрим. Ласточки стрекочут. Она травку жуёт, и я стебелёк пожёвываю.

– Ты и Фёдору о Речке рассказывал? – поинтересовался я.

– Не-е! Какое там! Постеснялся. Хотя и можно было рассказать. Понятливая у меня Речка, не говорит только, а понимает. Доброе слово и кошке приятно. Киски у меня тоже есть. Один рыжий, приبلудный. А другая – Маша. Я утром встану подоить, обрядиться, и они со мной. Бегут, мяукают, а в хлеве сидят смирно, слушают, как молочко в ведёрышко дзынькает... Наливай, Владимирович! А то уйду!

Мы пьём четвертую, потом и пятую следом. Солнышко прячется, и только повети на заречной горе, где живёт Константиныч, пока рыжиной светятся, и двери над взвозом красны от солнышка. Константиныч, уже пьяненький, смеётся, вспоминает, как в шашки играть учился...

– А в Питер-то, в Питер когда? – прерываем мы его шашки. – Бутылка-то кончилась!

– Ой, и вправду! – всплёскивает он руками. – Насухо-то и не расскажешь! Это ведь история целая. Самый волнительный эпизод в моей жизни. Ведь не каждый и сможет! Это ведь подвигу сродни, ребяташки! А магазин-то сейчас закроется!

Мы смотрим на часы, и точно, пятнадцать минут осталось!

– Сбегаешь, Владимирович, за тем же самым?

– с надеждой спрашивает завхоз. – А чайник пока наставлю.

Я торопливо одеваюсь и спешу в магазин.

– Вот говорила же! – смеётся довольная Светлана. – За второй прибежите. Весёлый ли день рождение получился?

– Хороший!

– Про Речку-то вам рассказывал?

– И про Речку тоже.

– Тоню в сентябре выпугал! Стой! Кто идёт! Она с испугу домой и убежала, никуда не уехала.

Мы смеёмся.

А в каптёрке шум. Константиныч расстегнул свою куртку, рассупонился и на груди что-то показывает.

– Я когда, Гена, Кощя Бессмертного играл, у меня вот тут, на груди, косточки были подвязаны. Идёшь, а они погромыхивают. Я как выскочу, чтоб эту Елену Прекрасную словить, руки-то вот так растопырил, у меня косточки-то и посыпались! Ой! Что было! Зал так и лопнул со смеху. А Елена-то и сама в покатушку! Комедия! Чистая комедия!

Константиныч утирает слёзы:

– Владимирович! Наливай, раз пришёл! За искусство! Мне потом режиссёр стаканчик вот по сюда налил и сказал при всех: «Верю!»

Я наливаю «по сюда».

– Константиныч! Давай про Питер?

– А, успеем! Давай про искусство. Как мне в театре играть нравилось! Какая там атмосфера трепетная!

– А что ж ты из театра ушёл?

– А роли у них кончились мужичков бесхитростных. А я ведь и старика Лира сыграть хотел...

Константиныч пригорюнился, в три мелких глоточка осушил стаканчик.

– Вот приду домой, а Речка скажет: «Что? Напился, хозяин?» И Маша с Рыжим недовольничать станут. Они ведь не скажут – они ведь подумают... Как жить?

– Константинович! Брось! Давай про Питер! – напоминает Геннадий. – Ну, как тебя угораздило в Питер съездить?

– Расскажи, – прошу и я. – Легче станет.

– Легче-то оно легче, – вздыхает Константиныч.

– Бумага-то у тебя есть? Блокнот? Ручка?

– Да зачем? – удивляюсь я.

– Запишешь! Вот у Фёдора Абрамова такая книжечка была, чёрненькая, и ручка наготове. Он чуть словечко какое услышит, тотчас его в записную книжечку засунет. А потом глядишь, оно и в романе каком выскочит. Обрадуешься – я подсказал!

– Так что? От тебя Абрамов словечки записывал? – не верит своим ушам Геннадий.

– Не-е! От меня не записывал. А вот от Миши Завернина записывал! Миша-то его на «козли-

ке» по всему району катал. Дороги-то раньше – не чета нынешним! На брюхе ползли, глина, ямы! Выйдут машину выталкивать, и Фёдор Абрамов выйдет, стоит на бровке, переминается. Штанишки короткие, чёрненькие. В ботиночках. А мужики толкают, выпихивают козлик-то, месят глину сапожищами. А Абрамов-то и советует с бровочки: может, вагу какую под колёса вернуть? А Миша-то как разгорячится да крикнет: «Да мех шакше не оборона!» Все хохочут. А Абрамов-то: «Как? Как?» Вытаскивает из пинжачка заветную книжечку и записывает! А у тебя даже блокнотика нет! Наливай, Гена, ничего у него нет!

Геннадий лезет в свой необъятный письменный стол, шуршит в выдвижном ящике, наконец, вытаскивает чистый лист и отточенный карандаш.

– Пиши, Владимирович! Раз требует, пиши! – и поворачивается к Константинычу. – Ну? Как дело было?

– А как было? Вот так и было! – Константиныч озадаченно покосился на бутылку. – Быстро, однако, кончается.... Торопитесь, всё, ребятушки! Время пошло такое торопливое. Все спешат, торопятся, мало не замечают. Вынь да положь! Я вот что ещё думаю, ребятушки, а не родственник ли я самому Фёдору Абрамову? Что смеётся? Рано смеяться! Дело-то серьёзное и требует изучения. Я когда своим бабушкам, ветеранам фронта и тыла, молоко Речкино разношу, мы с ними все новости района переберём. О чём только и не посудачим! А как зачнём родню вспоминать, кто кому зять да брат, сноха да деверь, да божатка, – о-о! – тут всё и вскрывается! Обнаруживается! Родня мы все! Крестнакрест родня. Поголовно! Вот и думаю я – ночи-то у меня длинные бывают, бессонные – а не родня ли мне Абрамов? И общее есть у нас!

– Да что же у вас общего? – усмехаюсь я.

– К искусству тяга! У него – литературная тяга, а у меня – театральная. А это взаимопроникновенно. Я, пожалуй, пока дороги зимние есть, в Верколу сбегаю, сродственников поищу, глядишь и вот!

Константиныч разводит руками и подмигивает.

– Что вот? – спрашивает Гена.

– Роднёй окажемся! Будут ко мне ездить студенты, расспрашивать. Я им про Речку расскажу. Нечего, пускай тоже героиней станет. Глядишь, и напишут, и в газету сфотографируют. Наливай, Гена! Выпьем за историю. История – это ведь не только там, в столицах, она и здесь, и в деревне, делается! Выпьем и про Питер будем рассказывать. Как я к Фёдору Абрамову поехал, как я храбрости, дерзости такой набрался. За донышки, ребятушки, за донышки стопочки возьмите! Пусть созвонит колокольчиком! Дзинь! Дзинь!

Забрякало! Эх, хорошо сидится! Всё бы так посиживал, да коровушка ждёт-недождётся, она же не думает, сердешная, что я вот тут пьянствую.

– Дойдёшь ли до дома-то? – беспокоюсь я.

– Дойду! Коли с востока задуло, так хмелину мигом вышибет! Много ли там коньячка осталось, Владимирович? Погляди, дорогой!

– Да всем рюмки две!

– О! как пьём весело! Давно я коньяка не пивал. Поглядишь только: дорого! А вот ты уважил меня! Спасибо! Не пожалел... Режиссёр, помню, учил: глоточками пить надо, понюхать, покачать, выпить. А мы – что? На водке родились. Залпом всё! Эх, племя торопливое! Как называется-то? – Константиныч берёт бутылку и с почтением разглядывает бронзовую этикетку.

– «Багратион!» – читает он по складам. – Какой коньяк геройский! И пить страшно!

И уже сам разливает с горкой, от сердца полного.

– Ох, ребятушки, жизнь-то какая долгая! Поглядите, как я вам налил! С горочкой! Пейте, не расплескайте счастья своего!

И тут же наливает снова, нагибается, вытаскивает из-под стола тяжёлую сумку.

– Хлебушка я накупил. И себе, и соседке Валентине, и Нинушке купил. Занести всем надо. Ждут, наверное, уже в окно поглядывают: где брожу? А я приду и скажу: день рождения праздновал! А они: кому? А я отвечаю: эх, вы, тетёры! Фёдору Абрамову праздновал! Ух, и коньяк я пил! «Багратион» называется! Шестьсот рублей бутылка!

– Да расскажешь ли ты, наконец, как в Питер съездил? – не надеясь уже ни на что, кричит Геннадий.

Я смеюсь и гляжу весело на Константиныча.

– Не кричи! – сердито отвечает Константиныч. – Съездил!

Он выпивает, ставит свой стаканчик посреди-не стола, утирает сухой ладонью губы, берёт сумку с хлебами и встаёт.

– Ну, съездил! Ну и что? Адрес-то я знал. С поезда сразу к нему. Взошёл на крыльцо, за ручку взялся да вдруг подумал: «А кто я? А он – кто? стыдно мне стало. Развернулся я и ушёл».

– Куда ушёл? – не поняли мы.

– Просто ушёл! – сказал Константиныч, закинул на плечо сумку, поправил ремень и захлопнул за собой дверь.

Покшеньга,
Пинежский район

Владислав Владимирович Попов родился в Архангельске. Окончил Архангельский пединститут. Работал в Покшеньгской школе. Автор сборников стихов «Времена года», «Тихие сумерки года» и других книг.

Юрий РОСТОВЦЕВ

Братья и сёстры, где Вы?

К столетию
Фёдора Абрамова

Писатель Фёдор Абрамов. Имя весьма и весьма значимое для русской литературы. Выдающийся прозаик, владеющий тайнами родникового слова, рождающегося прямо из его сердца, человек тонкого художественного вкуса и мастер целесообразности. К тому же, пламенный публицист, он не раз увлекал своим живым, искренним и обжигающим словом любую аудиторию. И сугубо профессиональную, как это случилось на писательском съезде, когда после его выступления зал ходуном ходил, и читательскую — на встрече ли в столичном концертном зале или в небольшой комнатке сельского ДК в рамках прямого диалога, — лицом к лицу, — с земляками; или даже обращаясь к ним со страниц газеты «Правда».

Таким же откровенным и легко воспламеняющимся прозаик бывал и в беседе с глазу на глаз, и даже в спокойной домашней обстановке.

*Пускай зовут: Забудь, поэт!
Вернись в красивые уюты!
Нет! Лучше сгинуть
в стуже лютой!
Уюта — нет. Покоя — нет.*

— Уюта — нет, покоя нет! — постулат, открытый Александром Блоком, стал откровением и правилом для каждого настоящего художника. Бывал и он, Фёдор Александрович, таким вот обнажённым, с открытой душой к русскому читателю, с честным разговором о наших наболевших проблемах, о заботах об Отечестве, о родном пепелище.

В жизнь и литературу он явился из самой что ни есть глубины, из сказочного края белых ночей и дремучих снежных лесов, где затеялась и вызрела мудрёная северная сказовость и в просторечьи, и в устах гениальных былинников-сказителей.

Пинежье, Северный край матушки-России, одаривший нас и весь читающий мир непревзойдённой сказительницей, песельницей и сказочницей Марией Кривополеновой и духовным исполином, пастырем христианской Руси Иоанном Кронштадтским, а также их земляком — виртуозом слова, выдающимся писателем земли русской Фёдором Абрамовым, чьё 100-летие со дня рождения мы отмечаем в эти дни. Будущий летописец деяний семьи Пряслиных и других жителей книжного Пекашина родился 29 февраля 1920 года в селе Веркола Карпогорского района.

Многодетная крестьянская семья жила одной заботой — о хлебе насущном. Фёдор стал пятым ребёнком Степаниды Павловны и её мужа Александра Степановича. Так случилось, что через год семья Абрамовых осталась без кормильца. Непосильный труд привёл отца к болезни, от которой он уже не оправился. Забота о младших и о матери легла на плечи пятнадцатилетнего Михаила Абрамова.

Молва сохранила, что во время похорон отца семейства одна из плакальщиц запричитала о том, чтобы Бог прибрал на небо самого малого... Степанида Павловна резко оборвала плакальщицу и твёрдо сказала для всех:

— Мальчик мой пришёл в наш мир, чтобы жить!

Мать вместе со старшим сыном Михаилом сумела организовать быт и труд семьи таким образом, чтобы всё-таки только не выживать, а — жить! Позже Фёдор Александрович вспоминал о том, что с косой он познакомился и подружился в шесть лет, раньше, чем пошёл в школу. Работящая мать, прививала детям любовь к труду, разумно распределив между ними обязанности по дому и огороду.

Оставалось у ребятешек время и для учёбы. Правда, Михаил и Николай, проучились только три года. У Василия оказались за плечами неполных 7 классов. А младший сын пошёл в школу

семилетним, и к 1932-му – закончил начальную школу, причём, лучшим учеником. За успехи в учёбе он получил свою первую награду – отрез материи на брюки, и кусок сатина – на рубашку. Вспоминая свои детские годы, писатель всегда подчёркивал «трудовое воспитание», которое вместе с другими детьми он получил под крылом любимой матушки. И при этом всегда дополнял свой рассказ о том, с каким увлечением он бегал в школу, как азарт познания помог ему стать первым в классе.

Однако впереди мальчика ждал неожиданный и болезненный удар. Он рассказал об этом публично, выступая перед своими читателями в ТВ-студии «Останкино».

– Самый горестный момент в моей жизни связан с 1932-м годом. В этом году я окончил начальную школу. Окончил первым учеником (без хвастовства). Казалось бы, первому ученику должны прежде всего раскрыться двери в школу. А тогда как раз у нас впервые на базе нескольких деревень создали первую пятилетку. И вот приняли всех детей бедняков, детей красных партизан, хотя все мы были уже в колхозе, колхозниками, а меня, первого ученика, не приняли. Потому что я – сын середнячки. Когда умер отец, нас у матери осталось пятеро. Мал мала меньше, старшему пятнадцать, младшему – второй год. Отец оставил нам наследство небольшое: коровёнку и половину избы. А к 1930-му году, к моменту вступления в колхоз, мы стали одной из самых состоятельных семей в деревне. У нас – две коровы, две лошади, жеребёнок, бык, штук десять овец, и всё это сделала, сотворила наша детская коммуна... И вот это было постав-

лено в вину мне...

Страшная, горькая обида ребёнку, для которого ученье было – всем. Правда, зимой начальство разобралось в существе дела. Убедились, что середняцкое хозяйство создано руками вдовы и малолетних детей, Федю приняли в школу в Кушкопале. А среднюю школу он заканчивал в Карпогорах. В ту пору там жила семья брата Василия... Старшие Абрамовы по-прежнему заботились о младших: Василий сделал всё, для того чтобы Фёдор, а впоследствии и Мария, получили высшее образование.

...Фёдор Абрамов не раз подчёркивал в публицистике и в выступлениях ту роль в его судьбе, которую сыграл народный учитель Алексей Фёдорович Калинин. В пору их знакомства педагог работал в Карпогорской школе. «О первом учителе», так назвал писатель очерк, в котором раскрыл личность наставника и приёмы его работы с юным поколением; тот глубокий след, который оставил пинежский просветитель в душах нескольких поколений воспитанников.

Почти каждый учебный год Фёдор заканчивал в числе лучших учеников, получал за свои школьные достижения – поощрения.

Обучаясь в 9-м и 10-м классах он удостоился стипендии имени А.С. Пушкина. Она присуждалась лучшему ученику школы за успехи в учёбе и за знание творчества поэта. Пожалуй, эта медаль и определила дальнейшее будущее Абрамова как историка русской литературы и культуры, как выдающегося мастера писательского цеха.

Именно благоговение перед литературой, перед писательским словом и привели деревен-

ского парня в 1938 году в стены филологического факультета Ленинградского университета. Его как отличника зачислили без экзаменов. Интересная подробность биографии. В ту же пору на филфаке училась Людмила Крутикова. Она, спустя годы, стала женой и соратницей писателя во всех его творческих начинаниях. Но в годы перед войной они хоть и здоровались, но по-настоящему познакомиться и заинтересоваться друг другом не сумели.

В июне 1941 года Фёдор сдавал экзамены за третий курс. Строил, как и другие однокурсники какие-то планы на лето... Но 22 июня перечеркнуло и планы, и судьбы всего советского народа. Пришло известие о нападении врага на СССР, и у всех молодых людей оказались одни цели, одни задачи – биться с врагом. Биться и победить.

Есть описание этого воскресного дня. И преподаватели, и студенты пришли на свои факультеты, в родные университетские стены. Обсуждали случившееся, договаривались о том, как они студенты могли бы действовать. Но вот кто-то принёс новость: началась запись в народное ополчение... Где это? Где?! Юноши, не задумываясь, брали адрес и торопись на призывной пункт.

Уже 22 июня Фёдор Абрамов стал солдатом, он записался добровольцем. Запись мальчишек-студентов ЛГУ в Ополчение приняла массовый характер. Администрация вуза была поражена поголовным проявлением патриотизма. Все, или почти все!

Кто-то из администрации вдруг вспомнил, что ещё не закончена сессия. Не все студенты сдали экзамены. Но и тут разумное, доброе начало взяло верх. Договорились в Василеостровском военкомате о том, что всем добровольцам даётся отсрочка на 10 дней, для того, чтобы они завершили сдачу экзаменов за прослушанный семестр и перешли на следующий курс.

К счастью, я слышал от самого Фёдора, из его уст рассказы про 41-й. Я видел его с университетскими ветеранами войны на одной из встреч в 1970-е годы. Я был с ним на площади Победы, в самом конце Московского проспекта, – в день открытия (9 мая 1975) величественного монумента, созданного Михаилом Аникушиным в честь защитников города на Неве, устоявших перед натиском фашистской орды и, в конце концов, фашистов победивших.

Не только в памятные даты Фёдор Александрович вспоминал своих университетских друзей, большей частью погибших осенью 1941 года. О них, павших героях, он как-то рассказывал и на встрече со студентами-филологами в послевоенное время.

«В сентябре 1941 года рядовой-пулемётчик 377-го артиллерийско-пулемётного батальона Ф.Абрамов ранен в руку. После недолгого лечения вновь отправлен на фронт. – всё это я пересказываю по документу, чтобы не ошибиться, чтобы не исказить зафиксированную реальность. – В ноябре 41-го взвод получил приказ: проделать проход в проволочных заграждениях

под огнём фашистов. Единственное укрытие – тела погибших товарищей. Заранее распределили, кто за кем поползёт. Абрамов попал во второй десяток... Он не дополз до заграждения нескольких метров – пулями перебило обе ноги. В тот день от взвода в живых осталось несколько человек.

Вечером похоронная команда собирала убитых. Усталый боец, споткнувшись около Фёдора Абрамова, нечаянно пролил ему на лицо воду из котелка: «мертвец» застонал...».

В ту пору в Ленинградском университете уже развернули огромный госпиталь. По всей длине основного коридора главного здания разложены матрасы, на которые укладывали поступающих в госпиталь раненых. Бывшие аудитории стали палатами, где размещали бойцов после оказания им помощи, после операций. Вот как описывает ситуацию источник: «Абрамов попал в госпиталь, что расположился в том самом университете, где ещё несколько месяцев назад он, Фёдор, учился. В ту страшную зиму в неотопляемом помещении раненые лежали в одежде, в шапках, в рукавицах, укрытые сверху двумя матрасами. Эти матрасы помогли многим из них выжить. В апреле 1942 года Абрамова вместе с другими ранеными эвакуировали из Ленинграда по Дороге жизни в одной из последних машин. Грузовики шли под обстрелом по слабому ладожскому льду. Машина впереди, с блокадными ребятишками, ушла под лёд. Машина, что шла сзади, с ранеными, тоже осталась на дне Ладоги. А та, в которой ехал Фёдор Абрамов, добралась до Большой земли. И это он считал ещё одним чудом в своей жизни...».

Всю оставшуюся жизнь Фёдор Абрамов считал себя должником тех, кто не выжил в страшной войне.

– Погибли, может быть, самые талантливые, самые гениальные ребята – восклицал он, рассказывая о той страшной поре жизни.

С июля 1942 года Абрамов возвращается в армию, проходит службу в нестроевых частях... Он служит в запасном полку, затем – в Архангельском военно-пулемётном училище. В ноябре 1944-го подаёт рапорт с просьбой разрешить ему поступить на заочное обучение в Архангельский педагогический институт; просит запросить документы об окончании им трёх курсов на филфаке ЛГУ. В августе 1945-го приходит ответ ректора ЛГУ с просьбой демобилизовать Ф.А.Абрамова и отправить в Ленинград для завершения образования.

В 1948 году он заканчивает ЛГУ с «красным дипломом», поступает в аспирантуру. Начинает работу над диссертацией, которую защитил в 1951 году. В эту же пору начинается сближение Фёдора Абрамова с аспиранткой Людмилой Крутиковой, будущей женой, верной спутницей всей его дальнейшей жизни. Со временем она стала неотторжимой частью мифа «Фёдор Абрамов». Свою версию их отношений, Людмила Владимировна описала – в очень откровенной

(до жёсткости) и ценной по материалу, изложенным фактам к биографии писателя – книге «В поисках истины» (2015).

Работе на кафедре он отдал почти восемь лет. Однажды в поездке с приятелем по Новгородской земле разоткровенничался, открыл свою тайну. Мечтает стать писателем. Уже несколько лет он пишет произведение, роман... Но пока его никому не показывал. Друг уговаривает его быть смелее, и больше времени отдавать литературе. Знала о творческой тайне супруга и Людмила Крутикова, и верила в его успешную писательскую судьбу. Хотя имея на руках законченную рукопись романа «Братья и сёстры», он ещё два года мыкался по редакциям в поисках надёжного издателя.

В 1958 году роман увидел свет на страницах журнала «Нева».

Читатели и критики приняли роман дебютанта благожелательно. Этот эпизод писательской судьбы Фёдора Абрамов остался единственным положительным. Каждая следующая книга выходила трудно, однако выдерживая сопротивление издателей и партийных функционеров. После журнальной версии «Братья и сёстры» вышли книгой в Лениздате, а затем массовым тиражом в «Роман-газете». Это был серьёзный успех молодого автора.

Фёдор засел за продолжение. Над вторым романом он работал также долго и упорно. «Две зимы и три лета» пришли к читателям в обложках «Нового мира» в 1968 году. Роман напечатал А.Твардовский.

С Фёдором Абрамовым меня свела Университетская набережная. Мне посчастливилось учиться в том здании филологического факультета, в тех аудиториях, где когда-то учился он сам, и где совсем недавно преподавал.

В этом пространстве даже и после его ухода на вольные хлеба в писательство, у него оставались друзья и почитатели. Ну а преподаватель В.С.Соколов – и того более: был его земляком.

Так вот Валентин Сергеевич, один из моих тогдашних наставников, шёл мне навстречу по коридору и широко улыбался.

– Как раз отправился на Ваши розыски? – так он меня поприветствовал. Я рад и удивлён, а он продолжает.

– Зная, что Вы увлечены творчеством писателей-деревенщиков, хочу предложить минут через двадцать отправиться вместе со мной на 5-ю линию. Сегодня около 17.00. должен зайти Фёдор Абрамов. Мы ведь с ним земляки, оба из Пинежья.

– А моё присутствие не будет излишним?

– Ну, вы мой гость и, к тому же, его читатель. Думаю, что быстро поладите и поймёте друг друга...

Пролетел час и вот я в квартире Валентина Соколова, пью чай с Фёдором Абрамовым. Та встреча оказалась весьма волнующей и удачной. Кажется, и я чем-то оказался любопытен писателю. Он мне дал свой телефон и разрешил

звонить...

– Но не часто и... вечером.

Наше сближение оказалось как бы предопределено. Ему был приятен мой жадный интерес к его книгам и работе над ними, к его небольшой коллекции деревенской утвари, а также к развешанному по кабинету прозаика картам северных территорий.

Он мне задавал никак не меньше вопросов, чем я ему. Он пытался понять через меня и других студентов, с которыми иногда, встречался, чем собственно дышит современный молодой человек, к чему стремится, каков его потенциал сегодняшний и на перспективу.

Кроме того, у нас оказались довольно близкие интересы в живописи. Он удивился моей всеядности. Мы даже договорились вместе сходить на выставку авангардистов, о подготовке которой доходила молва. Однажды я сообщил ему о том, что 22 декабря открывается выставка питерских нонконформистов на проспекте Стачек в ДК Газа. И я уже имею на руках билеты. Приехали туда, а там – огромная толпа поклонников запретного искусства. Проход только по билетам и через милицейский кордон.

Наконец, мы оказываемся в залах, а там жуткая теснота, и большое число зрителей, которые, видимо, зашли сюда внутрь ещё ранним утром. Мы такой тесноты представить себе не могли. Но держимся, ходим, смотрим. Фёдор Александрович расспрашивал художников об их работах, о том, что тот или иной автор стремился выразить в живописи...

Запомнился и наиболее приятное на нас впечатление произвёл Евгений Рухин. Он с нами очень вежливо разговаривал и комментировал свои работы. В итоге он нам дал даже свои координаты и обещал нас принять, если мы не побоимся посетить его трущобы.

Другой раз мы ходили на официальную выставку Евсея Моисеенко, известного советского художника. Быть может даже лучшего – в тот период времени. Оба мы с Евсеем Евсеевичем были хорошо знакомы. Были им приняты как дорогие гости. Позже Абрамов написал статью о творчестве Моисеенко. Она опубликована.

В 1975 году трилогию «Пряслины» выдвинули на Госпремию СССР. Перед ноябрьскими стало известно, что трилогия прошла все барьеры и осталось ждать совсем немного. Накануне опубликования Указа позвонили из «Литгазеты» и сказали, что указ пришёл и будет опубликован завтра. Утром следующего дня я – едва проснувшись – кинулся за газетой. Точно, есть награждение!

И хотя ещё нет и девяти утра, звоню Абрамовым. Поговорил и Людмилой Владимировной. Поздравил и её. Она мне говорит:

– Так Вы же к нам собирались приехать. Приезжайте. А то не хорошо, он сидит у телефона, отвечает на звонки и чокается с трубкой. Приезжайте, и составите ему компанию.

Подводя итог этому радостному, суетливому и длинному дню он сказал:

– После такого приятного стресса будет особенно легко включиться в новую работу. Она уже крутится, крутится в моей голове.

Особое волнение я пережил в дни празднования 60-летия Ф.А.Абрамова. Огромный зал Дома писателя на улице Воинова, 18 забит под завязку. Фёдор Александрович оценил это и весь вечер блистал. Его отличное настроение переполненный зал вполне оценил.

В чередѣ встреч вспоминаются дни в Комарово и прогулки по берегу Финского залива. Там, на взморье, к нашим прогулкам присоединился художник Фёдор Фёдорович Мельников, наверное, самый близкий друг Абрамова. Кстати, именно Ф.Ф.Мельников стал автором надгробия на могиле писателя в Верколе. Мельников, будучи на один месяц старше Фёдора, и также, как Абрамов, добровольцем ушедший на фронт, пережил друга на 20 лет.

Однажды Фёдор Александрович всматривается в меня испытующим взглядом и говорит:

– Что же это ты, ко мне в гости всё время ходишь, а к себе не приглашаешь.

– Возможно ли это? – ответил я с большим удивлением. Я живу за Московским парком Победы. Далеко. Приедете?..

Абрамов позвал жену, и они обсудили сделанное мною предложение. Договорились.

В воскресный день в начале лета супруги приехали к нам на Витебский проспект. Сын был с бабушкой на даче, а я и Наташа принимали гостей в нашей квартире. Заехав на рынок, я купил для украшения стола и экстрамального угощения крупную узбекскую черешню, и мы высыпали её в на большое блюдо, которое стояло на отдельном столике у дивана.

Фёдор Александрович по очереди нас с женой буквально допрашивал. Речь шла о нашем бюджете, о порядке дня и даже о хозяйственных мелочах. Он хотел убедиться, что мы живём самостоятельно. Много времени отняло критическое изучение моей библиотеки, которая удивила писателя числом книг. Рад он был и тому, что я открыл ему забытое писательское имя. Я искал тогда и продолжаю собирать и теперь довоенные издания книг прозаика и охотника Евгения Дубровского, печатавшего рассказы о своих странствиях по лесам и болотам, под псевдонимом Лесник. Были в моей подборке и книги с его довоенными автографами. Лесник в 1930-е был весьма популярным автором. Говорят, он написал обобщающую, итоговую книгу своим хождениям по долам и оврагам родного севера... К сожалению, писатель скончался в 1942 году в блокадном Ленинграде. Архив его погиб вместе с разрушенным домом, где жил бродяга-прозаик.

Абрамов не был бы самим собой, если бы тот воскресный день обошёлся без критики. Он посчитал, что в моей библиотеке слишком сильный крен в модную беллетристику, а вот исторические труды представлены только основными именами.

И уже возвратившись к себе на Васильевский

остров, он мне позвонил, и после слов благодарности за приём, закричал в трубку:

– Как же это у тебя не представлены документы партийно-хозяйственного порядка! Ведь мы – хотим того или нет – живём в нашем государстве по ним... Ухватил я тебя...

Да, славное было время.

Провожая мужа в больницу Людмила Владимировна Крутикова-Абрамова услышала такой завет от Фёдора Александровича:

– Если что-то из нами запланированного вдруг пойдёт не так, случится непоправимое, тогда ты, моя жена, живи за двоих и работай за двоих...

Вспоминая эпизод прощания, Людмила Владимировна со слезами на глазах говорила о том, что выполнила почти всё из им завещанного.

Однако и читателям нашим пора вновь услышать мудрый и провидческий голос Фёдора Абрамова! Жить по совести, умножать добро на Земле. «Единственное, что есть на свете, – это жить честно и помогать ближним. Выше этого ничего нет. К этому придут все мои герои».

«Самое страшное сегодня – безверие... Мол, человек ничего не может изменить и сделать. Против этой философии, обрекающей человека на пассивность (к великой радости чиновников), надо бороться».

«Человек многое может»; «Человек строит себя сам»; «Никто не поможет народу нашему, если не поможет себе он сам. А помощь одна – покончить с безразличием и окаменелостью, покончить с гражданской спячкой».

«Конечно, надо требовать с руководства, с начальства... Оно несёт ответственность. Но до тех пор, пока мы сами, каждый из нас, каждый рядовой человек не поймёт, не установит для себя непреложным законом, что все дела – это мои дела и что большой наш дом строится только общими усилиями... до тех пор мы ничего не изменим... И этой идеи, идеи народной инициативы, активности я придерживаюсь всегда, и если есть такой писатель Абрамов, то его главное кредо: будить, всеми силами будить в человеке Человека».

«Судьба России – давать свет миру, человечеству. Главная статья её экспорта – духовный хлеб, духовные ценности... она даст негасимый свет миру. В этом её назначение. Назначение в том, чтобы отрывать, поднимать человечество от земли к небу».

Итак, главная из заветных дум Фёдора Абрамова:

– Объединим наши усилия, надо вместе будить, всеми силами будить Человека в человеке. Да поможет нам Господь и наши российские подвижники!

P.S. Десятилетия назад Фёдор Абрамов сформулировал для читателей тревожные вопросы. Конечно, многие из нас за эти годы растеряли идеалы, намерения и даже любимые книги. Но может ответите для начала Вы, братья и сёстры?

Анна МУЛИН

Живительное пинежское слово

В Туле – самовар, а на Пинежье – Сказка. Родина святого Иоанна Кронштадтского славится чудным словом, способным оживлять и радовать души людей.

– Господа! Есть загадочный край на Руси, отдалённый от мира болотами. Там мужик не боится урядника, не ломает шапки перед начальником... Так живут на Русском Севере. А ещё там живут сказки чудные – это дивные лесные создания: не увидишь их, не пощупаешь, а ведь есть же они – во плоти, в слово впаяны... Говорят северяне азбучно просто, вроде по русскому. Между тем, слова у них древние, бородастые. Речь их плавная с самоиронией и будто сама собой переплавляется в сказку, переливается в слиток и застывает на холоде, сохраняясь до наших времён. Словом, нелёгкое северное бытие преуглубляет событие, а сказка превеличивает его. Вкупе же получается прочнейший, пожизненный сплав – былинный... Что ни событие там – то быть, а что не быть, то небыль – небывальщина да неслыхальщина. Сим живут на Севере люди, сим и питаются.

Так увидела Русский Север московская артистка-фольклористка Ольга Озаровская, побывавшая сто лет назад на Пинежье, где искала скатный жемчуг – так называла фольклористка северные диалектные слова. И она действительно держала нос по ветру, ибо «в начале было именно СЛОВО... и Слово было Бог».

Не потому ли то самое начало и влечёт людей испокон веков, ибо так задумал Бог, чтобы Его любимое творение – «человек» всегда искало своего Создателя.

Издравле любое искусство было пропитано любовью к Богу: будь то художники, выражающие через свои картины библейские истины, или же северные зодчие, строившие огромные дома-богатыри – «Ноевы ковчеги», в которых под одной крышей уживались и люди, и скотина. И же простые люди, зачастую совсем неграмотные, но и они стремились воспеть свою

любовь к Богу доступным им способом через то, что у них имелось – то есть через СЛОВО – в духовных песнях, былинах, сказках и сказаниях.

Ещё каких-то сто лет назад вся дореволюционная Русь в прямом смысле слова носила на руках сказительницу Марию Дмитриевну Кривополенову – старую и неграмотную нищенку, которая всего лишь говорила простым народным языком. Простым, да не простым, а будто бы соком, истекающим от самых корней, пусть и искалеченного многочисленными реформами языка, но всё ещё живого славянского древа.

Родившись на Пинежье в бедной крестьянской семье в 1843 году – Махонька – так, прозвали сказительницу в народе, рано лишилась родителей и осталась на попечении деда, который в свою очередь зарабатывал на жизнь будучи «поморским вралем» – это когда поморы выходили в море на промысел, то нанимали человека, способного вести долгие сказы – хоть про князя Долгорукого, хоть про Вавилускомороха, хоть про Идолище поганое. Да не всё ли равно про что, лишь бы не молчал. За это ему платили двойной паёк – как за небылицы, так и за промысел. Сама же сказительница вспоминала, что: «сызмальства у дедовых ног сидела. Жили мы худо да и кормил меня дед чем приведётся – стало быть, не молоком, а старинами. Потому и ростиком я не вышла, зато в дедовы старины крепко внялась, да и до вас донесла».

Нищая и неграмотная Махонька всю свою долгую жизнь зарабатывала себе кусочек хлеба сказанием былин, духовных стихов да сказок. Она обладала не только «бездонной» памятью, но и неповторимым актёрским мастерством. А когда в 1915 году на Пинежье состоялась её судьбоносная встреча с артисткой-фолькло-

Фото сказительницы «Марии Дмитриевны Кривополеновой – МахОньки», 1916 год

ристой Ольгой Озаровской, то вскоре они уже вместе колесили по всей стране и «поднимали Русь с колен», рассказывая древние сказки и былины.

За самобытное пинежское слово художники и скульпторы, писатели и журналисты наперебой спешили запечатлеть сказительницу в своих произведениях и, тем самым увековечить её в памяти русского народа. Именно тогда Махонька стала единственной из колоссального множества великих людей России, кто удостоился высочайшей чести ещё при жизни стать «экспонатом» Государственной Третьяковской галереи. И для этого, оказывается, совершенно не нужно быть ни грамотным, ни богатым! Нужно всего лишь позволить СЛОВУ – Божьему Слову вселиться в душу.

Мы же, мало того, что не позволяем Слову Божьему хоть сколько-нибудь приблизиться к нам, да ещё и совершенно не бережём свой родной язык – я не говорю русский язык, ибо говорю о славянском.

Последним мощнейшим ударом по славян-

скому языку стала «реформа орфографии 1918 года», окончательно искажившая правописание «в целях облегчения широким массам усвоения русской грамоты». Эта реформа лишила буквы «образного» славянского языка их образов, превратив буквы в пустые фонемы безобразного, читай, безобразного, русского языка.

Не для того ли на фоне людского «всезнания» Бог явил неграмотную нищенку ставшему слишком уж грамотным русскому народу? Ибо в Писании сказано: *«Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное».*

Ведь «подрезание» языка ведёт не только к деградации самого языка, но и ума людей, которые пользуются этим языком-уродцем, ибо всё в этом мире реагирует на звуки – развивается, или же в нашем случае – тормозится. Будь то младенец во утробе, слышащий не только свою мать, но и мир, в который он собирается войти, а кошка, которой доброе слово тоже приятно!?

В то же самое время, кроме «обрезания языка», была также насильственно обрезана и связь русского народа с Богом путём отделения Церкви от государства, отчего мысли людей постепенно перестали цепляться за небо. И как следствие, язык стал будто бы плоским, лишённым поднебесных понятий, т.е. современные образы оказались словно гвоздём прибиты к земле и всему земному.

В качестве примера рассмотрим простую бытовую речь двух малограмотных пинежанок, живших в том же временном срезе – около ста лет назад. Их представления о Пушкине записал северный писатель Борис Шергин в рассказе «Пинежский Пушкин». Простые пинежские жёнки легко перебрывались между собой образами, достойными псалмов царя Давида, например: «В стихах его ветер столь ли *быстрой!*?; Дантес пулю не в очередь, отшиб звезду от месяца; Жизнь его пробежала как речна *быстрина*; Звезда восточна на запад ушла; Во гроб изволил вселиться, от горя землёю укрыться; Жито *пожато* незрелое» и т.д.

Примечательно здесь то, что высочайшие образы крепко сидят у малограмотных людей на языке и в мыслях просто потому, что их сознание мощно пропитано псалмами Давида, ибо они со школы знали псалмы наизусть, поэтому уже и сами мыслили, как царь Давид. А всё потому, что книга псалмов Давида долгое-предолгое время была на Руси книгой для обучения грамоте. Именно из неё в русский язык вошли многочисленные фразы в виде пословиц и поговорок, как например,

пословица «*Не рой яму другому, сам в неё попадёшь*» является упрощённым переложением 16-го стиха 7-го псалма, который звучит так: «*рыл ров, и выкопал его, и упал в яму, которую приготовил*».

Ещё один знаменитый уроженец Пинежья – той же самой земли, что и сказительница М.Д.Кривополенова, и те две жёнки из вышеупомянутого рассказа, да и живший в том же временном срезе – чуть больше 100 лет назад – святой праведный о.Иоанн Кронштадтский. Сам выходец из простонародья, он впитал с молоком матери те же самые соки исконного древа народного. И когда Иоанн приехал в Кронштадт, то увидел там неприглядную с виду народную массу, так называемых «сосланных на 101 км». Но он не пошёл широким путём, презирая и отвергая пьянчуг, бродяг, больных и неграмотных. Он прозрел в этой «болеющей» массе народа увядающий цветок, жаждущий напиться живой водицы. Вот тогда-то и стал о. Иоанн обильно поливать всех страждущих и нуждающихся живительным Словом Божиим, которым его самого когда-то напоила родина-мать – Пинежье.

А следом за святым Иоанном Кронштадтским взялся за Слово ещё один пинежанин – писатель Фёдор Абрамов, который так и сказал: «*Городской человек обворован жизнью – он не знает мира природы, животных, языка рек и трав, не знает настоящих сказок и былин, живого слова, а потому не знает и духовной основы своей нации, родников, бьющих бог весть из каких глубин*». Когда Фёдор Абрамов шёл по русской земле, то, конечно же, сравнивал её со своей малой родиной – Пинежьем. Он заметил, что «*На Севере издревле вся жизнь и повседневная и праздничная пронизана многоцветным краснословьем, будь то бытовая речь или сказка, задиристая частушка или песня, героическая былина или скомошина. А как же иначе можно жить в суровом краю без опоры на чудодейственную силу слова?*»

Немаловажно отметить, что благодаря простой народной речи – говори, обыкновенный житейский разговор зачастую превращался в живую и нескончаемую сказку. Так, став студентом-филологом Фёдор Абрамов уехал из деревни в город и получил уникальную возможность сравнить городскую речь с родной ему деревенской. С тех пор он не переставал удивляться живописности просторечья деревенских жителей и, конечно же, однажды задался вопросом «А сколько же на Пинеге сказок?» Ответ ему дала простая старушка: «Да хто зна скоко?!»

Кукла «МахОнька», работы Натальи Жихаревой

я ить не шшитала. Однажды у меня заболел внучок, а фельдшарица приказала его на улицу не пущать. Дак я его три недели дома сказками удерживала. И ницего, шшо с утра до ноци сказывала – всё равно не опорожниласе. Много ить на Пинеге народу жило. Дак скоко же они за долгие века сказок насказывали?!»

Быть может, Русскому Северу, населённому простолюдными, не ведавшими гнёта крепостного права, повезло немножко больше. Ибо каким-то невероятным чутьём северяне сохранили любовь к слову, они чувствуют, что живое слово дороже мёртвой буквы, как будто бы СЛОВО является колодезем, из которого они черпают воду и по сей день.

Словом, идти надо за Словом – Божиим Словом!, ибо сам Господь сказал, что «овцы за Ним идут, потому что знают голос Его», – голос Его, запечатлённый в Евангелие.

Архангельская обл.

Анна Мулиин – северянка, сказительница и писательница, проживает в Архангельской области. Автор двух книг прозы.

В лабиринте памяти

В начале 50-х годов прошлого века стал строиться новый посёлок лесозаготовителей – Гридино. В Карелии считается, что название Гридино произошло от имени Григорий или в простонародье – Гридя, Гридька. Возможно, этот Гридя и был основателем посёлка. Количество примеров, употребления данной формы личного имени (даже в роли топонимов) можно было без труда увидеть на материалах Писцовых книг. Название мест по именам первых поселенцев в топонимике – обычное явление.

Наша семья переехала в Гридино со станции Боярской в 1953 году.

Посёлок расположился в Лоухском районе Карело-Финской Советской Социалистической республики. Изначально леспромхоз принадлежал «Ленгорлесу».

На северо-восток от станции Амбарный была протянута железнодорожная ветка, длиной около полутора километров, для подвоза горюче-смазочных материалов, лесозаготовительной техники, запасных частей для автомобилей и тракторов, продовольствия. Обратное по ней вывозили готовую продукцию: крепёж на шахты Донбаса, Подмосковья, пиловочник – в Латвию, Эстонию, Литву, Молдавию, Украину, Москву, Ленинград, Мурманскую область, Якутию. Технологическую щепу отправляли на Кандопожский и Сегежский бумажные комбинаты.

В посёлке находился нижний склад. Разделка древесины производилась электропилами К-5, позднее – К-6.

Сначала лес с делянок планировалось вывезти по узкоколейке, при помощи мотовозов. Были доставлены два мотовоза, шла отсыпка узкоколейки гравием. Она начиналась между домами №№ 6 и 8 по улице Лесной и уходила в сторону Вакшозера, которое жители, называли Векшей, затем узкоколейка делала крутой поворот направо и шла вдоль болота в сторону леса. Общая её протяжённость была около трёх километров. Потом полностью отказались от этой затеи, но следы узкоколейки сохранились и по сей день.

Было принято решение доставлять древесину до нижнего склада молевым сплавом. Были привезены два новых катера, подростком я их видел, но порожистые речки не позволили осуществиться этим планам.

Вывозку древесины с делянок стали осуществлять автомобильным транспортом. Первые газогенераторные автомобили «Урал-ЗИС 252» работали на дровах. Было 2–3 автобуса ЗИЛ-155, но они очень быстро вышли из строя. Бездорожье и суровый северный климат сделали своё дело. Позже в лесопункт стали

поступать другие автомобили: ЗИЛ-150, ЗИЛ-164, ЗИЛ-130, ЗИЛ-157, ЗИС-151, МАЗ-509Э, Урал-375 и трактора: Т-4, ТДТ-40, ТДТ-55, бульдозера для прокладки дорог С-80 и С-100. Лес валили бензопилами «Дружба-2», позднее «Дружба-4», «Тайга», «Урал».

Древесину на нижний склад вывозили хлыстами, чалки на делянках грузили трактором на лесовозы при помощи полиспасов (это две мачты, трос и система блоков), на смену примитивности пришли челюстные погрузчики на базе ТДТ-55А – ПЛ-1А.

Лесозаготовительная бригада состояла из шести человек: вальщик леса (как правило, он же бригадир), тракторист, чокеровщик, три сучкоруба (в основном – женщины). Рабочий день бригады, которую доставляли в лес на бортовых машинах с фанерным навесом в кузове, начинался с 7 часов утра. Позже поступили автобусы ПА3-651. В лесу для рабочих было организовано питание, сначала в передвижных столовых, а затем в вагончиках, обшитых дюралюминием. Рабочий день на делянках заканчивался в 16 часов, но рабочие добирались домой в 19 часов, а то и позже. Лесные делянки с каждым годом располагались всё дальше от посёлка.

На нижнем складе отгрузка пиломатериалов производилась в железнодорожные вагоны при помощи «Дэррика», по сути это первобытный самодельный автокран. Со временем установили консольно-козловые краны ККС-10.

Погрузка технологической щепы и дров в железнодорожные вагоны производилась ленточным транспортёром, а далее – прогруженные дрова женщины укладывали в вагоне вручную.

Электроэнергию для производственных нужд вырабатывали на месте сначала передвижные электростанции, а затем, недалеко от нижнего склада была построена стационарная электростанция, где находились четыре дизеля-генератора ДГ-16, ДГ-17 и два чехословацких дизеля «Шкода». Дизеля могли работать как все в параллели, так и по отдельности, всё зависело от нагрузки. После службы в армии, где полу-

чил специальность дизелиста-электромеханика, я работал на этой электростанции.

В посёлке был хороший гараж, в котором было всё необходимое для стоянки автомобилей, тракторов, автобусов. Там располагались: кузница, токарные станки, моторный цех и тепловой узел – паровая машина от паровоза, которая для подогрева воды в зимнее время топилась дровами.

Кроме гаража, в Гридино построили контору, детский сад, ясли, общественную баню, пекарню. С детства помню хлебопёка Марию Морозову и замечательный хлеб, чёрный и белый. Буханки были большого размера, сейчас такого не пекут.

Работало два поселковых магазина: продуктовый и промтоварный. Выбор продуктов был невелик, в основном консервы длительного хранения: щи, борщи, свекольник, солёные зелёные помидоры, маринованные огурцы, солёная треска, зимой – мороженая мойва, водка «Московская», «Петрозаводская», плодово-ягодное вино, «Солнцедар», портвейны под номерами от 17 до 777. Употреблялась винно-водочная продукция в 70-х годах прошлого столетия в больших объёмах. Из посёлка Чупа, где находилось руководство ОРСа и продуктовые склады, привозили на автомашине по 200 ящиков водки, которая распродавалась минут за 40, многим желающим даже не доставалась. В день подвоза промтоваров магазин не работал из-за приёмки товара. Начиналась торговля новыми товарами с первоочередного обслуживания конторских служащих, а затем – всех остальных жителей, что вызывало недовольство рабочих, но дальше ропота и разговоров дело не шло.

В посёлке было четыре улицы: Ленина, Школьная, Лесная, Новая. Жилой фонд состоял из 8 бараков и 4-квартирных домов из бруса. На центральной улице Ленина и в конце улицы Лесной квартиры в домах были двухкомнатные. На кухне стояла каркасная железная печь для приготовления пищи, в большой комнате – круглая печь типа «голландки». Обе печи топились

дровами. В остальных домах квартиры были однокомнатные. Между небольшой комнаткой и кухней находилась каркасная печь. «Удобства» – на улице. Многодетная семья Руберовских занимала отдельный дом, бывший здравпункт.

Возведением жилья занимались рабочие местного стройучастка под руководством Якова Яковлева. В лесопункте была своя пилорама, так что потребность в пиломатериалах (брус, доски любой толщины) удовлетворялась полностью.

Питьевой водой жители обеспечивались из озера Банное. В посёлке стояла водонапорная башня и было несколько водоразборных колонок. В сильные морозы топили печи, чтобы колонки не замёрзли. Кроме того, у дома № 10 по улице Лесной был очень глубокий колодец с питьевой водой, который никогда не замерзал.

Случались в посёлке и пожары, в том числе, жилых домов. Был случай возгорания дома, где жили Куприяновы, от шаровой молнии. Общественная баня горела три раза. Однажды сгорела кузница. На этот случай имелась старая пожарная машина, стоящая в отдельном гараже, недалеко от здания конторы.

На улице Ленина находился клуб, в котором располагались: хорошая библиотека и бильярдная. Позднее библиотеку переместили в барак № 5. Регулярно в клубе показывали кино, в основном фильмы патристической, военной тематики, но были и индийские фильмы. Радж Капур из «Бродяги» стал чуть не родным. По воскресеньям для молодёжи устраивались танцы под радиолу. В клубе работали кружки художественной самодеятельности. Концерты местных артистов проходили с большим аншлагом. Стихи и басни Крылова всегда читал Богданов, а Нина Гудкова пела песни. В клуб было не попасть, если с концертами приезжали артисты из Лоух. Все торжественные собрания проводились в

клубе. Ежегодно широко отмечался День работников леса. В программе торжественная часть, а затем награждение передовиков грамотами, подарками и вручение премий.

В конце шестидесятых руководство лесопункта решило открыть кафе «Лесоруб». Мероприятие приурочили к очередному Дню работников леса. Но всё пошло не по сценарию. Перепившие лесорубы разнесли кафе в дребезги. Этот факт может быть занесён в Книгу рекордов Гиннеса – так как кафе просуществовало один вечер, после которого остались ломаная мебель, разбитая посуда и выбитые рамы.

Народ на работу в лесопункт попадал разными путями. Много было уроженцев Вологодчины, Белоруссии, г. Ленинграда и др. Ехали по набору, по определению того времени – по вербовке. Потом стали приезжать сезонники из Закарпатья, которые отработав сезон, имели право купить 7 кубометров леса. Прибывала публика из Москвы и Ленинграда, высленная из этих городов на 101-й километр.

По прибытию новеньких в посёлке, как правило, расцветало пьянство. Пропивался полученный аванс и проданная за бесценок новая спецодежда. Потом они быстро шли на вокзал и уезжали. Начальник лесопункта пытался вручить им трудовые книжки, но из тамбура уходящего поезда неслось: « –Начальник, оставь их себе на память...».

Каждое лето в посёлок приезжали рабочие лесоустроительной экспедиции, они на своих вездеходах ездили в магазин за водкой, а дальше слышались крики пьяных компаний, звон выбитых стёкол, затевались драки. Такое поведение расшатывало устои семей, создавая иллюзии весёлой и лёгкой жизни.

На плечах руководства лесопункта лежали трудные задачи: регулярно выполнять производственный план, подбор кадров, организация работы имеющейся инфраструктуры, обеспечение необходимого снабжения производства и населения.

Детвора в посёлке в основном была представлена сама себе. В свободное от учёбы время мы, как могли и умели, занимали себя; играли в игры: войну, прятки, ножички, чику, городки, лапту; ходили на рыбалку, в лес за грибами и ягодами. Наша бабушка Настя, выстроив нас, своих внуков и соседских ребятшек наставляла: « – В лес не ходить – заблудитесь, на озеро не ходить – утоните». Суровое было время и методы воспитания не отличались изысками.

Несмотря на бабушкины наказания, мы ходили везде по округе. Помню, как мы с ребятами решили научиться закидывать спиннинг. Дружной стайкой пришли к обрывистому берегу о. Банное. Старшие ребята стали забрасы-

вать блесну, но вдруг раздался дикий вопль, одному из подростков блесна пробила мочку уха и застряла там. Пострадавший с криками от боли устремился в сторону посёлка. Зрелище было не из приятных: впереди – раненный Колька, а за ним на расстоянии вытянутой лески – все остальные. В посёлке – ни души, взрослые все на работе. Дошли до здравпункта. На крик на улицу вышла фельдшер, затем, оценив ситуацию, ушла обратно в помещение и вернулась на крыльцо. Она быстро ножницами отрезала леску, выдернула из уха блесну с трёхъякорным крючком и смазала рану йодом.

Ребятам был задан только один вопрос: «Почему сразу не обрезали леску?».

Нам было интересно ходить на бывший военный аэродром, находившийся примерно в 10 километрах от посёлка. Там на стрельбище выковыривали трассирующие пули, распиливали их, фосфором что-нибудь натирали и ждали зелёного свечения. Некоторые из ребят ходили в лес и разыскивали упавшие самолёты времён ВОВ.

Всего и не упомнишь, чем занимались в детстве, но успевали везде. Зимой любили кататься на лыжах, особенно с горки № 7. Она была очень длинная и крутая, находилась прямо за баней. Лыж там было сломано без счёта.

Особенно мне запомнились школьные годы. Первоначально начальная школа была оборудована в жилом доме по улице Ленина. В одной комнате стояло три ряда парт, было жарко и постоянно шумно. Попробуйте сосредоточиться на решении примеров, если школьники по соседству занимаются другим предметом, например родной речью или пением. В таких условиях я проучился два года.

С 1959 года мы стали учиться во вновь построенной двухэтажной школе, которая была расположена в сосновом бору на краю посёлка. Сначала ученики были только из Гридино, но вскоре к нам присоединились и ребята из Амбарного, так как их школа сгорела. Детям из соседнего посёлка приходилось преодолевать двухкилометровое расстояние до школы вдоль железнодорожных путей в пургу и мороз.

Учителя в школе менялись часто. Многие уезжали из-за бытовой неустроенности, отсутствия элементарной медицинской помощи, им не интересно было жить в глуши. Часть предметов до конца учебного года оставались не изученными. По этой причине в моём Свидетельстве о восьмилетнем образовании стоят прочерки против дисциплин черчение и иностранный язык. Хорошо помню учителя Валентина Владимировича Васягина, который вёл у нас уроки труда, физкультуры, фото и стрелковый кружки. В школе были пятизарядные мелкокалиберные винтовки Т03-17. Учитель привил

мне любовь к фотографии. По сей день я не расстаюсь с фотоаппаратом.

Перед началом каждого нового учебного года в школе проводилась побелка потолков, красились полы и парты.

В школе для учеников было организовано питание. Нам выдавали бесплатно по кружке горячего молока. В посёлке Амбарный было небольшое подсобное хозяйство. Молоко, которое давали десяток коров, отпускалось, кроме школы, ещё для детского сада и яслей. Это был очень ценный продукт. В лесном краю не было покосов для заготовки кормов. Летом бригаду косцов отправляли в заброшенную дерев-

ню Воронскую, находившуюся в 50 километрах от посёлка, в том числе 15 километров – плыли на лодке через озеро. Сено вывозили зимой трактором на санях.

В 1968 году я закончил СПТУ № 128 и получил специальность тракториста широкого профиля. Мне был доверен единственный в лесопункте новый трактор ДТ-54. Рано утром с двумя рабочими мы выезжали за сеном и возвращались поздно ночью. Такие рейсы были через день, но мне нравилось водить трактор на большие расстояния.

Шло время, в посёлок пришло телевидение. Правда, сигнал поступал слабо и поэтому качество изображения было плохое. По экрану шла рябь и помехи в виде непрекращающегося снега. Мужики в посёлке ставили очень высокие антенны, но это не помогало.

В продажу стали поступать автомобили: «Запорожцы», первые модели «Жигулей», «Нивы», также мотоциклы: весь модельный ряд «ИЖ», реже – «Урал», «Восход», «Минск». Появились мотовелосипеды «Рига». Постепенно улучшалось благосостояние земляков.

В силу сложившихся причин, в начале января 1973 года я переехал из посёлка в город Архангельск, где и проживаю в настоящее время.

Валерий КАРЬЯЛАЙНЕН

г. АРХАНГЕЛЬСК

Иван ОМРУВЪЕ

КАНИКУЛЫ НА РАТОНЕ

1. «Отшельник» Туркеу

Поднявшись на небольшой перевал, они его заметили неожиданно – сидящим с собакой недалеко от одинокого кедра. Каким-то чутьём человек почувствовал приближающихся к нему посторонних лиц, иначе бы не встал. К нему шли мужчина пожилого возраста и двое молодых соплеменников. Собака заволновалась и начала потихоньку скулить, это заметил хозяин и спокойно погладил напарника за холку, успокаивая её. Человека звали Туркеу, что по-русски звучит примерно так – «Привыкающий или привыкший к чему-то новому». Увидев приближающихся к ним путников, человек и собака двинулись навстречу. По мере приближения к гостям он узнал одного из них – двоюродного брата Таинвата – по его высокому росту и необычной мягкой, бесшумной походке, свойственной человеку как бы подкрадывающемуся к какому-то живому существу, которого надо непременно поймать, застав врасплох.

Рядом с Туркеу, виляя пушистым хвостом, шла, не бежала, небольшая белая собака, должно быть, оленегонная, какой пользовались ещё лет пятнадцать назад пастухи, когда нужно было завернуть стадо в нужное направление движения, пригнать отколовшихся оленей и, если нужно, отпугивать голодных волков зимой, бурых медведей, лисиц и росомах, и даже ворон и сорок в другое время года, особенно в отёл. «Сегодня оленей осталось в количестве одного небольшого стада, а может, двух», – подумал пришелец. Он точно не знал, сколько стад и оленей теперь в хозяйстве, поскольку, как и Туркеу, давно не пасёт оленей.

Таинват и оба подростка, лет 14–15, с рюкзаками за плечами, подошли к Туркеу и собачке, обитателям этого места, называемого кочевниками Ратон. Что означает это слово, наверное, сегодня никто не знает, даже Туркеу и Таинват,

не один раз бывавшие здесь.

Таинват и сопровождающие его парни, снявшие с плеч рюкзаки, как и Таинват, молчали в ожидании приветствия, которое должен произнести первым Туркеу, и оно прозвучало незадолго:

– Еттык?! – Вы пришли?! – обнимая Таинвата, взволнованно произнёс Туркеу:

– Ии. – Да, – ответил за всех Таинват.

Освободившись от объятий, Туркеу перевёл свой взгляд на юношей и спросил:

– Кто они?

– Слева – это мой внук Саша, а второй – Максим, его друг. Он попросился с нами навесить тебя, чтобы, как сказал, не скучно было мне и Саше, – радуясь встрече, ответил Таинват и, посмотрев на ребят, по-русски произнёс:

– Знакомьтесь, это Туркеу, мой двоюродный брат, когда-то мы вместе пасли в этих краях сначала колхозные, потом и совхозные стада, после ещё и фермерские.

Саша и Максим, первый раз увидев соплеменника вдали от поселения, молча посмотрели на Туркеу, после осторожно подошли к нему. Саша тихо произнёс:

– Здравствуйте, дядя Туркеу.

– Я рад, что и вы, молодые люди, посетили меня вдали от селения, где наверняка учитеесь, – ответил тот на чистейшем русском языке, без акцента. – Пойдёмте во-о-он на ту чернеющую возле берега реки Ватыркаваам, мою обитель, где я живу с верными друзьями-собаками уже лет пятнадцать.

И он начал спускаться с перевала.

Таинват и подростки вновь взяли за ляжки довольно увесистых рюкзаков, перекинули их на спину и начали спуск за Туркеу на ровное поле, заросшее не очень густым кустарником. Спустившись, они увидели сероватую, едва заметную тропинку, куда уже ступила нога Туркеу. Трое путешественников последовали за ним, догадавшись, что теперь им шагать километра полтора-два по этой протоптанной чело-

веком дорожке, которая ведёт на то место, куда указал Туркеу. Он сам неспешно шёл впереди на правах хозяина этих мест.

Примерно на полпути к землянке Туркеу остановился и, указывая рукой на большой камень, лежащий в пятнадцати шагах от них, произнёс:

– Пойдёмте к нему.

Туркеу сказал не к камню, а именно к «нему», будто к живому человеку. Туда вела небольшая тропинка. Он был почти круглый, гладкий, будто кем-то тщательно отполированный, часть его «ушла» в землю.

«Камень, наверно, очень и очень глубокой старины... и сколько же поколений людей с задумчивой нежностью трогало его, неведомо никому», – подходя к камню, подумал Таинват.

Туркеу достал из кармана своей выцветшей и поношенной куртки небольшой свёрток и раскрыл его – там лежали аккуратно нарезанные кусочки юколы – вяленой рыбы. Взяв еду, положил её у основания камня, после раскрыл ладони обеих рук и приложил их на гладкую поверхность камня, отчего тот, должно быть, стал ещё более гладким и блестящим. При этом ненадолго закрыл глаза и, кажется, призадумался. Но только на мгновение, так что этого не заметили шедшие с ним. Между тем Таинват снял свой рюкзак и вытащил оттуда несколько кусочков сухариков и положил их там же, у основания камня, также, вслух не проронив ни слова.

Ребята на всё это смотрели, вытаращив глаза, и тоже молчали, будто уже знали, что так надо. Туркеу выпрямился и двинулся на ту тропинку, что вела на берег, где стояла его землянка. За ним последовали Таинват и ребята. Долго не выдержав молчания, Саша обратился к впереди идущему дедушке:

– Дед, зачем мы остановились у камня и оставили там кусочки еды?

– Расскажу потом, – ответил тот. – Не суетись, сначала нам надо дойти до жилища.

Между тем, путники уже приблизились к базе Туркеу. Собаки, их было шесть, при приближении людей не залаяли, как это часто делают другие четвероногие.

Эти, казалось, уже знали, что их хозяин привёл не незнакомцев, а своих друзей. Но один пёс всё же вроде бы растерялся, сначала пытался скулить, потом, увидев, что весь двор молчит, виновато опустил голову, при этом завивлял своим пушистым хвостом, как бы прося извинения у людей и своих сородичей.

Крепкая деревянная дверь жилища не была закрыта, наоборот, была распахнута настежь в этот погожий августовский день. Приземистая, довольно вместительная землянка снаружи была хорошо покрыта дёрном, а сверху ещё и

брезентом. В одном месте из крыши торчала железная нетолстая труба. Войдя в дом, пришельцы увидели правее двери печь-буржуйку, на которой стояли чайник и небольшая кастрюля, возле печи на полу была ещё одна, тоже эмалированная, но большего размера – должно быть, для приготовления в ней похлёбки верным друзьям, как любовно назвал собак Туркеу. Тут же, у печки, аккуратно были сложены поленья из сухостоя – берег реки зарос и ольхой, и кустарником – этого добра хватает на весь круглый год, пусть даже зима. Как сказал один поэт, «Колыма – чудная планета: двенадцать месяцев зима, остальное – лето». Здесь, конечно, не Колыма, подумал Таинват, однако зима такая же суровая, а лето очень короткое, но очень обильно всякой живностью. Жить можно. Если, конечно, захочется...

Туркеу и Таинват могут, а вот молодые...

Между тем Туркеу уже растопил печь, и когда вскипела в чайнике вода, заварил чай. У хозяйина нашлись и небольшой столик, и эмалированная посуда, и алюминиевые ложки. В мисках лежали кусочки сваренного, видимо, утром свежего хариуса.

После перекуса подростки вышли на улицу, взрослые же остались внутри.

– Ельой – двоюродный брат, рассказывай, – тут, наконец-то, с интересом обратился к Таинвату Туркеу, можно сказать, «отшельник» Ратона, как кто-то из земляков однажды шутя назвал его. – Как там моя старушка?

– Твоя Котыт здорова, да вот прислала тебе чай, сейчас вытащу из рюкзака, – произнёс Таинват.

Он высыпал на оленью шкуру, постеленную на пол землянки, всё, что было в рюкзаке своём и ребят. Тут были и сухари, и консервы, и куриные супы в пакетах, и пластиковые стаканы, такие же ложечки, чай, мазь от комаров и мошки, от которой нужно спастись в августовские дни и ночи в тундре, также удочки и свечки, спички, консервы борща и риса...

«Как же без них современным молодым соплеменникам?!» – увидев дорожную снедь и незаметно покачав седой головой, рассудил Туркеу и почему-то улыбнулся. Может, потому что он лет пятнадцать назад, на первое время запасся похуже едой и всякой утварью, когда только начинал здесь жить. Но Туркеу оказался на Ратоне уже взрослым и быстро привык к жизни оседлого чукчи.

– Вот тебе от меня и сестры немного муки, будешь печь хлеб тундровой, свой, Ратонский.

– Да, да, будет свой Ратонский хлеб, – обрадовался передаче Туркеу, но тут же, видимо, вспомнив свою дорогую спутницу, грустно продолжил. – А помнишь, как мы с тобой здесь, в этой же землянке, в прошлом

веке два дня пурговали, обратно в стадо не возвращались?

– Это было будто вчера, хорошо помню, – ответил двоюродный брат.

– Тут жил тоже наш родственник Лёня Лейвин, который и построил эту землянку, – вспоминал Туркеу, – Когда я пришёл сюда, пришлось много потрудиться, жилище находилось не в лучшем виде, в окрестностях никого не было: ни собак, ни склада. Псарню за прошедшие годы я построил сам. Также бывший небольшой склад отремонтировал. Мне очень помогли земляки-оленоводы, гнавшие стада оленей на летовку. Они, прежде чем переправить на правый берег реки своих оленей и уйти на месяц к берегам Берингова моря, в район Апуки, сначала помогали ремонтировать мои дома. Хорошо помогли мне, двое из пастухов, даже в одно лето задержались на целый день, потом, когда вернулись с летовочного маршрута, рассказали, что они быстро догнали своё стадо.

– Какие молодцы, – не удержался Таинват, выслушав рассказ двоюродного брата.

Тем временем в жильё зашли Саша и Максим, довольные после получасовой прогулки по окрестностям. Саша спросил у Туркеу:

– Дядя, а что за деревья, такие большие, растут недалеко от дома?

– Это тополя, по-чукотски «тэзлет».

– Клёво! – воскликнул Максим и добавил: – Правда, Саша?

– Да, очень красиво здесь, – живо ответил тот.

– Ещё и не такое удивительное здесь увидите, когда походим поблизости, – произнёс Туркеу, после спросил: – А вы разве не знали, что у нас кое-где есть тополя? Можно увидеть и берёзу, и лиственницу, вам об этом рассказывали в школе?

– Нет, и зачем?! – ответил внук Таинвата Саша, – Но мы с Максимом знаем только то, что растут у нас кедр и ольха, да и зачем знать всё вокруг, если это нам в жизни не понадобится, мы ведь не оленные люди, не тундровики.

Туркеу удивлённо посмотрел на ребят, но ничего в ответ не сказал, только чуть почесал седую голову и сделал глубокий вздох, потом выдох, как бы от усталости, но на самом деле от досады, одновременно подумав: «Молодой, а как складно говорит», после произнёс:

– Отдохните с дороги, а завтра покажу вам, где я во время путины не полностью загораживаю реку специально для этого закреплёнными друг к другу прутьями, ставлю в одном месте рыболовную морду, в которую, плывя против течения, попадают нерка, голец, горбуша, хариус, которыми питаюсь я и мои друзья-собаки.

2. К*элюк*-ым мин*кри?! – А как по-другому?!

Туркеу и Таинват, шедшие впереди, уже были на берегу, когда долговязый Саша, одетый в пёстрые зеленовато-серые брюки и короткие резиновые сапоги, не увидев рядом Максима, прикрикнул:

– Макс, не отставай, старики вон уже стоят у самого берега, в руках держат по ольховому дереву и, кажется, ножами очищают их от веток, – он ещё раз оглянулся назад, и снова: – Не отставай, ско...

Тут он осёкся, чётко различив, что к нему медленно, спокойным шагом приближается какая-то на четырёх ногах масса чёрно-бурого цвета, но никак не Максим. Стоял и смотрел на это чудовище...

«Так, это же, это же... медведь... медведь...», – наконец понял он, и его шоколадного цвета лицо моментально стало чуть ли не бледно-белым, но он остался стоять на месте, с открытым ртом, будто парализованный...

Некоторое время он находился в оцепенении и смотрел на зверя, который, крутя головой туда-сюда, принюхивался и, может быть, почувствовал поблизости запах до сих пор незнакомого ему человека. Шёл косолапый медленно, прямо на Сашу.

– Что ты кричишь?! – в этот момент Саша услышал голос Максима совсем рядом, доносившийся из кустов красной смородины. Оказывается, он, присев на корточки, собирал в свою кепку с пришитым к ней накомарником ягоду. Увидев Максима, Саша очень тихо произнёс:

– Молчи – медведь нас видит.

– Не прикалывайся, Саня, какой медведь может быть здесь?

– А я говорю, рядом с нами живой медведь, настоящий и приказываю – беги скорее отсюда!

– Зачем? Тут много ягоды, – всё ещё думая, что Саша шутит, продолжал собирать смородину Максим.

– Во-он, смотри, в тридцати шагах он встал! – не выдержав напряжения, уже громко крикнул Саша, – Видишь?

– Кого? – наконец поднялся с колен Максим, а увидев того самого, только и смог произнести: – А-аа...

И в следующее мгновение он уже бежал во всю прыть, цепляясь раздувшимися от быстрого бега защитного цвета штанами кое-где за острые маленькие кусты, к берегу, в ту сторону, где копошились старики Туркеу и Таинват. Он, однако, умудрился на ходу уже совсем беспокойным голосом крикнуть Саше:

– И ты, ты беги! Беги же, иначе...

Саша всё ещё стоял на том самом месте, откуда увидел мишку и едва ли мог слышать истошный крик друга, который был уже далеко от него. Но, слава Богу (а может, духам?), наконец, и он рванулся в сторону людей и вскоре оказался вблизи спасительного берега. А приблизившись к взрослым, услышал голос Туркеу:

– Чего бежите, решили здесь сдавать нормы ГТО? В школе, что ли, не хватило времени, чтобы заниматься кроссом в кустах?

Но ребята на этот ироничный вопрос ничего не ответили. Тяжело дыша, остановившись у самой кромки воды готовые в любой момент кинуться в реку и переплыть её на противоположный берег, подальше от грозного, как им казалось, медведя – благо, научились плавать в Анадыре во время предыдущих летних каникул, когда проводили их у знакомых в Анадыре, как большинство молодых современных аборигенов.

А взрослые тем временем между собой вели неспешный разговор, иногда негромко смеялись, видимо, рассказывая друг другу на чукотском языке какой-нибудь смешной случай или анекдот, который, кстати, очень любят слушать они даже о себе. И продолжали, как ни в чём не бывало, привычными ловкими движениями загорелых, жилистых рук готовить рыболовные принадлежности.

– Там... там... готовился и почти напал на нас медведь, – наконец выпалил Максим, – Хорошо, что Саша вовремя заметил его в тех кустах, где прятался.

– Мы очень испугались и побежали, – добавил Саша. – Страшный такой, чёрно-бурый и очень большой! Как тот камень, где мы останавливались, когда шли с перевала.

Туркеу и Таинват переглянулись между собой, оставаясь после рассказа ребят совершенно спокойными, будто и ничего не слышали. «Им не страшно? Ну, конечно, были бы на нашем месте, тогда им тоже было бы страшно...» – про себя подумал Саша.

– И где сейчас он, ваш медведь? Где? Чего-то не видно его, – так же спокойно сказал Туркеу.

– Где, где, – всё ещё находясь в возбуждённом состоянии, ответил за двоих Максим, – Наверное, увидев вас, повернул назад: всё-таки вы – это вы, сильные, смелые, а увидев прикрепленные к поясам ваши ножи, не стал гнаться за нами. Вот и всё, и убежал косолапый.

– Вот, вот, – серьёзно произнёс Туркеу, как бы соглашаясь с ребятами. – Такое бывает.

– Что бывает? – не унимался Максим.

– Всякое, и то, что мой мишка сначала принюхивался, ища меня, где я нахожусь, а когда понял, что я не один, а с друзьями, он ушёл

своей дорогой дальше кормиться ягодой. В рыбную пору, когда у него не ловится, приходит сюда ко мне – узнать, поймал ли я еду и для него.

Ребята ничего не сказали, лишь с удивлением посмотрели друг на друга и на не совсем понятного им в этот момент Туркеу, назвавшего медведя своим знакомым, почти другом. «Разве такое бывает? – подумал Саша. – Не может быть, потому что просто не может быть, чтобы человек и дикий зверь дружили».

На этом краткий обзор только что случившегося, вернее, не случившегося, можно сказать, закончился, оставив, однако, ребят в полном недоумении: почему мишка стал почти другом Туркеу, как сказал он? И они попросили его рассказать об этом. Не долго думая, Туркеу начал рассказ, которому можно действительно удивиться и удивляться.

– Лет восемь назад или чуть больше, на этом же берегу, однажды в рыбную пору я увидел лежащего неподвижно на гальке медвежонок, – начал Туркеу. – Я сначала подумал, что он мёртв, однако очень осторожно я подошёл к зверю, надел, на всякий случай, летние рукавицы – вдруг зверь начнёт кусаться. После, также очень осторожно, приподнял его голову. Тут он широко открыл свои небольшие глаза и стал принюхиваться. Я держал его голову подальше от своего лица на вытянутой левой руке. Он попытался встать, но не смог, лишь издал то ли мычание, то ли стон, похожий на человеческий. Передние его ноги упёрлись в гальку, но вот задние... Потратив, кажется, все силы, он беспомощно рухнул опять на бок. Тут я крепко призадумался – что делать с ним? Я сидел рядом. Прошло, не знаю, сколько времени, и я осмелился тронуть зверька за его задние ноги, а они, боже мой, оказались сильно вывихнутыми. «Вот в чём дело», – подумал я и опрометью, ни о чём не думая, побежал по тропинке, ведущей к землянке, где находились бинты, йод, жгут. Уже через пять минут вернулся запыхавшийся к пострадавшему малышу-медвежонку и начал действовать, как заправский медбрат. Чтобы зверь не попытался рыпаться, Хомо Сапиенс, то есть я, прижал его голову в области шеи левой ногой, а передние ножки связал жгутом, после чего продолжил заниматься больным. Я, как мог, дёрнул за одну медвежью ногу, потом за другую, примерно так, как делают врачи-травматологи, после забинтовал их почему-то вместе. Сделав всё это, я поднял медвежонок и на руках перетащил его в охотничью избушку, которая находится, видите, в нижнем течении реки, в километре от землянки. Там я постелил прямо на сырой деревянный пол много веток ольхи и положил на них несчастного. После этого снова побежал в сто-

рону землянки, откуда через час принёс миску, сходил на берег и зачерпнул в неё из реки воды. Отнёс в избушку и положил возле медвежонка. Освободил пасть от бинтов и оставил бедного Мишку. Каждый день я приходил к нему, пока тот самостоятельно не встал на ноги. Вот так и вылезлся он.

В конце рассказа Туркеу добавил:

– җэлюкыммиңкри?! – А как по-другому?! По-другому не получилось бы, иначе он бы умер.

Сказав это, Туркеу повернулся к ребятам:

– А сегодня вы, ребята, видели того самого зверя, уже большого, ещё одного моего друга здешних мест – того самого медвежонка. Других сородичей в эти места он не подпускает, зная, что я живу рядом со своими собаками, которые, как вы увидели, просто так не лают, ни на людей, разговаривающих со мной, ни на моего мишку-друга, если видят его. Он и вас бы не тронул: он каким-то чутьём понял, что вы мои не только хорошие гости, но и родственники.

– Такие умные! – восторженно произнёс Максим.

– Вот, вот, – подтверждая его слова, сказал Туркеу, хотя сам пока до сих пор с той поры не совсем понял, почему зверь так привязался к человеку, двуногому существу. Туркеу все эти годы думал про себя, может быть, в тот момент и после к человеку вернулось ещё одно какое-то бывалое чувство, когда-то принадлежащее и далёкому предку Туркеу, понятное и людям, и зверям.

Мысли Туркеу неожиданно прервал философ Таинват, сказавший не то ему, не то себе:

– Хомо Сапиенсу, то есть всем нам, наверное, следует иногда призадуматься над тем, кто и что в действительности окружает нас: только ли друзья или враги, как привыкли мы слишком просто думать с давних пор о многих вещах в этом мире.

– Верно, – поддержал его Туркеу, – но пора начинать рыбу ловить.

Тут же он, взяв свой вещмешок, достал оттуда оленью колбасу – рорат, употребляемую в особых случаях, по крайней мере, в прошлые времена.

«Верно, один из родственников-кочевников оленьего стада, пасущегося в этих местах, привёз это лакомство Туркеу, – подумал Таинват и приготовился молча ждать действий брата, проработавшего несколько десятилетий пастухом. – Он-то знает, что делать сейчас – ловить рыбу».

Таинват заметил, как в этот момент худощавое, бронзовое от загара лицо с мелкими морщинами Туркеу стало почти юношеским, красивым от прекрасных мыслей – наверное, от того,

что к нему будто вернулись годы молодости, когда он был сильным и неплохим бегуном, каким подобает быть оленному человеку. Он посмотрел на правый берег большой реки, где вдаль виднелась знакомая с детства высокая сопка с ровной, как поле, вершиной, немного похожая на Ключевскую сопку или японскую Фудзияму. В молодости он слышал от стариков, что в этих местах несколько столетий назад убивали друг друга здешние люди и пришлые то ли с Корякии, то ли с Колымы, где также пасли оленей такие же кочевники, как Туркеу и Таинват.

Между тем Туркеу подошёл к воде и положил оленью колбасу на гальку, достал из ножен нож с рукояткой из рога оленя, вонзил его в рорат, как бы в оленя. После, держа рорат, подошёл к товарищам. Положил его на разложенную материю и разрезал на кусочки, как обычную колбасу. Взял один кусок и начал жевать, за ним последовал Таинват.

– И мы тоже? – спросил его внук Саша.

– А как же! – ответил дед.

Саша взял ломтик и осторожно просунул его в рот, пожевал и вскоре проглотил его. То же самое сделал Максим. Ребятам рорат вроде бы понравился – вкус оленины они знают, иногда подавали в обед в столовой интерната.

После ритуальной еды разговор продолжился.

– А вообще не стоило вам, Саша и Максим, устраивать бега тут, причём в кустистом месте, – неожиданно повернулся к ним Таинват, – На человека медведь в это время не нападает, старается обходить людей стороной, ведь полно вокруг ягоды, и рыбы, всем хватает.

– А что медведь умеет рыбачить, у него же нет удочки, ставной сетки? – удивляясь услышанному, спросил Максим.

– Он и без удочки и сетки лучше нас рыбачит, – ответил за брата Туркеу.

– Как? – теперь удивился Саша.

– Сядет возле берега и ждёт момента, когда возле него проплывёт рыба, и...

– Что и?

– Загребает её лапами с острыми когтями и – в пасть, вот и всё!

– Надо же! – очень удивился Саша, – Вот бы увидеть, как он ловит рыбу, – забыв о том, что всего полчаса назад и они с Максимом могли попасть в эти острые медвежьи лапы...

– Лучше не надо, – очень серьёзно посоветовал внуку дед. – А то будете мешать ему ловить рыбу, он тоже хозяин этих мест.

– Разве? А дедушка Туркеу – он что, не хозяин Ратона?

– Хозяин, оба они хозяева этих мест, давно договорились мишка и Туркеу между собой жить рядом и не мешать друг другу.

Подростки, приняв всё сказанное, как говорят, за чистую монету, весьма удивлённо посмотрели на Туркеу, а спустя минуту Саша осмелился спросить взрослых:

– А как мишка договаривался с тобой, дядя Туркеу, не зная человеческого языка? – пристально посмотрев на старика, добавил юноша. – Может, научите нас этому, чтобы мы при следующей встрече с ним не убежали, а тоже договаривались, как жить мирно, а?

– Этому невозможно научить, каждый человек, живущий в этих краях, сам должен договариваться не с ним конкретно, а с духами.

– С какими ещё духами? – ещё более удивился юноша, вытаращив коричневого цвета глаза, не маленькие, но и не сильно большие, как у многих нынешних аборигенов.

– С самыми настоящими духами, – ответил за Туркеу дед Таинват.

– А они где, эти духи? – не унимался с расспросами молодой абориген.

– Их не видно и не увидишь никогда, – ответил дед. – Потому что живут они на небесах, лишь ночью, когда мы спим и, когда им очень нужно, могут спуститься на землю.

– Ага-а, тогда мы с Сашей однажды не поспим, а притаимся ночью возле тополей и кустов, чтобы увидеть их, этих духов, можно? – после недолгого молчания спросил Максим.

– Если даже и притаитесь где-нибудь поблизости, всё равно духов вы не увидите, – убедительно произнёс Туркеу. – Они умеют быть невидимыми и бесшумными, и ещё какими-то.

– Жаль, очень жаль, – ничего не понимая, только и смог сказать Максим.

– Не расстраивайтесь, дети, – успокаивая собеседников произнёс Туркеу. – Вы сегодня вместе с нами, не видя их, уже договорились, задобрив их у Большого камня и тут у реки, оставив им кусочки рыбы и колбасы.

– И так каждый раз, проходя мимо Большого камня или приходя сюда ловить рыбу, угощать так называемых невидимых духов? – спросил Максим.

– Не всегда, только после долгой разлуки, если вновь побываете здесь или первый раз пришли сюда.

Ребята молчали. Потом Максим, уже закидывая удилице с леской в реку, как делали остальные, вдруг произнёс:

– Когда я был в этом году в конце мая в Анадыре, у Детского дворца на улице взрослые и дети тоже задабривали, наверное, духов. Шёл весенний праздник Кильвей.

– Каким же образом вы задабривали духов? – теперь настала очередь удивляться Туркеу, никогда не бывавший в Анадыре, но слышавший, что у тавайваамцев, живших рядом с городом, ещё в конце 90-х годов прошлого столетия,

не стало ни одного оленя, и проводить без этих животных Кильвей просто не принято, и это не укладывалось в голове бывалого кочевника.

– Не мы, а ведущие того мероприятия, – ответил Максим. – Они вынесли на улицу в полдень рога оленьи, совсем белые, и положили их, штук 5–8, на асфальт, после, на неглубокой деревяшке разожгли огонь и начали говорить какие-то слова и смотрели в небо.

– Все участники Кильвея это делали? – спросил Туркеу.

– Нет, только две пожилые северянки, – пояснил Максим, – После начали танцевать, петь и давай ням-ням, то есть – есть.

– Оленину с маслом, как положено?

– Да нет, просто лепёшки и пили чай, – продолжил отвечать Максим. – Между прочим, возле Дворца поставили чукотскую ярангу.

– Зачем?

– Взрослые объяснили нам, чтобы мы почувствовали себя оленными людьми.

– Ну и как, почувствовал ты, Максим, себя оленным человеком?

– Не почувствовал, – откровенно ответил юноша, – Ведь я до сих пор оленей не видел, их у тавайваамцев, в прессе их называют «тайванцами», давно нет, но, может быть, кто-то и почувствовал себя кочевником после обряда, а я, честно, нет.

«Да-а, времена, – подумал Туркеу. – Я и сам знаю, что у тавайваамцев и анадырцев давно улетучились и личные, и общественные стада оленей. Однако, грешно – проводить Кильвэй, не имея их, очень грешно...»

Спустя несколько секунд ни с того ни с сего он спросил у рядом стоящего с удилицем Таинвата:

– А помнишь, лет двадцать назад, когда мы гнали с моря стадо и возвращались на летнюю стоянку бригады, которая, кстати, находилась именно здесь, на одной остановке по маршруту в речке, название не помню, мы также самодельным удилицем ловили гольца в речке. Только закидывали удочки – тут же сотни рыбёшек, с чёрными спинками, маленькие, такие аккуратненькие речные гольцы, проглатывали наши удочки. Всего за две минуты добыли всем пастухам шикарный обед и даже с собой прихватили. Помнишь?

– Помню, так много рыбы было в речке, не то, что сейчас, вот стоим уже полчаса, и нет клёва ни у кого, – ответил Таинват, – Может, потому что у нас удочки не из серебра, какая была у тебя, сделанная из той серебряной медали ВДНХ, которой тебя наградили в Москве?

– Очень может быть, – ответил с какой-то грустью в голосе Туркеу. – Потом многие последовали твоему примеру – из медалей, не только ВДНХ, но и государственных, стали делать удоч-

ки. Такое разве забудешь, ведь наверняка только мы додумались до этого – из медали делать удочки...

Такое, внезапно изменившееся настроение стариков, ставших немного грустными, будто откуда-то выскользнувшее наружу, заметил Саша, тут же подумавший: «Почему деду стало не по себе, когда он вспомнил то далёкое время, когда он и Туркеу были молодыми? Трудно понять стариков, о чём они думают, что у них в голове?».

Примерно ещё в течение часа они рыбачили, поймав за это время три хариуса, свернули удочки и двинулись домой. По дороге к землянке собрали сухостой. У открытой настезь псарни их молча встретили собаки. Это были настоящие чукотские собаки, Ратонские что ли, пушистые, чистые, добрые...

Уже укладываясь ко сну и раскладывая прошедший день в уме, Туркеу спросил у брата:

– Надеюсь, в ваше село не заходят мишки?

– Почему же не заходят, очень даже заходят, – ответил лёгший рядом в спортивных брюках на меховую оленью постель Таинват. – В прошлом году в разгар ловли лосося, однажды в туман аж шесть медведей одновременно свободно прогуливались по селу в поиске брошенной рыбы в большую помойную железную тару, находящуюся недалеко от домов. Увидев незваных гостей, люди позакрывали двери. Был случай, когда однажды днём на рыбалке, находясь в балке, одна землячка-рыбачка, услышала, что кто-то рвётся вовнутрь, молча, невнятно бормоча под нос. Хозяйка решила посмотреть в окошко и – ужас! – увидела косолапого, пытавшегося открыть дверь, толкая её во внутрь. Как рассказывала хозяйка барака, она вспомнила наставления стариков, в таких случаях не суетиться, не растеряться, а действовать. Но как? Хорошо, что в этот момент к ней пришло какое-то озарение! Взяла она ветошь и метлу, быстро обмотала ветошью метлу, сделанную ею самой из веток кустарника, облила керосином, после тихонько подошла к двери, чуточку приоткрыла её, держа перед собой факел. Медведь тем временем, пригнувшись к горелому, всё ещё рвался открыть дверь, которая, к счастью, открывалась наружу, а косолапый-то давил лапами вовнутрь. Вот это, наверное, спасло отважную рыбачку. Кроме того, хозяйка барака, шире открыв наружу дверь, горевшей ветошью ткнула прямо в морду зверя. Незванный гость громко и злобно заревел от такого внезапного и бесстрашного ответа человека и, отойдя от двери, начал уходить подальше от огня, человека и домика...

Медведь пришёл в этот частный домик, в надежде поживиться юколой, которой пахло изнутри.

– Сами виноваты мы в том, что нас часто навещают бурые медведи, словно какие-то туристы, которые свободно разгуливают по улице, рассматривая достопримечательности села, – уже засыпая, поворчал Таинват.

3. Какой сильный телёнок!

Проснувшись утром, Саша и Максим не увидели в землянке взрослых. Те не стали будить рано ребят, помня, что вчера они устали в первый день пребывания на Ратоне, не привыкшие ходить по кустам и кочкам тундры.

Туркеу и Таинват после завтрака вышли на улицу, оставив в двух мисках по несколько кусков варёного хариуса, пойманного вчера. На столике также были сухари и открытая банка сливочного масла, которую теперь получают в таком виде военные. Таинват брал с собой масло, отправляясь на Ратон, зная, что и без этого продукта нынешним аборигенам чего-то будет не хватать для полноценного чаепития даже в тундре.

Примерно через час с рюкзаками за плечами все четверо и собака, та самая, которая вчера встречала гостей, были на том самом перевале, где Туркеу встречал пешеходов. Сегодня люди решили провести день за сбором кореньев, а если созрели кедровые орехи, то и их тоже. Но к этому дню орехи были ещё зеленоватого цвета, значит, ещё не совсем созрели, чтобы их срывать с веток кедра, чем, собственно, и должны были заняться в новый день Саша и Максим. Не собрав ничего, подростки присоединились к взрослым. Туркеу и Таинват какими-то орудиями, похожими на серп, копали землю, выдёргивали по начертанному кругу дёрн, под которым змеились какие-то коренья, золотистого цвета. Один из кореньев выдернул Туркеу и, почистив его рукой от почвы, положил в рюкзак. Подойдя к нему, Саша спросил:

– Что это, какие-то коренья, для чего?

– Да, эти коренья сладковатые на вкус, сочные, суповая приправа, – охотно разъяснил Туркеу.

– Сегодня будем есть такой суп, с кореньями и листьями?

– Может быть, но без листьев, только с кореньями, – ответил кочевник. – Раньше мы эти коренья добавляли только в кровяной суп, но раз нет оленьей крови, то можем их добавить в обыкновенный ваш туристический паёк – вермишелевый, думаю, и это тоже будет клёво, а? – Туркеу, хитровато прищурился тёмными глазами, посмотрел на ребят, довольный тем, что и он произнёс новое для него слово, услышанное от ребят.

Он как бы спрашивал у молодых соплеменни-

ков, согласны ли они с ним, и одновременно как бы советовался с ними, чтобы те почувствовали, что они такие же участники всего происходящего в эти минуты. Хотя, конечно, ребята произносят это слово с каким-то удовольствием и оттенком – видимо, заменяя многие привычные русские слова новым и, естественно, чукотские тоже. Это хорошо поняли взрослые. В ожидании ответа, который в этом случае был не обязательным, Туркеу, как всегда произнёс:

– ҕэлюҕыммиҕкри? – А что делать?

Надо сказать, что в отличие от ребят Таинват и Туркеу прекрасно знают оба языка – чукотский и русский: один – родной с детства, другой... Оба они в советский период закончили институты, первый – педагогический, второй – ветеринарный. Кроме знаний своих специальностей, они, между прочим, отлично проштудировали историю страны, краеведение, много занимались самообразованием после вузов, ведь в их время не было интернета и, может, того, что сегодня преподают в образовательных учреждениях. Так что и в этом случае Туркеу и Таинват откровенно могут сказать молодым: «А что делать?!»

– Наверное, точно будет клёво, – улыбаясь, произнёс внук Таинвата. – Обязательно как-нибудь, когда появится оленья кровь, надо попробовать чукотский кровяной суп с кореньями.

Перед тем, как двинуться в обратный путь, собиратели кореньев сели на сухую землю, просто немного отдохнуть, хотя дорога до землянки была не длинной, но всегда во все времена, отправляясь в путь, люди тундры также, как и, наверное, другие народы, перекручивали в уме предстоящую дорогу и как бы желали себе пройти её благополучно. Наверное, так. Перед ними, сидящими на перевале, открылась обширная панорама: долина реки Ватыркаваам, блестящей на солнце и уходящая куда-то вдаль на юго-восток, с густой растительностью у берегов. Неподалёку виднелось место под названием Талаяурен, с которого возвращаются во время летовки стада ваежских оленеводов. А на правом берегу виднелись высокие сопки, постепенно уходящие направо от Ратона, плавно переходя в равнинную местность у берега, где в одном из его озёр люди добывали похожую на селёдку рыбу. Правда это или нет, но, как сказали Туркеу и Таинват, они сами ловили ставной сетью в этом озере эту серебристую мелкую рыбу, когда гнали стада мимо этого небольшого озера с его протокой в сторону Берингова моря. На одной сопке на правом берегу хорошо виднелась другая, высокая. Августовское солнце хорошо освещало её, будто говоря людям, мол, обратите внимание на меня – здесь история ваших предков. Да, дей-

ствительно, рассказывали старики, лет триста назад предки назвали эту сопку Пойгыпэлян, что означает «Место, где оставили копья». Существует легенда, что на вершине этой сопки укрылись пришельцы с запада или с севера, которые решили напасть на здешних людей, чтобы отобрать у них стада оленей и женщин. Однако чукчи перехитрили их, поднявшись в зимнюю ночь на вершину, облили склоны сопки водой, моментально замёрзшей в жуткий мороз. После подкралась к яранге и перебили почти всех спящих пришельцев, а те, кто успел убежать, скатились вниз по ледяному склону, в спешке оставив всё своё снаряжение, включая копья и луки. Внизу их тоже отправили к верхним людям. Вот откуда название этой приметной сопки – Пойгыпэлян.

Таинват по привычке смотрел в бинокль на ту сопку и другие места, будто ища отколовшихся от основного стада оленей, как делал всегда, когда работал в колхозе, потом и в совхозе. Бинокль всегда выручал его – ему удавалось быстрее находить то, что нужно. Внуку захотелось также попользоваться этим дедовским биноклем, взятым ими в дорогу, и он спросил у деда:

– А мне можно посмотреть?

– Конечно, возьми, – передавая внуку бинокль, ответил Таинват.

Саша поднёс бинокль к глазам и начал смотреть на те места, куда только что направил окуляр дед Таинват. Спустя, наверное, минуту, Саша вдруг громче обычного произнёс:

– У-ух, а это что? На том правом берегу реки оно сначала превратилось в чёрную массу, после тихонько, медленно двинулось прямо в воду и вот уже извивается в воде, словно большой-большой червяк, направляясь на наш левый берег, туда, где вчера мы ловили рыбу, – увидев всё это, почти шептал он. – Что же это такое? Посмотри, дед, эта движущаяся масса уже там, на нашем берегу, – передавая бинокль Таинвату, всё более возбуждался Саша.

Таинват, взяв бинокль, всмотрелся туда, куда указывал внук.

– Так это же, это же оленья стадо! – восторженно воскликнул Таинват и быстро встал, сияющий, увидев сокровенное с детских лет, но давно оставленное им.

Услышав слова Таинвата, люди на перевале молча просили Таинвата тоже посмотреть на Шашиного «червяка» – каждый из них хотел первым увидеть оленей в бинокль. Все они, кто стоял в эти минуты на перевале, не двигались с места и поочерёдно брали в руки гитэнэн, то есть «прибор для смотря» по-чукотски. Убедившись, что это действительно оленья стадо переправляется на противоположный левый берег, они молча радовались, их загоре-

лые лица, выражали бесконечную радость и какое-то восхищение увиденным. В эти минуты их интересовало то, чьё это стадо, кто бригадир, и каждый из них вновь и вновь брал бинокль и всматривался в то место. Когда очередь дошла до Туркеу, он воскликнул:

– Так это же стадо Рольтынвата! Вижу его на противоположном берегу и кого-то ещё, их трое, они, кажется, надувают резиновую лодку, чтобы на ней вслед за стадом переправиться на этот берег.

– Зачем? – не поняв Туркеу, как ребёнок дошкольного возраста, спросил Максим.

– Как зачем? Там, где стадо, должен находиться и пастух, – стараясь быть корректным, разъяснил кочевник. – Теперь они после моря возвращаются на летнюю стоянку.

Между тем как раз в это время всё стадо переправилось, и олени, стряхивая энергичным движением всего тела с себя воду, начали один за другим ложиться прямо на гальку.

– Где их летняя стоянка? – спросил Таинват у брата.

– Далековато ещё, в районе Вилюнея – «Ушачьей сопки», – всё ещё радуясь неожиданному приходу стада с летнего маршрута, ответил Туркеу. – Они всегда в это время, в конце августа, проходят через Ратон и здесь останавливаются на несколько часов, и, после, перегнав стадо за этот перевал, уходят дальше, остальные двое пастухов ставят палатку здесь под перевалом и ночуют, утром, собрав снаряжение, идут дальше догонять своё стадо. И каждый год они забивают мне личного оленя. В их стаде, кстати, несколько таковых, – закончил длинную речь счастливый хозяин Ратона.

– Да-а, – удивился Максим. – Это же такое богатство – иметь своих оленей!

– Ельбой, двоюродный брат, может, пойдём навстречу стаду? – не обращая внимания на восторженные слова подростка, спросил Таинват.

– Да, да, навстречу, – поскольку взрослые говорили по-русски, поняв, о чём речь, подхватил намерение деда внук Саша.

– Не пойдём, здесь подождём стадо и переночуем сегодня с пастухами в их палатке, послушаем, как они провели летний выпас оленей в тех местах, где когда-то в молодости бывали мы с тобой, Таинват, – закончил Таинват.

– Здорово, увидим близко оленей! – радуясь внезапному решению взрослых, воскликнул Максим.

– На сто процентов с тобой согласен! – также восторженно произнёс его одноклассник, ожидая какое-то новое неизведанное ему чувство при виде живых оленей, но тут он неожиданно продолжил. – Только вот, я подумал, как собачки Туркеу на сутки одни останутся, что будут они есть и пить?

– Не заморачивайся, Саня, – успокаивая его, сказал Максим. – Не умрут собачки, я слышал, что они выносливее нас, людей, да и Туркеу знает, что делать – возможно, утром он своих четвероногих друзей основательно накормил, а уходя возле каждой из них поставил миску с водой – на тот случай, если мы долго будем отсутствовать.

– Может быть, – слушая рассуждения Максима, сказал Саша и добавил. – Какой ты, однако, рассудительный.

– Иначе и быть не может, – сияющий от неожиданной похвалы друга просто сказал Максим.

Между тем, в это время стадо, как сказал Туркеу, бригадира Рольтынвата, ещё лежало на галечном берегу.

– Давайте и мы поедим и чай попьём, – предложил Таинват. – Возьмите, Саша и Максим, из моего рюкзака две жестяные банки и принесите в них воду вон из той речки, текущей с перевала.

Пока ребята ходили за водой, Таинват разжёг небольшой костёр, срубил ольху, сделал из её веток своего рода таган, а когда вода появилась у ног взрослых, он повесил одну из банок с самодельной ручкой из проволоки на таган, вторую пока поставил возле огня.

Поев немного юколы, попили чай – взрослые без сахара, ребята с сахаром, купленным Таинватом в сельском магазине Ватыркана.

В это время, закончив жевать проглоченные листья, олени один за другим начали вставать и тихо, врассыпную, двинулись в сторону кустов. Вскоре животные оказались в пространстве между берегом и подножием перевала, где волнение и необычное состояние полностью овладело ожидающими взрослыми и подростками. С приближением к ним оленей люди ещё сильнее почувствовали момент предстоящей встречи. Встречи с той жизнью, которую когда-то вели Туркеу и Таинват на протяжении многих десятков лет. По мере приближения стада всё громче слышалось знакомое им с детства хорканье животных.

И вот стадо, направляемое двумя пастухами, остановилось и опять само легло в нескольких шагах от Ратонских «сидящих чукоч» в лице Туркеу, Таинвата, а также двух школьных друзей Саши и Максима, проводивших каникулы на этом месте. Постепенно хорканье оленей прекратилось, и пастухи, увидев горевший костёр, обходя стороной отдыхающее стадо, направились туда и вскоре оказались в крепких объятиях этой четвёрки соплеменников.

– Ако, каальатыльыт! – С летовки! – таким приветствием радостно встретили прибывших Туркеу и Таинват.

– И-и – Да, – ответили кочевники, при этом не

называя свои имена, поскольку Туркеу и Таинват давно знали их.

Ребята молча и неотрывно смотрели первый раз на живых оленей, лежащих на боку, но близко не подходили к ним. Внимание их было приковано к тому, как жуют животные с чёрной гладкой короткой шерстью. Это была настоящая идиллия для молодых людей, неожиданно увидевших такую картину. Поймав подходящий момент, самый беспокойный из них Саша тихо спросил у деда:

– Почему у одних оленей рога с шерстью, у других – без?

– У всех оленей скоро рога станут без шерсти, – ответил Таинват.

– Интересно очень, – просто сказал внук. – И куда эта шерсть, покрывающая рога, девается?

– Упадут на землю, выполнив своё предназначение, когда панты полностью станут твёрдыми, превратившись в настоящие костяные рога, после начнётся гон.

– Какой ещё гон?

– Во-он видите одного большого оленя с огромными рогами, уже чистыми от шерсти. Так вот, он всё время на ногах, ходит туда-сюда, беспокоя остальных, он ищет пару среди важенок, чтобы создать семью.

– Просто и ясно, – произнёс Максим.

– Вроде бы так, но не совсем, – сказал Таинват. – Долго рассказывать, как это происходит, что нужно для «свадьбы», чтобы она состоялась.

– Интересно, очень и очень, – произнёс Саша и перевёл своё внимание вновь на всё стадо, не удержался от следующего вопроса:

– А почему они всё время двигают челюстями, жуют что ли?

– Вот именно, олени жуют только что проглоченные ими по пути к нам листья кустарников, – продолжал урок Таинват, – Олень – жвачное животное, об этом вы должны знать из школьной программы.

– Да, вроде бы кто-то говорил, – произнёс внук. – И долго будут жевать?

– Минут 30–40, после опять пойдут щипать листья, полностью переварив предыдущую порцию, – ответил дед. – А сейчас, пока не встали и не ушли олени, пастухи заарканят одного из них.

– Зачем?

– Чтобы заколоть его.

– Для кого?

– Наверное, для Туркеу.

– О-о! – только и произнёс Максим.

Между тем, оленные люди быстро поймали крупного оленя, кастрированного, как определил Таинват, потому, что он шёл спокойно, не дёргался, как другие не объезженные. Пойманного кастрата пастухи повели чуть в

сторону от людей и стада, остановились напротив солнца. Один из пастухов с копьём встал в сторону светила. Постояв там меньше минуты, повернулся и подошёл к левому боку оленя. Направил остриё копья на левый бок, сделал резкое движение руки с копьём назад, и тут же – вперёд, целясь туда, где сердце, также мгновенно вонзил и выдернул копье, быстро и ловко, так, что это даже не заметили окружающие. Животное тут же упало на правый бок, бездыханное, большое. Оленный человек взял у Туркеу уже приготовленную кружку с водой и подошёл к туше, облил водой голову, рану и круп. Говорят, так «поят» оленя перед дальней его дорогой, то есть, как бы его не убивают, а провожают.

Подошли Туркеу и Таинват и, вытащив из ножен свои ножи, начали разделку туши. Без помощи женщин, поскольку сами мужчины очень хорошо знают, как это делается. Самое трудное в этом деле, как сказали взрослые ребятам, – снять шкуру с головы, особенно в том месте, где растут рога. Но и это привычно для Туркеу и Таинвата.

Вскоре те же два пастуха подвели к месту убоя пойманного арканом ещё одного оленя, небольшого, наверное, этого года рождения. Один из пастухов обратился к Саше и Максиму:

– Ребята, возьмитесь за аркан, не бойтесь, олень не забодает, ближе, ближе к нему и крепко держите животное, оно очень прыткое.

А сам он, уступив парням натянутый аркан и взявшись за левый острый рог оленя, правой рукой вытащил свой нож и молниеносным движением вонзил его прямо в сердце телёнка...

Ребята даже не заметили, как это сделал молодой кочевник, не намного старше Саши и Максима, поскольку они, держа оленя за аркан, только и наблюдали за тем, как животное упирается передними ногам об землю, пытаясь освободиться от пут.

После Рольтынват, именно он был бригадир, сказал:

– Вас теперь четверо, это хорошо.

Сказавший так Рольтынват пока не знал, что уже в конце августа трое из них уйдут опять в селение, где учатся ребята и где живёт оседлый дед Таинват. Но возражать против убоя второго оленя на мясо Туркеу не стал, иначе обидятся истинные кочевники. Так было всегда у людей, живущих рядом с кормящим их оленем.

Тем временем Туркеу и Таинват уже закончили разделку туши взрослого оленя и принялись за телёнка. Мясо, разрезанное на куски, они положили на брезент, рядом. Когда они разделяют телёнка, то перенесут свежую оленину к перевалу, к тому месту, где у его подножья сохранился глубокий многолетний снег, который Туркеу иногда, как сегодня, использует в

качестве холодильника. Люди закопали в этот снег свежее мясо, положили сверху ольховые ветки, на них – тот же брезент, а на него – увесистые камни.

После всех дел начали готовиться к праздничному ужину. Туркеу и Таинват освободили олени ноги от сухожилий и копыт, раздробили маленьким топориком кости и вытащили костный мозг. Взяли у пастухов кастрюлю и сварили свежую оленину. Тут же, на природе, расстелив брезент, поужинали. Взрослые с варёным мясом ели сырой костный мозг. Ребята они не заставляли его есть.

Так оленеводы, по сути, устроили осенний праздник на Ратоне, где в это время находились Таинват и ребята из берегового селения.

После все легли спать в палатке бригады, с ними сами пастухи – благо, она оказалась большой. Но перед отбоем Туркеу попросил ребят до темноты подежурить возле временного хранилища в снегу, куда было зарыто всё оставшееся мясо. Молодые люди охотно пошли туда, недалеко от палатки. Между тем, на этот мясной клад, откуда ни возьмись, прилетело с десятка сорок и ворон, быстро определивших, где он находится. Увидев их, Саша произнёс:

– Каким образом птицы узнали об этом? Может, одна из них, скажем, сорока, увидела, как только положили мы туда мясо, донесла об этом сородичам?

– Она, точно, ведь недаром же говорят, сорока принесла весть на хвосте – видишь, у неё он длинный.

– А вороны, видишь, как прыгают возле снега, постепенно приближаясь к мясу?

Покружившись на снегу возле плотно закрытого брезентом хранилища, птицы, должно быть, решают, что делать им – улетать ли и искать еду в другом месте, пусть даже дохлятину? Однако птицам, наверное, очень не хотелось куда-то лететь в поисках другого корма, но пришлось, ибо человек всё же оказался сильнее и практичнее пернатых птиц. Тут Туркеу позвал ребят:

– Хватит дежурить, идите в палатку.

Когда ребята пришли, взрослые уже лежали на телячьих шкурах, лёгких, хорошо выделанных. Туркеу и Таинват тихо разговаривали между собой. Увидев рядом с ними пастухов и кивнув головой в их сторону, Саша спросил:

– Рольтынват и Кытгаут?

– Нет, те ушли со стадом, им дежурить ночью, а эти, недавние дневные дежурные в стаде, уже уснули, устали.

Ребятам Таинват постелил рядом со взрослыми одну шкуру. Но молодёжь сразу не засыпала – впечатления от увиденного днём для ребят были сильными, необыкновенными – и всё

было первый раз. Саша, почувствовав, что дед ещё не уснул, спросил его:

– А за перевалом куда ночью погнали стадо?

Вместо Таинвата ответил Туркеу, тоже ещё не уснувший:

– В сторону Келинея, потом они пойдут на Вилюней, оттуда двинутся на Эркыпнай, где будут зимовать.

«Сколько названий местности – не запомнить», – услышав всё это, подумал Саша, засыпая рядом с другом.

4. Ольха и форели

Утро было тихим и тёплым, поднявшееся из-за сопки летнее солнце осветило и покрыло золотисто-малиновой краской всю окрестность Ратонской тундры. Ожидалось, что и нынче будет погожий день, и это ожидание передано людям, хорошо выспавшимся в просторной палатке и вышедшим из неё, чтобы вдохнуть в себя сладость и свежесть прекрасного начала наступившего дня... Однако пока разбирали палатку и укладывали пожитки, неожиданно подул не сильный, но ощутимый ветер откуда-то с восточной стороны долины Ратона, а вслед за ним с неба закапали крупные капли дождя. Хорошо, что всё успели упаковать, а если дождь продолжится, люди наверняка поднимутся на перевал и укроются там от него под крону ветвей кедра, как это не раз делали они, привыкшие к непостоянству северной погоды.

– У-ух, как льёт! – ёжась, произнёс Саша. – Наверное, на целый день, пока вся вода не стечёт с неба.

– Скоро перестанет лить, – успокоил юношу Туркеу. – Это так называемый гачайгын, по-русски означает «быстро проходящий». Видите, остальное небо абсолютно безоблачное. Значит, дождю быть недолго.

– Слава богу! – невольно вырвалось из уст Максима.

Между тем, два пастуха, взвалив на себя почти выцветшие походные рюкзаки, встали и собрались идти на перевал и дальше.

– Удачи вам, – проводили их Туркеу, Таинват, Саша и Максим.

Те молча двинулись к перевалу. Не быстро и не медленно, но размеренным шагом, присутствующим хождением-кочевникам. Шли не в шеренгу, а друг за другом. Вскоре они оказались на перевале, потом также быстро скрылись, оставив вчерашний день у Туркеу и его гостей. Те, между тем, вытащили из-под снега почти всё мясо и начали складывать его в рюкзаки. Осталось оленины ещё на один заход, чтобы её унести к землянке.

– Оставайтесь здесь, пока не придём за остальным мясом, – обратился Туркеу к молодым.

– А может, остаток мяса запишем в наши рюкзаки? – спросил Саша стариков.

Взрослые переглянулись между собой, Таинват произнёс:

– Можно и так сделать, но...

– Нельзя? – выпалил внук.

– Да нет, нести вам будет очень тяжело, тут килограммов сорок на вас двоих.

– Ну и что! – также настаивал Максим. – Унесём.

– Нет! – твёрдо сказал Туркеу. – Сидите и ждите здесь.

Он, да и Таинват, хорошо знали, что нетренированным подросткам, по сути, ещё почти мальчишкам, таскать на себе даже не очень тяжёлую ношу, сначала вроде бы будет легко, но потом после ста шагов станет тяжело.

Когда взрослые уже ушли с ношей на базу Туркеу, появились откуда-то сороки и вороны, сели на то место, где ночью хранилось мясо, вероятно, в надежде, что что-то оставили люди. Но, и это должны помнить даже птицы и звери, оленный человек никогда и ни при каких обстоятельствах не оставляет нужную в хозяйстве вещь и продукты просто так в тундре. «К*элюк*-ым мин*кри – А как по-другому?!» – невольно вспомнил любимое выражение Туркеу внук Таинвата Саша, сказавший Максиму:

– Часа через два, не меньше, они вернутся за остальной олениной, давай пока поднимемся на перевал, оттуда видно всё вокруг и наша кладовая с мясом тоже. Посмотрим, что находится за перевалом, ты не против?

– Давай.

Они также решили собрать кедровые орехи.

Наверное, уже созрели, – подумали ребята.

Не тут-то было – за сутки орешки только немного коричневее стали, а внутри под одной скорлупой, похожей на копытце лошади, почти ничего не изменилось: семена остались молочного цвета, мягкими, не сочными. Под каждой скорлупой два семени, ради которых приходят люди к кедрачу.

Орехи ещё не успели, – произнёс Максим и предложил. – Давай посмотрим, что находится внизу перевала.

И не ожидая ответа Саши, он шагнул по покатому склону перевала вниз, в широкую долину, за ним – друг, словно какая-то неведомая сила потянула их туда, в низину. Они не заметили, как далеко ушли от перевала, оказавшись на берегу небольшой речки, текущей куда-то дальше, туда, где виднелись синеватые сопки... В одном месте, на галечном берегу, Саша и Максим наткнулись на какие-то пожелтевшего цвета ростки. Кажется, дикого лука, подумали

«первооткрыватели» тундры. Саша вырвал один из них и попробовал на вкус:

– Точно, это лук, такой, какой выращивают в домашних условиях некоторые сельчане, – определил он. – Но уже почти увядший, попробуешь?

– Не-е, – ответил Максим. – Лучше, во-он посмотри, что-то виднеется там, где речка поворачивает в левую сторону, видишь?

– Вижу, вытянутое что-то вверх, кажется, дерево? – произнёс Саша и добавил, – Жаль, что у нас, как сказал Туркеу, нет гитэ... гитэ...

– Гитэнэн*, – досказал за Сашу Максим. – Нет прибора для видения, то есть бинокля. – А то бы, не сходя с места, прямо отсюда посмотрели на это одинокое чудо-дерево посреди большой долины.

И они пошли туда, а приблизившись, определили, что это – обыкновенная ольха, каким-то образом одиноко выросшая на берегу речки. Остановившись недалеко от дерева, ребята неожиданно почувствовали на себе влажный воздух, при этом они не заметили, как их моментально накрыла густая белая мгла...

Так они оказались в летнем тумане, неведь откуда взявшемся, накрывшем всё вокруг так, что теперь Саша и Максим не видели даже той ольхи, к которой они приблизились, хотя до неё было очень близко, оставалось пройти шагов около тридцати. Белая, молочная мгла поглотила всё вокруг...

– Туман, какой густой, просто туманище! – произнёс Саша, стоя на месте, у самой речки, не очень глубокой и прозрачной. Она текла медленно и не шумно, оставаясь спокойной и приятной к себе ребят своей необыкновенной чистотой.

Максим сделал несколько шагов вперёд, к тому месту, где вода показалась ему поглубже.

– Не отходи от меня! – остановил его Саша. – Лучше давай подумаем, как нам выбраться из этого места.

– Задача – в какую сторону идти в такой туман? – чуть раздражённое обычно произнёс Максим.

– Прежде всего, нам надо держаться вместе, – рассудил Саша. – Иначе...

– Иначе что? – Максим посмотрел на друга.

– Иначе потеряем друг друга, если двинемся с места туда, сами не зная куда, – спокойнее друга ответил Саша.

– Саня, подойти ко мне, посмотри, – указывая рукой чуть вперёд в воду, немного успокоившись, позвал Максим. – Видишь, в воде плавают рыбки длиной с мою ладонь, откуда они в такой маленькой речке? Видишь?

– Вижу, – обрадовавшись находке Максима, восторженно произнёс Саша, словно эти рыбёшки смогут спасти их, унести туда, где нет тумана.

Но тумана нет только в воде.

– Чёрные спинки у них, такие гладкие, – продолжая смотреть на рыбок, – произнёс Саша.

– Во, во, очень изящные, узнать бы, что за рыбки.

– Точно не хариусы, – рассудил Саша. – Те крупнее и с чешуёй, эти же гладкие, без чешуи, а как держатся в воде – грациозно, не суетятся.

– Спросим у Туркеу и Таинвата, когда вырвемся из этого туманного места, – опять немного загрустил Максим. – Жаль, что у нас нет удочек, а то бы наловили их, кушать хочется.

– Потерпим, – произнёс Саша, – Давай сядем возле берега, и не будем двигаться никуда, побережём силы – мы ведь не знаем, когда рассеется туман.

Ребята сели на травянистый невысокий берег речки и, как по команде, одновременно легли на сухую, пока ещё не пожелтевшую траву, и оба не заметили, как уснули, оказавшиеся одни на неведомом для них месте близ Ратона...

Сколько времени прошло, они не знали – у них не было ни ручных часов, ни, тем более, сотовых телефонов, и находились они вдали от цивилизованного села. Одному из них сквозь неглубокий сон показалось, что он услышал звук, похожий на свист. Когда же свист повторился несколько раз, Максим, а это именно он, разбудил Сашу и тихо, чуть обнадеживающе, произнёс:

– Свист, Саня, Саня, мне кажется, что я слышал свист, настоящий, не похожий на птичий или звериный..

– Да-а? Настоящий свист, не звериный, похожий на полицейский, точно?

– Но кто может свистеть тут, в тундре, не в городе?

– Помолчим, – просто рассудил Саша. – А когда повторится свист, крикнем, чтобы свистевший услышал нас, а может это...

– Что?

– Снежный человек, о котором давно пишут, но никто его никогда ещё не поймал.

– Да, да, лучше помолчим, – согласился Максим.

Так и сделали. А через, наверное, минуты три повторился тот же свист – резкий, похожий на полицейский, и он был ближе предыдущего.

– Не отвечай на свист, – произнёс Саша. – Я вот что подумал: вдруг это тэрыкы, то есть дикий человек, о котором писал в одном рассказе известный наш писатель, я читал как-то, этот дикарь, наверное, нашёл кем-то уроненный свисток и вот теперь без конца свистит полоумный от нечего делать.

– Умеет, однако, – только и смог сказать Максим, почти уверившись, что прав Саша – это тэрыкы Ратонский, отдельный экземпляр, видимо.

Между тем свист повторился, потом ещё раз, совсем близко от ребят, после послышался голос, настоящий голос настоящего человека:

– Э-эй, э-эй, где вы?

– Тут, тут мы! – обрадовавшись, громче обычного одновременно ответили ребята. – Э-эй, мы рядом!

Свист повторился, ещё раз, уже совсем близко, но из-за густого тумана, пока не было видно, кто же свистит и говорит – человек или же всё же тэрыкы, научившийся говорить притом порусски и свистеть? Поэтому ребят всё ещё немного трясло от неведомого.

– Где вы? – теперь ребята услышали чёткий человеческий голос, без как-либо акцента, и вновь свист, уже совсем близко.

– Тут мы, тут, – одновременно отозвались Саша и Максим и тут перед ними, словно из ничего, встали Туркеу и Таинват, которые молча и чуть не плача обняли и прижали к себе своих подопечных. Взрослые, также молча, протирая рукавом увлажнившиеся веки глаз, сели и облежённо вздохнули.

После такой молчаливой встречи спустя минуту Туркеу произнёс:

– Пошли.

Между тем туман начал рассеиваться и вскоре ребята и взрослые увидели ту ольху, ради которой оказались у речки Саша и Максим, и только после них – невольные поисковики Туркеу и Таинват. Уже шагая на перевал, Саша, чтобы слышали все, вслух произнёс:

– Она, эта ольха, будто звала нас.

Взрослые, поняв, почему ребята пришли на это место, но, скорее всего, из любопытства, молча кивнули головой, Таинват оглянулся назад и, увидев оставленное деревце, почему-то подумал: «У моего родственника Туркеу и этой ольхи есть что-то общее, а что, не пойму, одно знаю, живут рядом...».

Минут через десять все четверо оказались на перевале, спустились к тому месту, где были закопаны снегом остатки мяса. Молча и аккуратно положили всё это в рюкзаки и двинулись на базу.

Когда уже подходили к землянке, Максим, шедший сзади всех, спросил у Саши, тихо, чтобы не слышали ни Туркеу, ни Таинват:

– Макс, как они нашли нас в такой густой туман и почему молчат, не ругают?

– Не знаю, об этом я тоже подумал, – ответил Саша.

Между тем взрослые с ношей, не остановившись возле землянки, пошли дальше. Туркеу обратился к ребятам:

– Следуйте за нами.

У обрыва большой реки Ватыркаваам вся группа остановилась. Сняв с себя груз, Туркеу подошёл к большому кусту и в одном месте раздвинул его ветки, сказал:

– Тут мой склад, открываю его дверь наружу, тут нет замка, но, я убедился, никто сюда не входит, кроме меня, – произнёс хозяин склада и, сделав несколько шагов куда-то в темноту, скрылся. Остальные последовали за ним. Они спустились вниз по аккуратным земляным ступенькам и, пройдя шагов пять, оказались в небольшом помещении, высотой в человеческий рост. Оттуда повеяло настоящим зимним холодом.

– Это мой холодильник, – пояснил Туркеу. – Я его вырыл лет пять назад.

Саша и Максим, съёжившись от холода, молчали, лишь их лица порозовели, пальцы рук начали мёрзнуть. В хранилище было темно, поэтому и дверь вошедшие оставили открытой настежь, чтобы дневной свет хотя бы чуть-чуть проникал вовнутрь.

Занесли мясо, его Туркеу разложил по земляным полкам, также аккуратно сделанным им. После все вышли наружу, закрыв за собой дверь. Туркеу поставил на место ветки, обложил их большими камнями.

– Теперь можно домой, – поглаживая по шее свою собаку Илык* и (так зовут её, означает

«Светлый, белый»), обратился ко всем «отшельник» Ратона, местечка, расположенного не очень далеко от селения Ватыркан.

5. «Шибко шустрый парень...»

Почти весь август Таинват, Саша и Максим провели у Туркеу. Настало время отправляться в путь – в селение. Накануне хозяин землянки устроил, так сказать, прощальный ужин, сварил лучшие куски оленины и даже заднюю очень жирную часть туши. Когда сели за низенький столик, удобный в условиях тундры, Таинват, увидев на длинной деревянной посудине вытащенную из кастрюли эту часть оленины, в недоумении посмотрел на двоюродного брата. Туркеу, поняв, в чём дело, объяснил:

– Нет, нет, едой, мяса ещё хватит, просто, когда оно будет заканчиваться, то эту жирную часть мне не хотелось бы есть одному...

Таинват понимающе кивнул головой, хотя по традиции оленных людей, когда хозяйка чукотской яранги варит эту часть оленины, она как бы напоминает мужчине, что мясо заканчивается и нужно забивать следующего оленя на еду. Вот так молча, но очень красноречиво, за едой «шёл разговор» между мужем и женой в былые времена.

Кроме того, устроив таким образом ужин, Туркеу, как казалось Таинвату, был не против с родственником вспомнить то время, когда они «строили коммунизм». Поэтому он и Таинват, закончив еду, в присутствии молодых людей повели беседу о прошедших годах на русском языке.

– Сначала я нигде не учился, работал пастухом в колхозе, хорошо работал и меня, девятнадцатилетнего отправили в Москву на ВДНХ (Выставка достижений народного хозяйства) с несколькими товарищами из других хозяйств. Это только потом я взялся за ум, как часто говорил мне отец. А тогда, в 50-е годы, я был абсолютно тёмным аборигеном Севера, темнее, наверное, чем сажа.

– Так вот, – продолжил рассказ Туркеу, – когда я увидел Москву, то подумал, зачем нужно такое большое стойбище, сколько же людей там проживает? Их там было очень много – больше, чем комаров в нашей тундре, и никто из москвичей не работал. Так мне казалось, только ходили взад-вперёд. А дома такие высокие – яранга на яранге. Тогда я думал, как люди попадают домой. Мне объяснили, мол, по лестнице.

Далее Туркеу продолжил:

– Костров нигде я не видел в Москве и подумал, как кипятят они чай, варят мясо? Оказывается, в доме, где мы остановились, нам

показали, что ставят на стол чайник с водой, а от него протягивают небольшой аркан, его надо было воткнуть в две дырочки в стене – и чай готов. Я никак не мог понять, как это происходит. Свечек тоже не было, а об электричестве понятия никакого я не имел. Только высоко под потолком горела лампочка в стеклянном пузырьке. Светло горела, вот только от неё папиросу прикурить невозможно, я пробовал. Вода в московских квартирах тоже бежала из каких-то трубок в стене – и горячая, и холодная.

– Но самое удивительное то, как мы ходили в зоопарк – большой, огороженный железными прутьями кораль, где много всяких зверей, и наших, чукотских там тоже видел. А ещё первый раз увидел, в одной клетке кто-то живёт, прыгает по стене, на человека похож – не то чукча, не то ламут, но шибко шустрый парень.

– И кто же это был? – вырвалось у Максима.

– Большая горилла, – ответил рассказчик. – Но тогда я, разумеется, о приматах вообще понятия не имел.

– А чему ещё вы удивились в Москве в то время, дядя Туркеу? – спросил Саша.

– Жарко было в Москве, мы сильно потели, – улыбнулся тот. – Меня наш сопровождающий в той моей первой поездке в столицу долго уговаривал сходить в баню, а я ни в какую не хотел, боялся и стеснялся, мол, никогда при людях не мылся. Тогда наш сопровождающий пошёл на хитрость, сказал, что, если не помоюсь, всех нас троих приезжих с Севера из гостиницы выгонят. А мне очень не хотелось скоро уезжать, потому что много интересного я увидел в Москве, и я согласился помыться в бане.

Мне купили мочалку, махровое полотенце, мыло и завели меня в отдельную кабину, где показали, как мыться. После душа я начал ждать нашего сопровождающего. Проходят 10, 20, 30 минут, а я всё ещё в кабине. Наконец пришёл он и, когда вместе вышли, спросил меня, чего так долго мылся, я ответил, что ждал, когда вода перестанет брызгать. Так понравилась мне баня, что чуть ли не каждый день просил я нашего сопровождающего сходить помыться.

После поездки в Москву я обо всём рассказывал землякам: о непонятном метро, где лестница сама движется, везёт людей под землю, а потом поднимает их наверх. Я и мои товарищи, увидев всё это, недоумевали: возможно ли такое, а может, это сказка, в которой мы чудом оказались? Ведь в то далёкое время в селении Ватыркан, тем более в тундре, освещение было только свечами и керосиновыми лампами. Летом брали воду из речки, зимой – лёд оттуда же. Никаких машин и даже трактора, самолётов люди вообще ещё не видели. Чай, еду варили на костре, не было даже радио. А баню в селении построили только в конце 1950-х годов.

– Так и жили мы, однако весело и с некоторыми приключениями, – вставил Таинват. – Сегодня совершенно другое время.

– Точно, – поддержал брата Туркеу. – И даже мы стали другими.

– Наверное, – только и подытожил Таинват.

– Однако давай спать, завтра вам предстоит дальняя дорога, – заключил Туркеу.

Ещё было раннее утро, а уходящие, и провожающий их Туркеу, уже находились на перевале. Почти за три недели августа гости побывали во многих местах: поднимались на ту сопку, где в далёком прошлом были оставлены копыя пришельцами, ходили на озеро, где ловили мелкой ставной сеткой рыбу, похожую на селёдку, откуда после, возвращаясь на Ратон, по пути собрали созревшие к концу августа кедровые орехи. Ребята также увидели внизу по течению реки Ватыркаваам многолетнюю базу оленеводческого хозяйства Талаяурен. Кроме этих и других походов, молодые гости научились рубить сухостой топором, чтобы Туркеу мог им топить и варить на бочковой печке супы для себя и собак, несколько раз они без взрослых ходили ловить хариуса. Они теперь хорошо стали различать, где растут тополь, лиственница, ольха и другие деревья тундры. Видели два раза медведя-друга Туркеу, от которого теперь не убежали. Несколько раз вместо хозяина сами ходили в земляной холодильник за оленьим мясом, а воду из реки таскали каждый день...

И настал момент прощания. Все присели на минуточку перед уходом, как принято теперь и у современных аборигенов, после встали. А когда уже трое с рюкзаками готовы были шагнуть в дальний путь, Туркеу подошёл к ребятам и не то спросил у них, не то пожелал им удачи, сказав:

– На учёбу?!:

– К*элюк*-ым мин*кри? – А что поделаешь?!

– неожиданно по-чукотски, причём, почти правильно, ответил ему Саша и улыбнулся открытой и красивой улыбкой молодого человека, показав ровные, белые зубы в обрамлении загорелого за эти дни лица, и добавил. – Мы решили с Максимом в зимние каникулы к вам приехать на каком-нибудь транспорте, если кто-нибудь будет ехать в это время сюда.

– Да, да, может, даже купим квадроцикл, – также улыбнулся Максим. – Вы нас примете?

– Об этом в тундре не спрашивают, приезжайте, а я просто буду вас ждать, Таинвата тоже.

– Мы обязательно вернёмся, дядя Туркеу, – заверил его Саша. – Хочется увидеть другие места и познать больше.

После этого трое шагнули вниз перевала, оттуда – дальше...

г. АНАДЫРЬ

Алина ЧАДАЕВА

МИФИЧЕСКИЕ ПТИЦЫ НАНАЙЦЕВ

Уместно начать стихотворением, смысл которого объединяет Мировоззрение древних народов мира.

ПЕРИСТЫЕ ОБЛАКА

*Кто-то удостоен
родиться птицей.
Уподобиться крыльями –
перистым облакам.
Над мирозданием,
не зная границы,
плыть, парить
по неведомым нам маякам.*

*Древнему греку Платону
ведомо было, верно,
что и душа человека
крылата
и в ней прорастают перья,
если Прекрасным она
объята.*

*Душу – птицу – певичу
он различал по тону:
Крылья Любви возносят
душу к Горнему Дому.
Там, на ветвях
Мирового Древа,
вьёт она гнёзда,
птенцов выводит.
Из небесного лона – чрева
в женское лоно входит.*

*Соединяет Время и Вечность
поющим своим полётом,
бессловесно звучащим Словом*

*в космосе душ – звёздном –
с неисповедимым земным.
Встречным.*

ПТИЦА КООРИ

У многих древних народов птица – как бы «связной» между миром живых и мёртвых.

Перечитаем эпизод из книги В.К. Арсеньева «В дебрях Уссурийского края».

В один из дней, а, точнее, вечеров нелёгких будней экспедиции 1906 года, предпринятой для топографических съёмок местности с различными целями, бессменный проводник отряда гольд (нанаец) Дерсу Узала «был как-то особенно рассеян. ...Пора было идти на охоту. Я, – пишет Арсеньев, – окликнул Дерсу. Он точно чего-то испугался.

– Капитан, – сказал он мне, и в голосе его звучали просительные ноты: – моя не могу сегодня охоту ходи. Там (он указал рукой в лес) помирай есть моя жена и мои дети.

Потом он стал говорить, что по их обычаю на могилы покойников нельзя ходить, нельзя вблизи стрелять, рубить лес, собирать ягоды и мять траву – нельзя нарушать покой усопших».

Но, несмотря на ритуал, как бы отстраняющий живых от мёртвых, связь между ними не прекращалась, но, естественно, принимала другие формы.

Всем нам снятся ушедшие люди, но каждый толкует их иллюзорное явление по-своему. Дерсу «видел тяжёлый сон: он видел старую развалившуюся юрту и в ней свою семью (которая погибла от эпидемии оспы. – А.Ч.) в страшной бедности. Жена и дети зябли от холода и совершенно не имели чего есть. Они просили

его принести им дров и прислать тёплой одежды, обуви, какой-нибудь еды и спичек».

Старик нашёл уединённое место подале от отряда, разжёл костёр. Владимир Клавдиевич стал свидетелем трансцендентальной связи между Дерсу и его семьёй.

Для этого старый гольд проделывал ритуальные пассы. «Уткнув себе в грудь небольшую палочку, он строгал её и тихо пел какую-то песню. Пение его было однообразное, унылое и тоскливое. Он не дорезал стружек до конца. Они загибались одна за другую и образовывали султанчик. Взяв палочку в правую руку и прекратив пение, он вдруг обращался к кому-то в пространство с вопросом и слушал, слушал напряжённо, – но ответа не было. Тогда он бросил стружку в огонь и принимался строгать новую. Потом он достал маленькую чашечку, налил в неё водки из бутылки, помочил в ней указательный палец и по капле бросил на землю на все четыре стороны. Опять он что-то прокричал и прислушался. Далеко в стороне послышался крик какой-то ночной птицы. Дерсу вскочил на ноги.

Он громко запел ту же песню и весь спирт вылил в огонь. На мгновение в костре вспыхнуло синее пламя. После этого Дерсу стал бросать в костёр листья табаку, сухую рыбу, мясо, соль, чумизу, рис, муку, кусок синей дабы (китайская материя. – А.Ч.), новые китайские улы (обувь. – А.Ч.), коробок спичек и, наконец, – пустую бутылку. Дерсу перестал петь. Он сел на землю, опустил голову на грудь и глубоко о чём-то задумался.

...В это время опять повторился крик ночной птицы. Дерсу спешно поднялся с места и, повернувшись лицом в ту сторону, что-то закричал ей громким голосом, в котором я заметил нотку грусти, страха и радости».

Чуть позже, там же, у костра, Дерсу объяснил Владимиру Клавдиевичу смысл его ритуальных манипуляций.

«...прошлой ночью он видел тяжёлый сон: он видел старую развалившуюся юрту и в ней свою семью в страшной бедности. Жена и дети зябли от холода и совершенно не имели чего есть. Они просили его принести им дров и прислать тёплой одежды, обуви и какой-нибудь еды и спичек. То, что он сжигал, он посылал в загробный мир своим родным, которые, по представлению Дерсу, на том свете жили так же, как и на этом... Тогда я осторожно спросил его о криках ночной птицы, на которые он отвечал своими криками.

– Это «Ханяла», – ответил Дерсу. – Моя думай, это была жена. Теперь она всё получила».

Детали эпизода требуют пояснения.

Палочка со стружками, которые нарезал

Дерсу, возможно, из рябинового или черёмухового дерева, служили оберегом и отгоняли злых духов от места, где совершался ритуал. Подобные стружки – саори (или гиасамса) употребляли и шаманы во время камлания.

Ханяла – значит – тень, душа. Душа умершей жены откликнулась на зов мужа. Как? – Голосом птицы.

ПТИЦА – в силу своих орнитологических свойств – была чрезвычайно важным персонажем в общении реального и запредельного миров.

У коренных народов Дальнего Востока существовал обряд проводов души умершего в «буни», к «верхним людям», на «тот свет»: КАСА-ТАОРИ. Исполнять его мог только сильный «касаты-сама» через 1–3 года после кончины человека. Обязательно летом, в период солнцестояния.

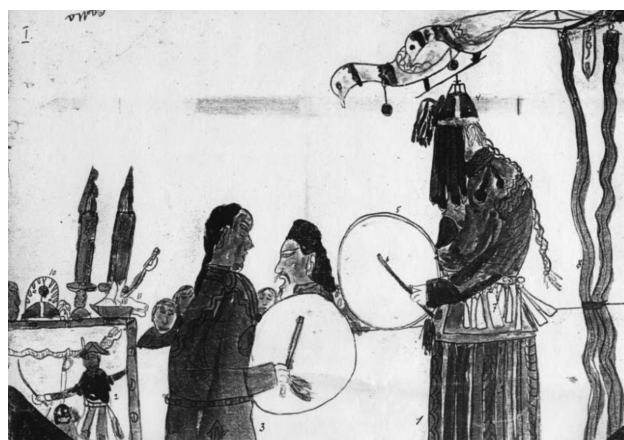
Обряд был сложнейшим. Я перечислю только его основные вехи.

В полусферическом шалаше – итоан, сделанном из веток земных аналогов Древа Жизни – ивы, черёмухи и коры лиственницы – ставили шаманское дерево – торо, имитирующее Мировое Древо. Шаману предстояло найти душу умершего, странствующую во вселенной, среди неисчислимого множества душ, по приметам, известным только родственникам покойного.

Полёт в поисках заблудившейся души шаман осуществляет с помощью своих 9-ти птиц: бун гаса, которые живут на Мировом Древе. Вот почему на рисунках маньчжурского шамана (из собрания МАЭ, опубликованных А.М. Решетовым), в полном облачении касаты изображены и две птицы, сидящие на его шлемообразной шапке.

В центре итоан-шалаша, по утверждению Л.Я. Штернберга, была подвешена сакральная птица Коори. Её мог иметь только «большой шаман», получивший её в дар от своего предшественника.

Когда шаман доставлял в буни души умерших,

Птица КООРИ

птица Коори как бы сама поворачивалась в обратную сторону, ибо на ней шаман возвращался в Средний мир, на землю.

В своё время я попросила Анну Онинка воспроизвести образ Коори, каким он сложился в представлениях нанайцев. На обороте присланного рисунка Анна писала: «Милая анда (друг)! Я Коори никогда не видела. Как думала, так и рисовала её. В сказках описания Коори я не встречала».

«Не видала», «не встречала», а нарисовала в точном соответствии с описаниями «видевших» и «встречавших».

А была эта птица огромной. Если взмахнёт крыльями, то одно крыло достигнет правого берега Мангбо – Амура, и левое – другого. И не только великанским размахом поражали её крылья – их перья из железных стрел состояли; когти, словно мечи из стали; клюв, как пешня, способен проломить метровый лёд на замёрзшей реке. Глаза, как ихэрэ – лампа. Большущая голова, как соро – корзина для рыбы. У птицы этой были не земные занятия. Сидит она на вершине Мирового шаманского Древа, ждёт, когда позовёт её Хозяин, чтобы везти опознанную душу в Нижний мир – мёртвых.

На спине духа-помощника Коори отправлялся шаман в Загробье. Путь был опасен. Говорят, что обитатели мира умерших неласково принимали пришельцев. Хотели захватить шамана, оставить у себя навеки. Тогда касаты принимал облик медведя, чтобы души в буню его не узнали.

Выполнив свою нелёгкую работу, спешил в Средний мир, к живым людям вернуться, оседлав своего верного помощника – Коори.

Вот почему в центре шалаша-итоан, космической модели Мира, и было подвешено изображение птицы Коори.

В музее нанайского селения Сикачи – Алян хранится деревянная птица Коори – «внуши-

тельных, – как пишут очевидцы, – размеров, с остатками выцветшей шёлковой ткани на плоских крыльях. А нашли её на крыше старого дома, где, возможно, когда-то жил её Хозяин».

Но вот – совсем недавно – пришло ко мне новое напоминание о древней таинственной птице Коори, стоило только в работе над рукописью книги означить тему. Событию этому предшествовало предвестье, которое принесла на крыльях, конечно же, птица. Птичка-синичка. Три дня подряд залетала она в окна моей московской квартиры и не рвалась обратно. Даже на корм не обращала внимания. Неспешно ходила по полу, летала, потом удалялась.

У русских есть старинное поверье, что в облике залетевшей синицы даёт о себе знать чья-то душа. И вскоре из далёкого нанайского селения Ачан в Москву приехала Нина Павловна Гейкер (нанайское её имя – Силэмсэ – «Росинка»), создатель и руководитель теперь широко известного детского фольклорного ансамбля «Тасима» – «Лепёшечки». Главным консультантом его, а также ранее созданного «Народного песенно-танцевального ансамбля «Сиун» – «Солнце» (в 2018 году ему исполнилось 60 лет) с середины 80-х годов был Понгса Киле.

Я давно знала его как приверженца древнего мировоззрения народа нани, имела честь переводить его необычные сочинения. Писала о нём: «Считаю Понгса Киле самым глубоким носителем древней нанайской культуры, уникально самобытным национальным поэтом мирового значения, истинным сыном своей родной земли...»

Весть, о которой предупредила меня синица, оказалась бесценной книгой. Автор её – Понгса Киле, и назывался сборник «Загляни в душу мне...».

Много лет я жила на Дальнем Востоке: на Сахалине, в Хабаровске, бывала на Чукотке. Не понаслышке знаю о горьких проблемах народов, живущих в этих регионах: исчезают национальные языки, а с ними – историческая память о мировоззрении их предков, возникают новые приоритеты в осмыслении Дара Жизни... Ассимиляция.

В книге Понгса Киле собраны духовно-нравственные сокровища его народа: описание игр, в которых «формировался характер, воля, мораль...», что вместе составляет здоровье нации»; рисунки игрушек, сделанных из рыбьих косточек, древесных грибов, травы... «А ведь не так давно ими пользовались во всех нанайских семьях», – пишет искусствовед Г.Т. Титорева в предисловии к главе «Художественное творчество Понгса Киле». Основа его «Поэтического наследия» – стихотворно выраженное мировоззрение нанайского наро-

Раскидываю руки дубняков,
Горбачу рёлки в рабском их поклоне,
Глаза озёр тоской зелёной полню.
Удэн! Нанайский добрый дух!
По следу твоему иду.
По Млечному, по снежному пути,
Взметая лыжами светящуюся пыль.
Свистит под камусом зернистый
звёздный снег.

Халатом-парусом я ускоряю бег.
Минуя тени призрачные звёзд,
Ищу ступени облачные гнёзд.
Вниз с запредельных я лечу небес...
Я становлюсь земным, я обретаю вес...
И сотрясаются вершины снежных гор,
И взмахам крыльев вторит горный хор.
Снижаюсь. По тайге гуляет грозный гул,
Деревья падают от шквала на бегу.
Всё ближе, ближе рёлки мёрзлый лоб.
В комок сжимаюсь, не разбиться чтоб...»

Вероятно, таким мог быть полёт птицы Коори, уносящей шамана с обретенной им душой усопшего в космический «неведомый край».

Никому не дано знать, не сам ли шаман-касаты во время камланья обретал свойства птицы Коори, не сам ли ею становился...

В стихотворении, напоминающем камлание, автор сравнивает себя с орлом: «Подобный орлу, я взмываю в полёт...» Старый нанаяец Никифор Дзяпи из Кондона в беседе со мной называл птицу Коори «орлицей». И не потому ли в стихотворении «Крик души», написанном в Вашингтоне, Понгса Киле, страдающий от разлуки с родной землёй, ещё раз подтвердит мои запоздалые предположения.

«Я окутан густым облаком страдания.
...Ночи напролёт в мыслях своих
Парю над океаном и городами
В надежде увидеть родные места
Хоть краешком глаза.
ВООБРАЖАЮ СЕБЯ
СКАЗОЧНОЙ ПТИЦЕЙ КООРИ».
(Строки выделены мной. – А.Ч.)

ПТИЦА КУЙ

Одна из тетрадок, присланных мне Анной Онинка, так и называлась «Птица Куй». В ней была записана легенда об этой птице и дано второе название:

«Шаман может сделать зло и добро человеку».

В конце тетради, после изложения текста, сказительница приписала «Объяснение, какая птица Куй» и снабдила описание рисунком.

«Давным-давно где-то обитала птица Куй.

Вместо перьев, была она покрыта звериной шерстью, и только на хвосте и крыльях росли грубые перья. И было у неё две пары ног, вооружённых когтями. Одна пара росла, как и у всех птиц, а вторая – на крыльях, рядом с верхними перьями, как на «локте». Цветом и шерсть, и перья птицы Куй были тёмно-бурыми, почти чёрными.

Так описывали эту птицу наши отцы и деды. И сейчас многие старые люди могут подтвердить, что шаманы приносили душу – омиа от птицы Куй и дарили её заказчицам, о чём и рассказано в старинной легенде.»

ЛЕГЕНДА

Жила одна семья. И не было у них детей, как бы ни просили у Всевышнего. А детей всё нет и нет.

И вот однажды собрались к шаману достать им от кого-нибудь омиа – душу будущего, ещё не рождённого ребёнка. Шаман согласился осчастливить эту семью, сказал только, что трудно это и нескоро делается.

Вот шаман летает повсюду, ищет, у кого можно пурипту отобрать и выручить эту несчастную семью. («Пурипту» от глагола «пури» – «рожать». Считалось, что это место – ямка в лобной доле черепа, где до поры, до времени у женской особи пребывает омиа – душа ещё не рождённого ребёнка, и нужно её защитить от внедрения злых духов. Девочкам тоже полагалось на затылке носить апиптон – повязку, и тоже с изображением Священного Древа в виде орнамента, чтобы защитить затылочную ямку).

И вот – видит шаман – идёт молодая девушка. Вот бы у кого пурипту отобрать. Да не тут-то было: на голове у фудин повязка – гидо, а на гидо вышито священное Древо Жизни, да ещё и с корнями. Оберегает это изображение девушку, чтобы в её пурипту злой дух не все-

лился. Да и шаману не под силу с этим оберегом совладать.

Делать нечего – дальше летит шаман. Видит: эктэ най – женщина идёт. Да только голова у неё двумя косами обвита. Значит, замужняя эта женщина, если одну косу на две расплела и закрыла ими от нечистых духов вместилище детских душ. Обладали женские волосы такой силой.

Делать нечего: летит дальше шаман. Ага! Вот молодая женщина идёт: две косы у неё на спину спущены. «Вот удача, – думает шаман, – у неё-то я уж отберу пурипту». Пригляделся шаман: молодая ещё женщина, может, только двое или трое детей у неё. «Пускай ещё рождает, жалко её». Пожалел её шаман. Домой ни с чем возвратился.

Пришла к нему бездетная пара. «Ну, как? – спрашивают. – Выполнил ли наш заказ? Будет ли у нас ребёнок?»

– Нет, – отвечает шаман, – не удалось мне. Но если вы уж так хотите, отберу я душу-омиа у птицы Куй.

– Ладно, – соглашаются заказчики – муж с женой. – Пусть хоть от птицы Куй омиа будет, лишь бы ребёночка родить. Какой уж он родится – нам всё равно, такого и любить будем.

И полетел шаман искать птицу Куй. Увидел её: на верхушке большого дерева сидит. Подкрался к ней и – цап! – отодрал с головы её полосу, которая как раз на переносице была. В ней-то и помещалась омиа-душа будущего птенца.

Прилетел домой, сразу же отдал заказчице полосу с головы птицы Куй. Так обрадовалась женщина, что и не заметила, птичьи приметы.

Много ли, мало ли времени прошло, чувствует

молодая женщина, что будет у неё ребёнок. И правда: родился у неё мальчик, да такой крепкий, здоровый. Правда, на спине у него, от шеи до пояса, и на лопатках даже, чёрная шерсть росла. Но и такому ребёнку муж с женой были рады-радехоньки, полюбили его.

А мальчик этот был от сочетания птицы и человека.

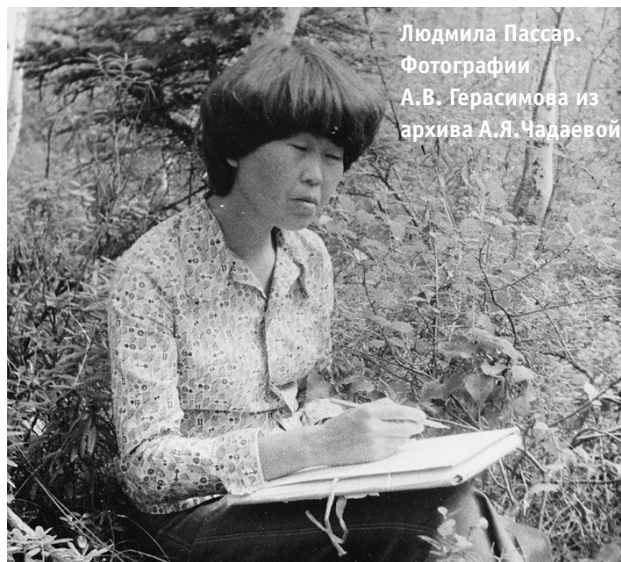
ЛЕГЕНДА О ПРОИСХОЖДЕНИИ РОДА САМАР

Передо мной тетрадь; в ней – записи, сделанные в 1984 году Людмилой Уламовной Пассар. В тот год мы с моим мужем Алексеем Герасимовым снимали фильм по заказу Хабаровской студии документальных фильмов. Назвали его «Петроглифы на бересте». Название сначала вызывало недоумение: ведь петроглифы (от слова греческого «петрос» – «камень») – это изображения, выбитые на камне. Такие изображения мы изучали на базальтах недалеко от нанайского селения Сикачи-Алян. Древнейшие – предположительно, времён неолита – они являют собой код исходных, первозданных представлений жившего здесь народа о мироздании. Их смысл, прошедший через горнило тысячелетий, трудно расшифровать. Но система таинственных образов эхом откликнулась в тунгусо-маньчжурских преданиях, легендах, сказках... И не только. Сакральные образы, нанесённые в незапамятные времена на гранитные скрижали Сикачи-Альяна, коренные народы Приамурья переносили на одежду, обувь, бытовую утварь, деревянное оружие, детские игрушки, строения для живых и мёртвых, ибо они считались оберегом от злых духов.

Отсчёт времён не кончен. И сегодня, в новых реалиях жизни коренных народов Дальнего Востока, эти образы продолжают жить.

ФОТО ПАННО ЛЮДМИЛЫ ПАССАР: «Происхождение рода Самар».

Людмила Пассар.
Фотографии
А. В. Герасимова из
архива А. Я. Чадаевой

Людмила Пассар родилась в селении Найхин. Со временем окончила художественно-графический факультет Ленинградского Педагогического института имени Герцена и вернулась в родные края.

Но главным её образованием была культура. А значит, духовные ценности народа нани. Людмила была уверена, что и к ней обращено таинственное послание предков в петроглифах древних базальтов. Не поэтому ли основой своего творчества она избрала технику художественного орнамента на бересте и бумаге. Эта «техника» в крови у нанайских женщин, своего рода – генетический код, передающийся по наследству. Конечно, важно обновлять этот код, соотносясь с опытом старых мастериц. Именно за этим занятием мы и снимали молодую тогда Людмилу – дочь Уламы Пассар.

На наших глазах возникал цикл её бумажных панно, посвящённый легендам о происхождении нанайских родов. Так, род Бельды ведёт своё происхождение от тигра – «амба»; род Онинка – от оленя-изюбра; род Киле – от дикого оленя – орон; Дигор – от «мапа» – медведя, а род Самар – от коршуна – «пичуэн».

В упомянутой тетради Людмила Пассар записала «Легенду о роде Самар».

«Давно – давно в одном селении от эпидемии умерли все его жители. Одна только девушка в живых осталась. Горюет, плачет – одна – одинёшенька. И вот однажды вышла она из дома, над которым кружился коршун – пичуэн. Помёт его упал ей на плечо. От этого-то и забеременела девушка и родила сына. Выкормила сына молодая мать, пользуясь остатками пищи, оставшейся в селении в домах умерших людей.

Подросток мальчик, в других краях купил себе жену, и родились у этой пары три сына. Храбрыми мужчинами они стали.

Затем часть людей этого рода – самагиров пошла вниз по Амуру до устья реки Гарин (ныне – река Горин). Здесь они поставили палочку, наклонив её в сторону реки Гарин, чтобы указать идущим следом за ними самагирам куда надо идти. Но вода повернула палочку по направлению низовьев Амура, и сородичи гаринских нанайцев туда и повернули. Дошли они до острова Лянгр, где и сейчас обитают».

Далее Людмила описывает созданное ею панно «О происхождении рода Самар», вырезанное на бумажном листе.

«На листе изображение коршуна – пичуэн (гуси) – покровителя рода Самар. По обеим сторонам Дерева Жизни – изображение птиц пичуэн, а также пары оленей – изюбров (самец и самка). В корнях Дерева Жизни – изображения лягушки – хэрэ и ящерицы – исэлан».

Приведённая легенда подтверждает, что древние народы не вычленили себя из сущего Мира, но считали себя единым с Природой целым.

КАК ТОКА-ГАЛКА ШАМАНИЛА

Жила галка, и было у неё двое галчат. Впроголодь жили, еды совсем нет. Однажды галка отправилась на поиски пищи для детей. Над одним озерком кружила, кружила, видит: недалеко от берега карась-ханго плавает. Подлетела к нему галка-тока, стала готовиться его клюнуть. Собиралась, собиралась, целилась, целилась, а карась тем временем на глубину уплыл.

Галка всё ждёт: «Вот подплывёт карась поближе – тогда и клюну». Да не подплыл ханго, напрасно ждала. От голода свело живот у галки, еле-еле до дому добралась. Говорит детям: «Идите, зовите шамана. Может, он меня вылечит».

Пришёл шаман, стал больную расспрашивать: что, мол, делала сегодня? Куда летала? Галка рассказала, как что было.

Стал шаман в бубен бить, духов-помощников сзывать. Петь начал.

– Вот сегодня

конгар – конгар – тэккуэс
по берегу нижнего моря

конгар – конгар – тэккуэс
кружилась, кружилась

конгар – конгар – тэккуэс
ничего не нашла

конгар – конгар – тэккуэс
над верхним морем кружилась

конгар – конгар – тэккуэс
ничего не видела

конгар – конгар – тэккуэс
над северным морем летала

конгар – конгар – тэккуэс
ничего не нашла

конгар – конгар – тэккуэс
над южным морем летала

конгар – конгар – тэккуэс
ничего не видала

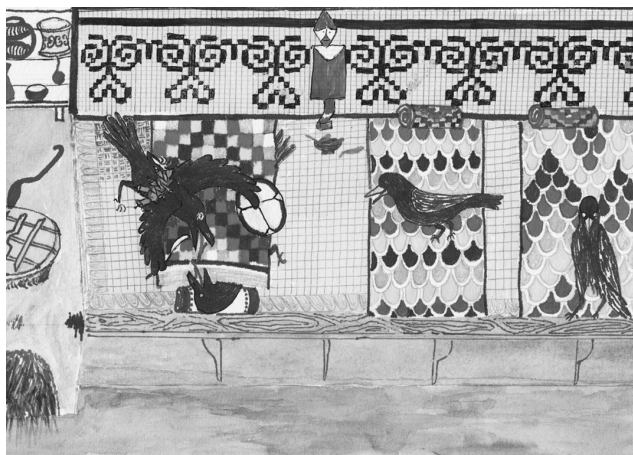
конгар – конгар – тэккуэс ...

Пока пел шаман над больной галкой, она взяла да умерла.

К сказке Анна Онинка приписала объяснение: «Конгар – конгар» – это галка так кричит или поёт. Шаман её крикам подражает. «Тэккуэс» – так бубен звучит, когда шаман по нему палочкой ударяет. Только в этой сказке у галки-шамана звук неправильный, наверное, бубен был неисправный или шаман неумелый».

Рисунков на эту тему было прислано два. Оба, как и сама сказка-миниатюра, интересны шуточной интонацией пародии на шаманское камлание.

Рассмотрим рисунки.

Как и все работы Онинка, они выполнены в плоскостной манере. На рисунке – традиционное убранство старинного нанайского дома – дё. На левой стороне печка – голдён. В центр печки вмазан котёл для варки пищи. Сейчас он закрыт крышкой возле котла лежит ковш-комбо. Печка топится, в её зев подложены тонкие прутья. Над голдён – полочки. На нижней – и это важная деталь – стоит медный сосуд – хо. Он предназначен для сакральных ритуалов. Обычно в него наливали водку, и хозяева дома, окуная в хо пальцы, брызгали ею по углам жилища: чокторили, чтобы изгнать злых духов.

Весь центр рисунка занимает накан. На нём – праздничная, с чёрным узором по краю, циновка – сактан, которые нанайцы обычно плели из камыша. В середине накан стоит деревянная фигурка сэвэна – Аями, хранителя дома. Обратите внимание: на лике сэвэна чётко, чёрными точками, означены глаза. Нанайцы считали, что пока на лике сэвэна нет глаз – это простая деревяшка. Получив глаза, дух, внедрённый в идола, становится живым. Перед Аями стоит чашка с едой.

Далее на рисунке последовательно развивается действие.

1. Поперёк накана лежит больная галка, закрытая одеялом – полта. Видна только голова на подушке -чиптун. Над больной кружит галка-шаман. На ней – шаманский пояс – янгла. Кончиками крыльев держит бубен – унчухун и палочку – мокан. «Целитель» – тока и больная разинули клювы, явно разговаривают.

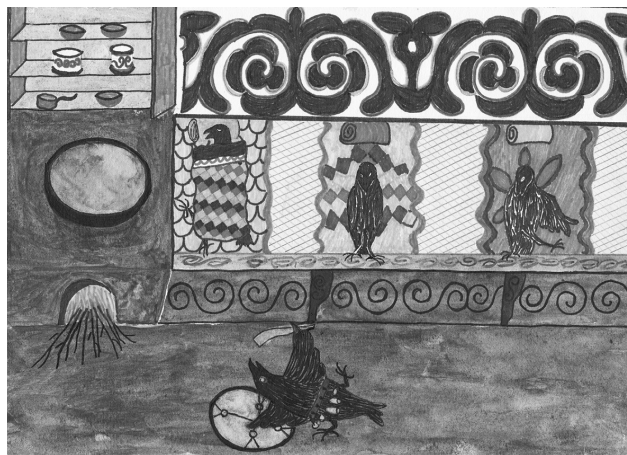
2. Над больной галкой уже нет шамана. Сидит она на циновке, сложив крылья.

3. Совсем худо бедняге. Глаза подёрнуты плёнкой, опущены крылья, хвост волочится...

На втором рисунке интерьер несколько

изменён. На циновке нет Аями. Вместо него, развёрнута широкая полоса с традиционным нанайским орнаментом «амурская спираль». Это оберег, символизирующий Мировое Древо Жизни.

Галка-шаман камлает на полу дома. Динамично

передана её поза: закатила глаза, пляшет – ни дать, ни взять – в трансе.

1. А бедолага – больная бессильно лежит, укрытая одеялом.

2. Видно, что ей всё хуже.

3. И, наконец, безвольно вытянуто крыло, растопырены ноги...

Нанайские мифические птицы не одиноки в религиозном творчестве народов мира. Индусы до сих пор почитают «священную птицу» Гаруда, приближенную к верховному божеству Вишна – хранителю мироздания. Гаруда – отец и царь всех птиц. Её крылья простираются на много миль. Её голова, крылья, когти, клюв, а тело и ноги, как у человека. Гаруда – ездовое животное Вишну. Он летает на ней и сражается со своими врагами.

В образе этого существа можно увидеть черты, роднящие индусскую царь-птицу с птицей Коори – возницей шамана в запредельные миры, по преданиям коренных народов Дальнего Востока.

СТРЕЛА ВЫБИРАЕТ НЕВЕСТ МЭРГЭНАМ

(Сказительница Дачи Удинкан)

Живут старуха с дочкой. Одни живут. Никаких людей возле них не было.

Дочка – молодая. Мать – совсем старая.

Дочка говорит матери: «Завтра необыкновенный гость у нас будет. Он меня замуж будет звать. Ты не запрещай, отдай ему меня».

Наутро слышат: скрипят по снегу тяжёлые шаги. Пришедший дверь отворил. Не человек, а страшное лицо. Гочиндагорчала – тридцати саженой ростом,

значит, шестидесяти метров выше. Застрял в дверях, но кое-как протиснулся всё же. Трубку вытащил из-за пазухи. Трубка большая, как ковш – комбо. Раскурил трубку – дым, как туман. Дышать нечем. Три раза затынулся, говорит старухе: «Отдай мне дочку в жёны». Старуху трясёт от страха, а делать нечего. «Ну, что ж, я не против», – отвечает.

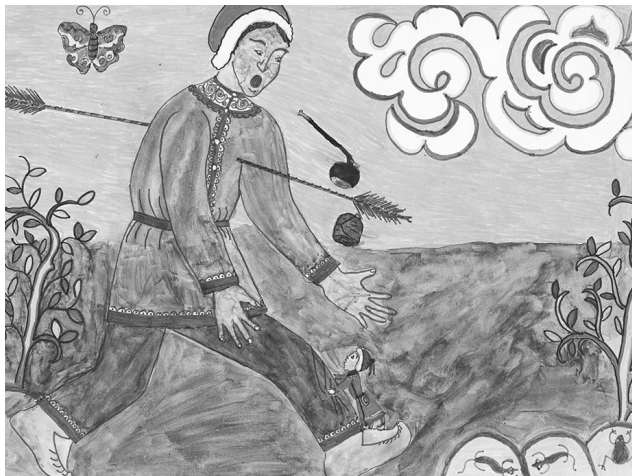
Вышли на улицу оба: великан и фудин. Девушка кожаным ремнём перепоясалась, шапку надела, матери поклонилась. Пошли. Великан такой высокий – не видит её.

– Где ты, фудин? Отстала, что ли?

– Здесь я, мэргэн – горчалан!

Как отошли подальше, она схватила великана за ногу, стали бороться. Он её никак схватить не может – такая она вёрткая, как юла. Крутится, крутится, никак не даёт в руки горчалану. Устала фудин, от изнеможения кровь у неё изо рта пошла. Тут бы и схватить её великану. А пурга, буран, снег – не видно ничего. Вдруг свищет что-то, свищет. Тасс-энн! – стук раздался. Стрела, откуда ни возьмись, в горчалана попала. Великан, как гора, нагнулся, чуть не упал и опять фудин ловит. Тут опять свист раздался, сильнее прежнего. Тасс-энн! Другая стрела, откуда ни возьмись, прилетела с тупым наконечником, опять прямо в великана попала. Насквозь пробила, навилет.

Закачался он. Как пушка, упал. Фудин села на него, сидит, отдыхает. Отдышалась, стряхнула с себя снег. Кожаный пояс сняла. Один конец ему за голову привязала, другой – себе через плечо перекинула. Потасила по скользкому снегу великана.

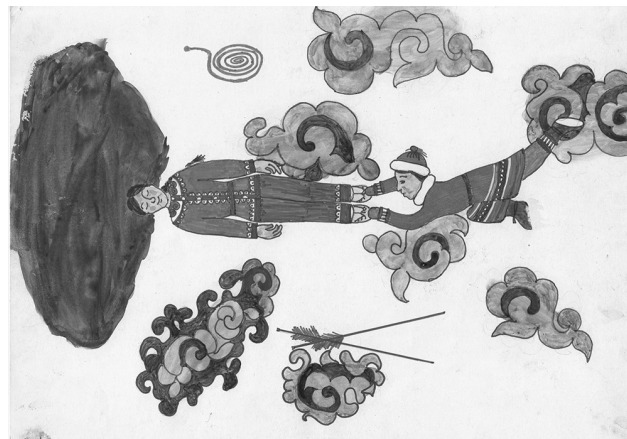
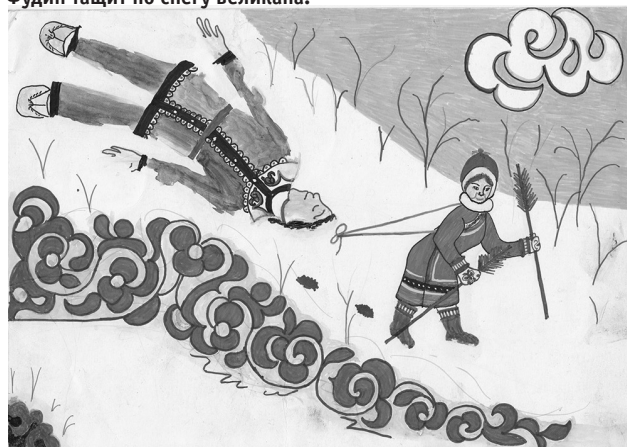
Стрела пронзает великана.

Увидела полынью-олан в реке, льдом покрытой, столкнула туда горчалана.

– Мангбо, мангбо, – просит, – у тебя малые и большие рыбы водятся, пусть сожрут этого великана, отдаю его вам.

Как бревно, бултыхнулся в воду великан.

Фудин тащит по снегу великана.

Фудин возле полыньи.

Ко дну пошёл. Села фудин на снег, дух переvestи, думает, откуда эти стрелы взялись? Знает только, что одна прилетела с запада, другая – с севера. Забрала обе стрелы, домой пошла.

Издалека видит: мать возле дома сидит, плачет. Подошла к ней фудин, за плечи трясёт.

– Я же живая вернулась!

– Ты ли это, доченька, или душа твоя явилась?

В дом вошли. Жизнь, как прежде, наладилась. Фудин днём вышивает, мать по дому хлопочет.

Однажды фудин говорит ей:

Слуга – ольчи на коленях перед матерью фудин.

– Сегодня гости будут у нас. Ты их по-хорошему прими, а я спать лягу, ты меня не буди.

Легла, халат накинула. Рукава поставила, как бинокли. Через них смотрит.

Утром стук раздался. Двое вошли. Один повыше, другой пониже. Тот, кто помоложе, такой шаман могучий. Старший – тоже шаман, но слабее чуть-чуть. Осмотрелись они в доме, видят – фудин лежит на накан, спит. А в окошечке их стрелы выставлены. Фудин заранее выставила.

Старший сел поближе к фудин. Сидит. Старушка в амбар-такто пошла, юколу выбрала, дома буду сварила (рисовый отвар). Позвала их:

– Садитесь, дорогие гости! Спасибо, вы моей дочери помогли.

– Да это не мы, – отвечают. – Она сама великана поборола.

Старуха не соглашается:

– Нет, это вы, вы ей помогли.

Съели они угощение, говорят:

– Мы знаем, что вы бедно живёте. Зато у вас руки золотые. И юкола, и буда вкусно приготовлены. Когда мы шли к вам, косулю по дороге убили, принесли вам. Достань доску для разделывания, вырежи почки и печень. Накорми дочку.

Ушли оба мэргэна.

Старуха всё сделала, как они велели, дала почки фудин. Та поела. «Вкусно!» – говорит, похвалила.

Потом взяла фудин палочку, голову ею стукнула, превратилась в осу – девэн, полетела. Летит, догнала мэргэнов. Они посередине мари идут, о фудин разговаривают.

– Брат, – один говорит другому, – ты счастливый. Какую жену себе выбрал! А моя стрела далеко была, на севере.

Второй отвечает:

– Я слышал, как кто-то как из пушки палил. Когда я стрелу в доме фудин забирал, на девушку спящую смотрел. Она, как звезда, сквозь халат, на неё накинутый, просвечивала.

Фудин домой прилетела, опять в девушку превратилась. Говорит матери:

– Эниэ, сегодня нарта приедет, гость за мной придёт. Ты опять соглашайся меня ему отдать.

Слышат: скрипят по снегу полозья, нарта приближается. Ведь уж зима была. Ага! Двое ольчи – слуг входят. Упали перед старухой на колени:

– Ма-ма-а, ма-ма! Бабушка! У нас старая хозяйка заболела. Приехали за твоей дочкой. Говорят, она сильная шаманка...

– Нет, не шаманка она, – отмахивается от них старушка. А фудин матери глазами знак подаёт: отпусти, мол.

Поехала фудин с ольчи. Доехали. В доме полно людей. На накан, возле очага – голдён,

больная старуха лежит. Стонет, стонет. Люди говорят: «Голова у неё вниз-вверх загибается, трясётся. Не знаем, чем старуха болеет».

Стала фудин в бубен бить, над старухой камлать. Оказывается, это мать её спасителей заболела. Потом подошла к больной поближе, руку ей в рот засунула, до самого сердца достала, вытащила из сердца какую-то фигурку, как бы талисман.

Старший сын, как это увидел, выбежал из дома. Старухе сразу легче стало.

Фудин фигурку на улицу вынесла, на наковальню положила, колотит её изо всех сил. И улетел куда-то этот талисман. Не знаю, куда.

Фудин вынимает изо рта больной фигурку.

Вернулась фудин-шаманка в дом. А там уж старший мэргэн какую-то девушку обнимает. Зло взглянула на него фудин-шаманка. Нехорошо стало мэргэну от её взгляда. Из дома опять вышел.

Старуха говорит:

– Какой калым тебе за камлание дать?

– Никакой не надо. Не болезнь это у тебя была. Старший твой сын во всём виноват – боль тебе причинил.

Старуха и слышать ничего не хочет, всяких

Небесная Невеста с облаком спустилась. В руке держит стрелу.

подарков ей надавала и домой отвезла, к матери.

Раз фудин опять обернулась осой – девэн, полетела в дом, где мэргэны – братья живут. В доме – пир горой. Сидят братья, пируют. Младший старшему говорит:

– Э-эх ты, дурак! Если не хочешь на шаманке-фудин жениться, так я на ней женюсь. А ты на той, с которой обнимался.

Старший брат сидит, молчит.

Младший опять за своё:

– Помнишь, мать хотела колотушкой твою девицу убить. Зачем тебе шаманка-фудин? Отдай мне её в жёны!

– У тебя язык – жало змеиное, – отвечает старший. – Теперь сердита она на меня, но я всё равно тебе её не уступлю.

Ссорятся братья, а только старший чувствует, что шаманка-фудин где-то рядом стоит. Покраснел. Младший тоже рассердился. Красный, как кровь, стал. Укоряет фудин: «Чего ты скрываешься от нас невидимкой!?» Потом к старшему обращается: «Чего ты покраснел? Ко мне ревнуешь её, что ли?»

Фудин слушать не стала, домой полетела.

Через какое-то время приехали на лодке к дому фудин старший мэргэн, вместе с матерью. Сватаются к ней. Фудин отвернулась, ничего не отвечает.

Подошёл к ней старший мэргэн, прощенья стал просить:

– Прости меня, фудин, виноват я.

Помирились они. Мать фудин радуется:

– Давно бы так! Всё равно – это ваша судьба, раз лэкэ-стрела её тебе в жёны выбрала.

Сыграли они свадьбу. Фудин предлагает мужу: «Переходи вместе со всем твоим селением – иргэн сюда». Переселились, и младший брат переехал. «С вами буду жить», – говорит.

Только старший на охоту уйдёт, младший тут как тут, льнёт к жене брата: «достань да достань мне такую жену, как ты». Она шалаш поставила. Голову вверх запрокинула, кричит:

– Приходи в гости, подружка-экэни!

Тут облачко на небе появилось, закружилось, к ногам фудин опустилось. Небесная красавица из него вышла.

– Вот тебе муж, экэни. Смотри, какой красавец! Выходи за него.

– Пусть ко мне поднимается, на небо. У меня отец – небесный человек.

Фудин золотую – серебряную бумажки сложила вместе, вырезала вороного коня. Дунула в чонгко – круглое отверстие на фасаде дома – конь на ноги встал, три раза заржал.

– Садись на него, – говорит мэргэну. Ударила по коню палочкой, и взвился конь в небо.

Муж фудин сердится. Видно, и ему понравилась Небесная Невеста.

– Зачем ты, – говорит жене, – не в своё дело вмешиваешься? Без твоей помощи он не мог, что ли, жениться?

Фудин поняла, сетует мужу:

– Разве тебе одной жены мало?

Ну, ладно, помирились.

Тут тучи с неба до земли затянулись. Карета по нему, как по скатерти, катится. Сидит в ней Небесный Человек – отец Небесной Невесты. Опустилась карета на землю, вышел из неё Небесный Человек. Конь снова в бумажку превратился.

Потом свадьбу пировали. И так счастливо стали жить.

И нету и сказка.

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО У СВОЕЙ КОЛЫБЕЛИ ПЕЛО ОДНИ ПЕСНИ

Главный персонаж приведённой сказки – стрелы. Их мистическое назначение – выбрать невесту двум братьям – старшему и младшему. Анна Онинка из множества собранных мной сказок выбрала эту для подробного – в шести рисунках – иллюстрирования. Они и помогли мне выявить значимые связи, в тексте оставшиеся недосказанными или спрятанными «за кадр».

Прежде чем выявить их для читателя, обращаюсь к своей книге «Национальная игрушка» (Хабаровское издательство. 1986 год), к главе «Лунный лук».

«Однажды на тони, во время осеннего хода кеты на реке Кур, сидя у костра, на котором жарились рыбки шашлыки, я слушала старинные нанайские бывальщины и сказки. Старики вспоминали, что перед свадьбой юноши, в том числе, и жених, соревновались в стрельбе из лука. За пятьдесят метров ставили иголку, и стрелок должен был попасть в её ушко. Стрела и лук были «действующими лицами» в свадебной мистереии.

Во многих сказках народов мира стрела «сватает» невесту будто бы наугад, но ложится к ногам единственной, «посланной небом» избранницы, о которой герой чаще всего и не подозревает. (Вспомните русскую сказку «Царевна-лягушка». «В старые годы у одного царя было три сына – все они на возрасте. Царь и говорит:

– Дети! Сделайте себе по самострелу и стреляйте: кака женщина принесёт стрелу, та и невеста... Большой сын стрелил – принесла стрелу княжеска дочь; средний сын стрелил – стрелу принесла генеральска дочь, а малому – Ивану-царевичу принесла стрелу болотна лягушка...») (У мифической стрелы много назначений. Ведь невеста, на которую пал выбор Неба, имеет эпи-

тет «звёздная». Такой предстаёт она в нанайской сказке «Кандемди-мафа» («Покровитель»).

«В серебряном и золотом гианга-такто (сказочные дворцы) живут на небе дочери владельца сказочного селения – иргэнхана. Девять шнуров тянутся от небесных дворцов к земле. Кто одной стрелой подсечёт все шнуры, тому и достанется небесная невеста.

Много съехалось женихов, да не простых: все шаманы и муханы-богатыри. Однако не слушается их стрела, и поживают в своих заоблачных дворцах небесные невесты, ожидая суженого. Но вот старик Кандемди-мафа лук до самого уха натянул, долго-долго метил – и стрельнул. Загудела стрела, через три дня её не слышно стало. Потом начало небо темнеть. Через три дня светлеть стало. Люди говорят: «Что-то с неба падает». Правда: падает медленно с неба золотой дворец, будто птица садится. Дверь сама открылась, красавица вышла. А на груди у невесты на золотых цепочках – сэлкэн (серебряное украшение невесты в форме полумесяца или диска), как месяц, светит, сияет».

Не для себя, оказывается, высватал старик Кандемди двух небесных невест – для двух земных молодцов-мэргэнов, которые и знать не знали своего покровителя. Однако, он только исполнитель воли духов-сэвэнов. «Они и старика послали, чтобы он отвоевал им небесных невест».

Сказочная гипербола обнажает представления нанайцев о луке и стрелах как ПОСРЕДНИКАХ между землёй и небом. Точнее сказать, Земли и Луны, чей знак и носили на груди волшебные и реальные нанайские невесты.

Нужен был лук и касаты-шаману. Выстрелом из лука завершал он большие поминки, убивая тем самым чорта, преграждавшего шаману с душой умершего путь в буни.

В приамурском селении Джари я наблюдала, как старик Колбо Бельды делал игрушечный лук-бурикэн и стрелы – лэкэ. Острие стрелы – объёмное – напоминало собой голову птицы, и клюв был остриём. Глубоко высверленные глаза не оставляли сомнений в сходстве.

Мне показалось, что и оснащение стрелы узорами несколько напоминало культовый ритуал. Шлифуя ножом длинное тело стрелы, Колбо не до конца срезал тонкие стружки-гиасу, похожие на те, которыми шаман обвивал свою голову и запястья перед камланием. Резчик оставлял их в хвосте стрелы, затем обвивал ими её остов и поджигал. На их месте оставалась белая змеиная спираль. У стрелы с головой птицы и туловищем с кольцами змеи было и хвостовое оперение: три орлиных пера.

Стрела для мальчика – нани, конечно, имела учебно-практическое применение. Он мог охотиться на мелких птиц. Но лук и стрелы были и оберегом ребёнка от «злых духов», начиная с

его младенческих колыбельных лет. Ведь выгнутая форма лука не что иное, как диаграмма небесного свода, защитный купол неба. Селькупы, например, пуповину ребёнка перерезали ритуальной стрелой, наконечник которой имел вид летящей птицы с устремлёнными назад крыльями. Эвены привязывали к колыбели мальчика лук. Селькупы в своём зимнем жилище подвешивали матерчатую колыбель к тетиве лука, подвешенного к потолку.

В нанайской сказке «Стрела выбирает невест мэргэнам», стрела, а, точнее, две стрелы выполняют несколько функций. Прежде всего, они убирают с пути женихов – мэргэнов злого духа великана – Горчалан, который тоже претендует на невесту-шаманку. Непростая ведунья-фудин понимает замысел зловещего «жениха» и, пронзённого нивестью откуда взявшимися стрелами, в прямом смысле убирает его со своего пути, отправляя его тело на съедение рыбам в озере.

Но вот появляются на сцене сказки и братья-женихи (аоян), владельцы стрел, которые фудин, выдернув из тела убитого великана, принесла домой и, в ожидании женихов, выставила в окно. Зная об их приходе, фудин ложится на накан и закрывается халатом, делая вид, что спит. Но это не мешает старшему и сквозь халат разглядеть, что она, как звезда, светится.

Тут-то, казалось бы, и выбрать фудин одного из братьев в мужья. Но – не тут-то было. Нескоро сказка сказывается... Приезжают слуги из другого селенья, от незнакомой старой женщины, и просят фудин вылечить заболевшую хозяйку, откуда-то узнав, что фудин эта – шаманка.

На рисунке Анны Онинка, посвящённом этому эпизоду, в руках приехавшей целительницы нет шаманского бубна. Да и лечить её не надо. Фудин ставит свой «диагноз»: мать двух мэргэнов, избавивших девушку от великана, слегла от обиды на одного из двух сыновей. Фудин вынимает, видимо, «духа обиды» в форме как бы бесплотной, прозрачной фигурки из сердца лежащей старушки через её отверстый рот.

Возникает аналогия, свидетельствующая о том, что героиня сказки – большая шаманка. Предметы шаманского снаряжения у кандидата в касаты – большого шамана якобы «появлялись изо рта».

Что же за «обида» причинила душевную боль старушке? – Один из её сыновей, стрела которого, и мать это, видимо, знала, уже выбрала ему невесту, завёл себе другую девушку. На рисунке она сидит у очага и курит трубку, как у себя дома. Провинившийся сын растерянно развёл руки, виновато опустил глаза. В тексте сказано: «Зло взглянула на него фудин»-гостя.

Однако, через какое-то время, вместе с матерью, приехал провинившийся жених к звёздной

невесте свататься. Повинился. Помирились. В ответе матери фудин – смысловая кульминация сказки: «Давно бы так! Всё равно это ваша судьба, раз лэкэ – стрела тебе её в жёны выбрала».

Внутри сказки есть и второй сюжет. Младшему-то мэргэну ведь тоже жена нужна. На этот раз ей оказывается «небесная невеста», подружка фудин-шаманки. На картинке изображена она в облаке, спустившемся на землю. В руке – стрела: знак правильного выбора. Фон – реальный, земной пейзаж нанайского двора: стоит обычный дом, недалеко амбар-такто на сваях. Но вот – другие – «волшебные» детали. Нарисован шалаш, из которого шаманка-фудин взывала к подружке на небо. Ствол священного дерева, перед которым стол с жертвоприношениями: бутылка и миска с едой. На стволе – небольшое углубление, в котором означена фигурка сэвэна. Сам рисунок с двух сторон обрамлён символически орнаментированным Древом Жизни.

Анна Онинка изображает его на многих своих иллюстрациях. Это своего рода оберег счастливого конца сказки и её героев.

Стрела в этой сказке играет роль судьбоносного вестника. Она призвана ещё и для того, чтобы накликать чадородие молодых пар.

Подобное осмысление этой роли стрелы и лука свойственно разным народам мира. В Монголии, например, во время свадебного обряда принято желать: «Натягивайте лук, увеличьте семью!» В Китае лук и стрелы ассоциируются с плодородием и умножением потомства.

Таков закадровый смысл этой сказки, расшифровать который, хотя бы частично, помогли мне рисунки знатока нанайского мировидения, этнохудожницы Анны Онинка.

Живы ли сегодня в сознании коренных народов Приамурья эти древние представления, закодированные в обрядах и сказках? Естественно, не получусь за всех, но вот – сравнительно недавний эпизод.

В 70-е годы прошлого столетия вновь я приехала в Верхний Нерген, в дом Анны Онинка. На столе лежала бумажная выкройка нанайского женского халата с необычным, не традиционным рисунком. На нём – два Древа. Одно – Древо душ ещё не рождённых детей – Омиамони, на котором можно рассмотреть двух птенцов, и «шаманское дерево», за которым прячется злой дух – амбан с рогами, клыками, когтистыми пальцами. А за стволом Древа жизни – противостоящая ему пара: мужчина в нанайском костюме – уже натянул лук и целится в амбана, и женщина, обнимающая живонный ствол.

Сюжет, для халата – оила тэчичэури тэтуэ совершенно необычный. Спрашиваю Анну, ЧТО бы он означал? Оказывается, у её родственни-

ков – молодой супружеской пары – всё нет и нет детей. Каждая беременность жены заканчивалась выкидышем. Супруги поняли, что виновником был злой дух-амбан, которого следовало убить. Чем? Конечно, стрелой, выпущенной из рода матери взявшего лук мужчины.

– Ну, и что: помог ли рисунок?

– Помог, – отвечает Анна. – Родился у них сынок, назвали «Виктор».

То-то с такой надеждой молодая нанайка обнимала древесный ствол, с ветвей которого слетел и со временем внедрилась в чрево женщины душа ребёнка, которая мыслилась народом нани в образе птенца-чока.

Эпизод многозначен. В нём – древнейшее представление о магической роли ЛИНИИ, нанесённой на камень, бересту, бумагу, ткань. Вспомним наскальные рисунки любого региона планеты, когда охотники наносили образ грядущей добычи на камень и как бы заранее приговждали его стрелой.

Лук и стрела здесь – не только оружие возмездия, но и способ накликания чадородия.

Я попросила Анну Онинка вышить на ткани её рисунок, и в следующий приезд к ней получила уникальное панно, которое и представляю читателю.

Магические свойства лука и стрелы исповедовали люди древних времён. Недаром в одном из созвездий ночного неба углядели они фигуру СТРЕЛЬЦА, туго натянувшего тетиву поднято-

ФОТО: Вышитый Анной Онинка на ткани необычный сюжет.

го вверх лука, чтобы устремить стрелу в космические сферы. «Созвездие Стрельца» – так звучит в астрономии его название.

«СОЗВЕЗДИЕ НЕДРУЖНОЙ СЕМЬИ»

Что видит так называемый «цивилизованный» человек, если обратит свой взор к небу? Владимир Клавдиевич Арсеньев размышлял на эту тему в своей книге «В дебрях Уссурийского края». «Небо – синее днём, тёмное – ночью и пасмурное во время ненастья». Арсеньеву казалось, что Дерсу Узала «никогда не задумывался над тем, что такое небо, что такое звёзды. Объяснял он всё удивительно просто. Звезда – звезда и есть; луна – каждый её видел, значит, и описывать нечего... Дерсу удивлялся, что я спрашивал о таких вещах, которые хорошо известны всякому ребёнку». Сообразно своим представлениям, пытался разъяснить непонятливому собеседнику для его народа очевидное, что и пояснить-то не стоило.

– Кругом люди понимай. Разве тебе, капитан посмотри нету? – спрашивал он меня в свою очередь.

Но «капитан» смотрел на небо привычными глазами обычного человека, «ум которого заполнен книжными аксиомами».

Однако диалог сидящих у костра продолжился. Смотревшего на звёздное небо Владимира Клавдиевича вывел из задумчивости голос Дерсу.

– Посмотри, капитан, – сказал он, – эта маленькая «уикта» (звезда).

Я долго не мог разобраться, – пишет Арсеньев, – на какое светило он указывал, и, наконец, после разъяснений понял, что он говорил про «полярную звезду».

– Это самый главный люди, – продолжал гольд. – Его всегда один место стоит, а кругом его все уикта ходят.

В это время яркая падающая звезда чиркнула по небу.

– Что это такое, Дерсу! Как ты думаешь? – спросил я его.

– Одна уикта упала.

Я думал, что он свяжет это явление с рождением или со смертью человека, даст ему религиозную окраску. Ничего подобного. Явление простое: одна звезда упала.

Для Дерсу не было сомнений в том, что и полярная звезда, и те, что вокруг неё «ходят», и только что упавшая – создания живые, одушевлённые и у них есть своя субординация.

На днях прочла информацию, что современные исследования учёных предполагают те же

Бегущая семья

выводы: земля, как и прочие планеты нашей Вселенной, суть живые организмы.

Древнее «природоведение» знало об этом давно.

Полярную звезду нанайцы называли ХАДАХАНИ – НЕХОДЯЩАЯ.

В созвездии, которое мы называем «Большая Медведица», видели другой, я бы сказала, апокалипсический сюжет. Именовали его «Созвездием недружной семьи».

«СОЗВЕЗДИЕ НЕДРУЖНОЙ СЕМЬИ» (Записано от Дачи Удинкан)

«Большая Медведица» – это русские так назвали. У нас по-другому называется: пэулэн.

Жила одна небесная семья: отец, мать, дочь. Дочку выдали замуж. Отец говорит зятю-ходё: «Поди, сделай дэлкан, четыре рогатины вбей, чтобы на них невод класть просушивать». Зять сделал, да неровно рогатины вбил: вкривь и вкось.

Увидел старик – мапа такую работу, рассердился, схватил топор, погнался за зятем, зять – от него, дочка – асия пиктэ – за ними – мужа от отца защитить...

Так и бегут до сих пор, никто никого догнать не может...

«Ковш», как вы четыре звезды называете, это и есть четыре криво вбитые рогатины, а ещё три звезды – бегущая недружная семья: дочка к мужу бежит, мапа – за зятем-ходё и топорик – сурэ в руке держит – са-амую звёздочку маленькую... Топориком машет. Вы, наверно, видели, как эта маленькая звёздочка то ярче, то тише бывает... Бежали они, бежали, никто никого не догнал и в звёзды превратились...»

Спрашиваю Дачи-сказительницу: «А что, если они догонят друг друга?»

«Тогда и конец земли будет», – отвечает мудрая нанайка.

Предостерегает людей древняя астрономия: Дружно живите! Иначе плохо кончатся ваши земные раздоры. Погибнет от них земля.

Анна Онинка своими рисунками подтверждает эту притчу. Огораживает бегущих персонажей завитками символического Древа Жизни, тоже – словно предупреждает.

Второй рисунок тоже непросто. Три Мира связывает собой СЕМИЗВЁЗДНОЕ Созвездие: Нижний, хтонический, населённый ящерицами да лягушками; Средний, проросший Древом Жизни; Верхний, где витают символические завитки облаков, мирных в небесном океане. Мирных – пока...

Созвездие «пэуэлэн»

МИРОВОЕ ДРЕВО И ЕГО ЗЕМНЫЕ МОДУЛИ

В древнем нанайском сказании о добром духе Хадо перечисление его деяний начинается с главного: «Сделал он большое-большое, толстое, высокое дерево, вершина до облаков доходила...»

Небесное Мировое Древо, известное почти всем народам планеты, в нанайских представлениях имеет свой оттенок, выраженный в названии Омиа-мони – Древо душ (ещё не рождённых детей). Его зримый, вышитый, портрет можно увидеть на свадебных халатах нанайских невест. Оно не имеет признаков вида. Это – Древо всех деревьев – всеобщее. Становится ясно, что и сама девушка, облачившаяся в ритуальные свадебные одежды, мыслилась деревом жизни, деревом ещё не рождённых детей.

Принципиально та же мысль воплощена и в старинных северо-русских вышивках, где Древо Жизни как бы прорастает сквозь фигуру богини-Праматери.

Некоторые нанайские сказки словно отражают реальность этого символа, совмещая действием девушку с деревом. Именно так

происходит в сказке «Белая берёза» («Чагдян чалбан»), вероятно, очень древней по происхождению, ибо в ней участвуют персонажи предания об изначальном сотворении Древа Душ и вслед за ним, как бы вопреки ему – Симбиромони – шаманское дерево.

Главная героиня сказки – девочка – фудикэн – наделена одним качеством: она поёт, и пение её родственно весне, пробуждающей животворящие силы природы. «Льётся песня, как речка журчит. Вместе с песней, и птицы начинают петь, и травы колыхаться-шелестеть...» Первый аккорд сказки ассоциативно сближает девочку и природу.

Понятно, почему не по вкусу пришлось пение девочки смертоносному Чёрному Змею – Сахаридьян. И превращает он поющую в бездушный камень. Добрый дух Хадо, узнав о злодеянии, возвращает фудикэн к жизни, но – в облике берёзы.

Два портрета обрамляют сказку, зеркально повторяя друг друга, словно прорастая один в другой. В первом – у девочки «волосы на ветру, как берёзовые ветви, играют-переливаются». В финальном – «У белой берёзы ветви на ветру играют-переливаются, словно волосы длинные».

Сказка как бы приуготовляет, репетирует слияние женского начала с древесным.

Такое же совмещение, превращение девушки в дерево – происходит и в сказке «Ивушка». Отметим, что в обеих сказках означен вид дерева: берёза, ива. Иву нани относят к священному дереву, ибо многолистка она, и в каждой развилке веточки предположительно обитал образ птенца – души будущего ребёнка.

Много священных деревьев в Приамурской тайге. Один род ульчей называет себя Дятала – по виду дерева с розовой древесиной. Я не знаю его дендрологического названия, но присутствовала на церемонии, когда пожилой ульч совершал поклонение своему «предку», каким считали это дерево его соплеменники. Человек подошёл к дереву, встал на колени, поклонился, сказал, подняв руки к дятала: «Вот я пришёл к тебе, дедушка, попросить об удаче в охоте...» И долго ещё разговаривал – молился на своём языке. Потом острым ножом срезал осторожно тонкий слой коры, раз взмахнул, два – и появился на стволе лик, повторяющий лики на сакральных фигурках деревянных сэвэнов.

Вероятно, дерево это почиталось у ульчей священным – пиоха.

Приведу отрывки из нескольких сказок, в которых задействовано священное дерево.

...Вот однажды девушка-пудин с младшим братишкой спасалась от старшей сестры,

«Эдемская память» стр. 45. Пиоха выходит из дерева.

которая была сумасшедшей и их преследовала. «Шла пудин с ношей день и ночь. Тяжело, устала она. Дело было зимой, голодные оба... Тогда выбрала пудин большое-большое дерево, собрала сушняк, костёр развела, стала бода (рисовый отвар) в железном ковшике, что с собой захватила, варить. Сварила. Наелись. Уснули оба. Во сне слышит треск пудин. Это, оказывается, дерево раздвоилось, вышел из него старик-пиоха, весь светится. «В злого духа, – говорит, – сестра твоя превратилась. Жалко мне твоего маленького братишку, заберу его к себе, а ты сама спасайся». Проснулась пудин – нет брата. А дерево такое же целое, как вечером было, стоит».

По сюжету сказки, вернулся младший брат на землю, могучим муханом-богатырём стал: его ведь сам пиоха воспитал. (Сказка «Как Пиоха воспитал мухана»)

В нанайских сказках священные деревья часто бывают спаяны с темой рождения и воспитания необычного ребёнка, мухана-богатыря. Непорочным, сверхъестественным способом зачала младенца красавица-пудин в сказке «Три ласточки» – «Илан чифяку».

«Упал на голову пудин ласточкин помёт.

Забеременела она, а откуда это – не знает. Пришёл срок, пошла она к амиктан – священному дереву в тайгу, большому, высокому. Внизу в стволе этого дерева – большое дупло. Вроде как комната. Вошла туда пудин, соломку, что по дороге собирала, на пол дупла постелила. Возле входа в дупло огонь зажгла – злых духов отгонять.

Родила она мальчика невиданной красоты: светлые волосы у него, зубы, как жемчуг речной, большой палец крепкий, как кость – из лука лучше стрелять.

Залезла пудин на верхние ветки священного дерева, оставила там ребёнка. Вверх, туда, где солнечные лучи и лучи луны живут, небесной пудин закричала:

– Возьми себе моего сына, расти его, выходи потом за него замуж, он муханом – богатырём будет!

И так и было».

РИСУНОК Онинка к сказке «Илан чифяку». Юноша – воспитанник Пиоха – обручается с небесной фудин. Их приветствуют родители мэргэна – юноши.

Сюжет на рисунке защищён деревьями – оберегами, а также изображением бабочки-меонги, чтобы никто не посягал на счастье молодой пары и благополучный финал сказки.

Дерево здесь мыслится, как дорога в Верхний мир – для избранных, чьё зачатие и необычная судьба приуготовляются и вершатся силами Неба.

Если же продолжить линию символического совмещения: женщина – дерево, которую мы начали проследить в сказках «Белая берёза» и «Ивушка», то намечена она и в сказке «Три ласточки». Чрево женщины вписывается в чрево-дупло дерева, и оно становится как бы причастным к акту рождения ребёнка, напоминая о Дереве душ – Омиа-мони.